

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2024. № 3(183)

Научно-практический журнал
Выходит 6 раз в год

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: krivitskaya-av@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2024
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — проректор по науке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. Vice-Rector for Science of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

8 ХЛУТКОВ А. Д.

Публичная власть и эффективность управления на этапе 2024 г.

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

9 МУРАТОВ А. В., ФРИДМАН М. Ф.

Институционализация политического лидерства: предмет, проблемы и перспективы

20 ХЛОПОВ О. А.

Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы

33 ШЕВЧЕНКО Е. С.

Межинституциональное взаимодействие главы государства и Конгресса США: исторический контекст и современные особенности

43 АСТАХОВА О. А., ГРИДНЕВ В. П.

Актуальные проблемы и перспективы развития государственных контрольных (надзорных) органов в России

51 МУСАЕВ А. И., АХМЕД З. М. С., ШИХИЕВ З. Ф.

Конфликтологическое прочтение концепции дерискинга американо-китайских торговых отношений

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

67 ХАЛИН В. Г., ЧЕРНОВА Г. В., КАЛАЙДА С. А.

Риски цифровизации и управление ими

86 ЕЛСУКОВ М. Ю., МОСКАЛЕНКО В. Н.

Развитие подходов к реализации региональной политики в России

97 ЛОСЕВ Е. А.

Анализ взаимосвязи инновационного потенциала и уровня развития инновационной инфраструктуры

106 ВЛАСЮК Л. И., НОВИКОВ А. П.

Стратегические возможности перехода к цифровым технологиям в регионах России

118 САФИНА С. С., АРТАМОНОВА О. С.

Опыт Вьетнама в формировании и развитии специальных экономических зон

131 ШАЦКАЯ И. В.

Стратегические направления развития электронной отрасли промышленности России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 141 ХЛОБЫСТОВА А. О., АБРАМОВ М. В., ТУЛУПЬЕВА Т. В.**
Категоризация профессиональных предпочтений в IT-сфере
- 154 АНДРИЕНКО А. В., ПАВЛОВА Т. А.**
Оценка качества процессов образовательной деятельности
- 162 КАШИНА М. А., ВАСИЛЬЕВА В. А., ТКАЧ С.**
Социологическая концептуализация понятия «драйвер» в контексте развития социогуманитарных исследований в российских университетах

A LINEA

- 179 ВЕКШИН В. О.**
Политическое участие молодежи Санкт-Петербурга на примере протестной деятельности
- 197 ВИНОГРАДОВ А. Э.**
Анализ социологических концепций института наставничества

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 209 ШМЕЛЁВА Н. В.**
Рецензия на учебное пособие И. В. Новиковой «Стратегическое управление трудовыми ресурсами»
- 211 СТЕПАНОВ А. В.**
О книге А. Ф. Измайлова «Востребованный временем. Очерки о Г. В. Романове (1923–2008), советском партийном и государственном деятеле»
- 213 БЕСЧАСНАЯ А. А., ТЮРИНА Ю. А.**
«Детство в современной России»: взгляд экспертов на детские проблемы (по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Детство в современной России: проблемы, политика, перспективы»)

НОВОСТИ

- 220** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8 ANDREY D. KHLUTKOV**
Public Power and Governance Efficiency at the Stage of 2024

POLICY AND LAWFUL STATE

- 9 ARTUR V. MURATOV, MIKHAIL F. FRIDMAN**
The Phenomenon of Political Leadership: the Problem of Institutionalization of Public Power
- 20 OLEG A. KHLOPOV**
The Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) in the Indo-Pacific: Challenges and Perspectives
- 33 EKATERINA S. SHEVCHENKO**
Interinstitutional Interaction between the Head of State and the US Congress: Historical Context and Modern Features
- 43 OKSANA A. ASTAKHOVA, VALERIY P. GRIDNEV**
Current Problems and Prospects for the Development of State Control (Supervisory) Bodies in Russia
- 51 ABDURASHID I. MUSAEV, ZYAD M. S. AHMED, ZIYAD F. SHIHIEV**
A Conflictological Interpretation of the Concept of Derisking US-Chinese Trade Relations

POWER AND ECONOMY

- 67 VLADIMIR G. KHALIN, GALINA V. CHERNOVA, SVETLANA A. KALAYDA**
Digitalization Risks and Their Management
- 86 MIKHAIL Yu. ELSUKOV, VALERY N. MOSKALENKO**
Development of Approaches to the Implementation of Regional Policy in Russia
- 97 EVGENIY A. LOSEV**
Analysis of the Relationship of Innovation Potential and the Development of Innovation Infrastructure Level
- 106 LYUDMILA I. VLASYUK, ALEXANDER P. NOVIKOV**
Strategic Opportunities for the Transition to Digital Technologies in Russian Regions
- 118 SAZHIDA S. SAFINA, OLGA S. ARTAMONOVA**
Vietnam's Experience in the Formation and Development of SEZs
- 131 IRINA V. SHATSKAYA**
The Strategic Directions for the Development of the Electronic Industry in Russia

SOCIETY AND REFORMS

- 141 ANASTASIYA O. KHLOBYSTOVA, MAXIM V. ABRAMOV, TATIANA V. TULUPYEVA**
IT Job Preference Categorization
- 154 ALENA V. ANDRIENKO, TATIANA A. PAVLOVA**
Assessment of the Quality of Educational Activity Processes
- 163 MARINA A. KASHINA, VALERIA A. VASILYEVA, SERGEY TKACH**
Sociological Conceptualization of the Concept of “Driver” in the Context of Solving Problems of Development of Socio-Humanitarian Research at Russian Universities

A LINEA

- 179 VLADISLAV O. VEKSHIN**
Political Participation of the Youth of St. Petersburg on the Example of Protest Activity
- 197 ALEXANDER E. VINOGRADOV**
Analysis of Sociological Concepts of the Institute of Mentoring

ANNUAL CONTENT

- 209 NADEZHDA V. SHMELEVA**
Review of the Study Guide by I. V. Novikova “Strategic Human Resources Management”
- 211 ALEKSEI V. STEPANOV**
About the Book by Albert F. Izmailov “Demanded by Time. Essays on G. V. Romanov (1928–2008), Soviet Party and Statesman”
- 213 ALBINA A. BESCHASNAYA, YULIA A. TYURINA**
Childhood in Modern Russia: Experts’ Views on Children’s Problems (Based on Materials of the Russian Scientific and Practical Conference “Childhood in Modern Russia: Problems, Politics, Prospects”)

NEWS

- 220** News of RANEPa Saint Petersburg

Публичная власть и эффективность управления на этапе 2024 г.

Public Power and Governance Efficiency at the Stage of 2024

К 2022 г. российские лидеры сделали абсолютно верный вывод о том, что комплекс мировых проблем, оказывающих определяющее влияние на Россию, не только не исчезнет сам по себе, но и будет углубляться. Были приняты военные и политические решения, которые всем известны. Прошедшие два с половиной года потребовали определенной корректировки формы государства, его институтов, стратегии развития, моделей управления.

Процесс реформирования начался не в 2022 г., а несколько раньше. В российском законодательстве еще в 2020 г. введено понятие «органа публичной власти», которое является собирательным для правовых понятий «органа государственной власти» и «органа местного самоуправления», осуществляющих и олицетворяющих публичную власть. Изменения введены Законом России о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»: публичная власть стала относиться к федеральному ведению.

Публичная власть по умолчанию измеряется критерием эффективности, который определяется через конечный результат:

- 1) общая работоспособность государственных институтов, обеспечивающих общественную стабильность;
- 2) уровень и качество жизни населения.

Еще раз подчеркну. Публичная власть в ее государственном изначалии и начале местного самоуправления имеет несколько разный генезис, но решает одну задачу.

Неэффективная власть исчезает вместе с государством, причиняя обществу бесчисленные страдания. Всех сомневающихся прошу осмыслить опыт 1991 г. Таким образом, единство публичной власти, не отрицающей разделения на федеральную, субъектную и местное самоуправление, обеспечивает выполнение всех задач, от бытовой канализации до национальной безопасности стратегического уровня.

РАНХиГС обладает достаточными возможностями для подготовки соответствующих кадров. Тем не менее очень остро стоит вопрос об адекватности даже не учебных программ, а всей системы образовательных стандартов новым условиям и новым государственным задачам.

А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, председатель редакционного совета

Институционализация политического лидерства: предмет, проблемы и перспективы

А. В. Муратов¹, М. Ф. Фридман^{1*}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *e-mail: mffree79@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена важной и актуальной проблеме — изучению феномена политического лидерства, определению оптимальных условий его становления в качестве политического института. В современных условиях весьма наглядно проявляется наслоение различных культурно-исторических парадигм, напрямую связанных со стратегическим развитием ключевых социальных институтов. С одной стороны, исследователи отмечают наступление принципиально новой для цивилизации эпохи — информационного общества, обладающей собственными стратегическими ориентирами и приоритетными направлениями, с другой — предыдущие (индустриальное и аграрное) параллельно сосуществуют, конкурируя и тормозя развитие друг друга. Наступление нового технологического уклада не отменяет экспансию предшествующих. Именно поэтому политическое лидерство сегодня привлекает большое внимание и политологов, и публичных политиков, и ведущих представителей ключевых социальных институтов.

В работе рассматривается история развития представлений о политическом лидерстве, анализируется понятийный аппарат, выявляются существенные признаки указанного феномена. Анализ проблемного поля, критика существующих подходов и определение преобладающих тенденций указывают на достоверность и обстоятельность проведенного исследования, подчеркивают его теоретическую и практическую значимость.

Материалами для исследования послужили научные источники, находящиеся в открытом доступе (книги, монографии, статьи в рецензируемых научных журналах; диссертации и авторефераты; статьи в сборнике материалов научно-практических конференций и т. п.), официальные средства массовой информации (веб-сайты, газеты, журналы, телевизионные передачи), публичные заявления высших должностных лиц, нормативно-правовые документы, результаты изучения общественного мнения, экспертные оценки ведущих политологов, политтехнологов и консалтинговых агентств.

В качестве методов используются большей частью теоретические: анализ научных текстов, периодической печати, публичных заявлений официальных лиц, нормативно-правовых документов, результатов изучения общественного мнения; сравнение, сопоставление, экстраполяция.

Результатом проведенного исследования является уточнение понятия «политическое лидерство», проблематизация динамики его становления и преобразования в политический институт.

Обсуждение результатов исследования состоялось на заседаниях кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук и кафедры экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, а также Международного научно-образовательного центра имени А. А. Зиновьева философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: политическое лидерство, политическая власть, политический лидер, государственное управление, политический институт, руководитель, политик, стратегическое развитие

Для цитирования: Муратов А. В., Фридман М. Ф. Институционализация политического лидерства: предмет, проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 9–19.

The Phenomenon of Political Leadership: the Problem of Institutionalization of Public Power

Artur V. Muratov¹, Mikhail F. Fridman^{1*}

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *e-mail: mffree79@mail.ru

ABSTRACT

This article is devoted to an important and urgent problem — the study of the phenomenon of political leadership, determining the optimal conditions for its formation as a political institution. In modern conditions, the layering of various cultural and historical paradigms directly related to the strategic development of key social institutions is very clearly manifested. On the one hand, researchers note the onset of a fundamentally new era for civilization — the information society, which has its own strategic guidelines and priority areas, on the other — the previous (industrial and agrarian) coexist in parallel, competing and inhibiting each other's development. The onset of a new technological order does not cancel the expansion of the previous ones. That is why political leadership today attracts a lot of attention from political scientists, public politicians, and leading representatives of key social institutions.

The paper examines the history of the development of ideas about political leadership, analyzes the conceptual apparatus, identifies the essential features of this phenomenon. The analysis of the problem field, the criticism of existing approaches and the determination of prevailing trends indicate the reliability and thoroughness of the conducted research, emphasize its theoretical and practical significance.

The materials for the research were scientific sources in the public domain (books, monographs, textbooks, articles in peer-reviewed scientific journals; dissertations and abstracts; articles in the collection of materials of scientific and practical conferences, etc.), official mass media (websites, newspapers, magazines, television broadcasts), public statements senior officials, regulatory documents, results of public opinion research, expert assessments of leading political scientists, political technologists and consulting agencies.

The methods used are mostly theoretical: analysis of scientific texts, periodicals, public statements of officials, regulatory documents, results of public opinion research; comparison, comparison, extrapolation.

The result of the conducted research is the clarification of the concept of "political leadership", the problematization of the dynamics of its formation and transformation into a political institution.

The results of the study were discussed at the meetings of the Department of Humanities of the Institute of Social Sciences and the Department of Economic Theory and Politics of the RANEPA under the President of the Russian Federation, as well as the A. A. Zinoviev International Scientific and Educational Center of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Keywords: political leadership, political power, political leader, public administration, political institution, leader, politician, strategic development

For citing: Muratov A.V., Fridman M.F. Institutionalization of Political Leadership: Subject, Problems and Prospects // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 9–19.

Введение

В настоящее время проблема политического лидерства стоит очень остро. Это объясняется планомерным переходом к принципиально иной культурно-исторической парадигме, в которой роль информации является ключевой. Сегодня, в условиях становления информационного общества, необходимо критически переосмыслить существующие подходы к изучению рассматриваемого феномена [1]. Важно понять, что такое лидерство, каковы его сущностные признаки и особенности, каким потенциалом должен обладать лидер, как и когда проявляются лидерские качества и т.д. [2, 16].

Отдельным вопросом является изучение условий институционализации публичной власти, т.е. цель настоящего исследования заключается в определении оптимальных условий становления лидерства в качестве политического института.

Термины «лидер», «лидерство», используемые в современной политологии, дословно означают «вождь», т.е. лидер — это ведущий [7]. Слово заимствовано из английского языка (leader), что вполне закономерно, так как именно в Великобритании, а потом и в ее северо-американских колониях, объединившихся впоследствии в США, зарождается в Новое время и затем получает развитие обозначаемый этим термином политический феномен, одно из важнейших понятий современной политологии и менеджмента [11].

При всей многозначности рассматриваемого понятия, у него — три основных смысла, а именно этим термином обозначается ведущий (вождь — в противоположность ведомым), т.е. лидер — это человек, возглавляющий тех, кого он ведет и которые следуют за ним [6, 8]. Второе значение: это формальный руководитель, начальник над подчиненными. Третье: это первенствующий в каком-либо состязании и, особенно, в гонке, опережающий отстающих — аутсайдеров наряду с тонкой семантической разницей трех коннотаций, неизменным остается одно: лидер — тот, кто впереди остальных, кто является их ориентиром, чья воля становится определяющим фактором [7, 8].

Рассматривая культурно-исторический подход в контексте последовательной смены соответствующих парадигм, становится очевидно, что условия и требования лидерства разительно отличаются от эпохи к эпохе [10]. Так, в кочевом обществе лидером был самый сильный, самый выносливый, самый смелый — тот, кто мог организовать и защиту, и пропитание, и выживание в целом стаи/племени/общины. В аграрном обществе, ведущим преимущественно оседлый образ жизни, лидер является руководителем обособленной территории, ограниченной государственной границей, межей своего землевладения и/или городской крепостной стеной, внутри которых создаются своя культура, свой порядок, свой закон, своя система общественных отношений. С наступлением индустриального общества формальные границы уже не имеют такого большого значения в жизни общества, человек выходит из-под влияния государства, работая за прибыль, а не за зарплату. Предпринимательство становится условием освобождения человека от найма, от службы, а государство превращается в сервисную структуру, обслуживающую бизнес [17].

Очень интересно, что в настоящее время наиболее эффективной и популярной формой государственной власти остается демократия. Сегодня бытует расхожее мнение, что демократия — это власть народа, однако дословный перевод этого термина «власть демоса», т.е. власть граждан — благородных эллинов, обладающих всей полнотой прав в полисе [15]. Эллинов, возникающих на основе сочетания высокой культуры и образования, с одной стороны, и экономической независимости, с другой. Только обладающий обоими этими качествами может участвовать в процессе управления городом-государством, ибо это очень важно. В то же время, как известно, люди, не понимающие серьезность указанного занятия, в Греции именовались «идиотами». Нужно отметить, что гражданин не может стать таковым по праву рождения, он должен быть готов к исполнению гражданского долга. Поэтому практически во всех культурах существовал обряд инициации, превращающий подростка в юношу, отроковицу — в девушку с последующей передачей им права голоса в общине. Сегодня в России ребенку 14 лет выдают паспорт гражданина, а с 18 лет наступает его полная ответственность перед законом. Он не проходит никаких испытаний, а получает все гражданские права при наступлении определенного законодательством возраста.

Еще один весьма любопытный момент. Высокий интеллект вкупе с экономической самостоятельностью характеризует гражданина полиса как принадлежащего к про-

грессивному для своего времени классу, способствующему стратегическому развитию города-государства. Война между государствами издавна способствовала обогащению одних стран и порабощению, а иногда и уничтожению, других. С распространением предпринимательства и, следовательно, рыночной экономики на смену войне приходит конкуренция, и благосостояние людей прирастает не военными трофеями, а коммерческой прибылью, что значительно сокращает кровопролитие в мире [17]. Развитие конкуренции заставляет наращивать обороты производства и осваивать новые рыночные ниши, что неминуемо приводит к интенсивному развитию технологий, оборудования, материалов и, конечно же, мышления. Предприниматели в индустриальном обществе становятся новым прогрессивным классом: будущее становится напрямую связано с их активностью [14]. Вместе с этим, чем больше мы производим, тем больше мы расходуем природных ресурсов (углеводородов, минералов, пресной воды, человеческих жизней и пр.), тем интенсивнее истощается и оскудевает планета: мы превращаем ресурсы в мусор. Это происходит на фоне инновационного развития производства и небывалого ускорения движения информации, что приводит к переходу к новой парадигме — информационному обществу, в котором к людям приходит понимание очевидных ошибок современной цивилизации, ставящих и человечество, и жизнь, и мир под угрозу. Глобальные проблемы современности требуют решений, основанных на участии населения всего земного шара. ООН предлагает концепцию устойчивого развития, большей частью носящей декларативный характер.

Материалы и методы

Говоря о проблеме институционализации публичной власти в контексте феноменологии политического лидерства, важно выделить ряд существенных проблем. Во-первых, это стратегическое развитие ключевых институтов: в XXI в. универсальных лидеров нет, так как преобладает интеллектуальное лидерство, основанное на создании и реализации нестандартных подходов, что вытесняет и технологию, и формальный статус на вторые роли. Во-вторых, необходимо концептуально определиться с сущностью политического лидера, а именно, при каких условиях проявление лидерских качеств возможно наиболее выразительно [4]. Можно быть успешным предпринимателем и при этом блеклым политиком, можно быть талантливым госслужащим, но при этом не обладать ни харизмой, ни убедительностью [9]. В-третьих, методологическое обоснование институционализации публичной власти требует определения субъектности: кто и почему имеет право вести других за собой, каковы цели и задачи политического лидерства, какие формы, методы и средства публичной власти наиболее эффективны в информационном обществе. В-четвертых, практический аспект рассматриваемой проблемы, т.е. отбор и подготовка политических лидеров для решения масштабных стратегических задач, формирование и продвижение личного бренда публичного политика, этические принципы и психологические установки в работе новых вождей [5, 7]. Для решения каждой группы названных проблем существуют свои методы, однако, очень интересно рассмотреть и эволюции самого феномена политического лидерства не только в исторической ретроспективе, но и применительно к социальной стратификации (У. Уотсон, Г. Стэндинг и др.). Формирование или появление лидера в различных социальных группах, имеющих и испытывающих острую необходимость в артикуляции, представлении и продвижении своих политических интересов. Разного рода субкультуры, оформляющиеся в новом обществе социальные классы и экономические страты, религиозные и идеологические течения и пр. — все они нуждаются во внятных выразителях их общественного мнения, в отстаивании интересов и защите прав [3]. Именно поэтому в настоящей статье предлагается рассматривать лидера не как носителя метода влияния, а как сам

метод. Каждый лидер представляет собой личность, обладающую уникальным опытом (совокупным биографическим продуктом, сформированным генетикой, эмбриональным и постэмбриональным периодом своего существования), самостоятельными осознанностью и спонтанностью, легитимностью и авторитетом [14]. По всей вероятности, данный, весьма неожиданный, тезис может вызвать бурную научную дискуссию, однако надо заметить, в чем принципиальное отличие метода от его носителя. Метод с греческого языка переводится как «путь». В реальности у нас есть два вида путей. Проторенным путем, заасфальтированным, с дорожной разметкой, знаками и вестовыми указателями, люди идут не в первый раз, т.е. это своего рода технология, обладающая определенной последовательностью известных этапов, четкой целью и внятным результатом. Технология подразумевает и ее разработчиков, и ее носителей. Если мы исходим из такой модели лидерства, в которой лидера можно подготовить, сформировать, «вооружить» и т.п., то, безусловно, лидер — это носитель технологии, метода. Если же мы опираемся на принципиально иной подход, в котором лидер самостоятельно определяет вектор движения, самостоятельно его корректирует в ходе своей деятельности, то, по сути, он сам и является методом — методом, а не носителем метода. В качестве иллюстрации можно привести цитату из Евангелия от Иоанна 14:6: «Иисус сказал ему: “Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня”». Вне всякого сомнения, это цитата из религиозного, а не научного текста, поэтому в сугубо философском ключе тут есть, о чем задуматься, в научном же — рассматриваемый тезис носит дискуссионный характер и требует более детального исследования.

Лидер — это действующий субъект, основная функция которого — в объединении и организации людей для продвижения их интересов на основе выбранной им концептуально-методологической платформы. Несмотря на то что лидерские качества проявляются очень рано, лидерами все же не рождаются, а становятся в ходе большой работы над собой, готовящей человека к принятию на себя ответственности за других людей и всего сообщества в целом. Отбирать, готовить и продвигать лидеров должно само сообщество, выверяя и цели, и методы реализации организаторских способностей своего вождя [15].

Сегодня, в условиях цифровизации, перехода к информационному обществу, роль государства и государственной власти существенно изменяется по сравнению с опытом прошлых лет, нацеленных на укрепление государства как основополагающего социального института [10]. Именно поэтому нынешнему обществу очень важно определиться с тем, каким должен быть лидер вообще и каким в частности должен быть национальный лидер — руководитель государства, чтобы обеспечить стране не только выживание, независимость, но и стабильность в контексте устойчивого развития в так называемом VUCA-мире и BANI-мире — моделях мироустройства, отличительными особенностями которых являются усугубляющиеся неопределенность, неоднозначность, нестабильность и пр.

В настоящее время обострение борьбы Востока и Запада достигло своей кульминации, и мировой политический кризис требует максимально безболезненного решения [18]. Вместе с тем ядерная угроза становится гораздо более ощутимой, чем когда бы то ни было в истории. Еще совсем недавно отечественный политолог С.А. Караганов предлагал России нанести упреждающий ядерный удар по Европе. Сегодня мы видим, к чему ведет отказ США от «золотого стандарта» на фоне возрастания внешнего долга мирового гегемона. США «воткнули» Израиль в сердце арабского мира для продвижения собственных интересов на Ближнем Востоке, что не могло не привести к перманентному палестино-израильскому противостоянию, принимающего то горячую, то раскаленную формы. Ситуация в Нагорном Карабахе, связанная с территориальными притязаниями Армении и Азербайджана, тоже не находит пока логического конца. Внутри РФ осетино-ингушский конфликт по-

прежнему не разрешен, а в его основе тоже лежит территориальный вопрос. Наконец, СВО, будучи закономерным результатом отсоединения Украины от России, так же ждет своего разрешения. Эти и многие другие происходящие события в мире указывают на обострение борьбы за ресурсы. Населения на планете с каждым годом больше, объемы и ассортимент потребления растут, темпы развития экономики наращиваются, а ресурсов становится все меньше. Это принципиально новая для современной цивилизации проблема, а предлагаемые решения остаются старыми. На наш взгляд, данное обстоятельство подчеркивает необходимость появления политических лидеров новой формации, которые смогли бы предложить новые убедительные решения новых проблем. Безусловно, это привело бы к трансформации сложившихся элит и, вероятно, оформлению меритократического подхода к политическому лидерству [6, 11, 16].

Кризисный характер международных отношений все чаще проявляется в повышении уровня конфронтации между основными политическими акторами и возглавляемыми ими политическими блоками. Роль политических лидеров в этих условиях стремительно возрастает, о чем можно судить хотя бы по тому, какое место в нынешних политических дискуссиях занимают личности российского президента В.В. Путина, американского — Дж. Байдена, а также — лидеров ФРГ, Франции, Турции, Ирана и других мировых центров политической силы. Очень важно отметить, что на фоне международных санкций и развертывания Специальной военной операции на Украине, рейтинг доверия президенту РФ Путину В.В., по данным ВЦИОМ¹, неуклонно растет, население России большей частью поддерживает политику, проводимую российским лидером (по состоянию на 02.02.2024 «показатель одобрения деятельности Президента с 22 по 28 января 2024 г. составил 76,2%», «на прямой вопрос о доверии Владимиру Путину положительно ответили 78,9% респондентов», вместе с этим на том же ресурсе отмечается, что «в 2022 г. деятельность президента России в среднем одобряли 75%, или три четверти россиян», в том же году «средний уровень доверия Владимиру Путину в текущем году составил 78%». Несомненно, сопоставляя приведенные цифры, нельзя говорить об интенсивном росте названных показателей, но тем не менее числа постоянно, медленно, не сильно, но уверенно увеличиваются). Вместе с тем происходит ряд совершенно новых проявлений в мировом политическом пространстве. Палестино-израильский конфликт показал, что не только национально-этническая идентичность является определяющей для большинства действующих субъектов, но и, как это ни странно в нынешнее время, религиозная. Ответ Израиля на военное вторжение фактически войсковой бригады — порядка 3000 боевиков террористической организации «Хамас» 7 октября 2023 г. вызвал бурное негодование, если не сказать агрессивное противостояние практически всей уммы. Шииты и сунниты объединились против общего, как выясняется, врага, а сам конфликт перестал носить чисто территориальный характер и превратился в религиозную войну между представителями авраамических религий, и стал затрагивать практически весь мир. Нельзя без тревоги отметить и еще одно обстоятельство. В нынешнем году, по данным ряда авторитетных СМИ², правительство Чеченской Республики заключило соглашение в МГТУ им. Н.Э. Баумана на разработку конструкторской документации «легкой маневренной боевой „джихад-машины“ для нужд СВО» с последующим ее тиражированием в ЧР. Сопоставляя понятия «джихад» и «СВО», включая их цели,

¹ ВЦИОМ новости [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения: 15.05.2024).

² Российская газета. 03.11.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/11/03/mgtu-imeni-baumanarabotaet-chechenskuiu-boevuiu-dzhihad-mashinu-dlia-svo.html> (дата обращения: 10.05.2024); ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/19652213> (дата обращения: 10.05.2024) и др.

задачи, принципы, подходы, содержание и методы, трудно себе представить, что РФ решила объявить Украине религиозную войну, нацеленную на насаждение Ислама в ней. Контент-анализ показывает, что и в XXI в. есть место высокотехнологичному Средневековью, что подходы к выбору концептуально-методологических и нравственно-этических основ политического лидерства значительно отстают от уровня развития научно-технического прогресса, что в обязательном порядке может привести к антропогенной катастрофе [13].

Учитывая, что мир меняется весьма интенсивно, развитие технологий приводит к беспрецедентному ускорению в обмене информацией, время, отводимое на разработку и принятие политических решений, становится определяющим фактором [14, с. 17–18]. Данное обстоятельство заставляет современного политического руководителя обладать наряду с высокой квалификацией рядом профессионально значимых личностных качеств, в числе которых стратегическое системное мышление, решительность, убедительность, выдержка и др. Особенно следует отметить преданность национального лидера государственным интересам, в числе которых, в обязательном порядке, в качестве приоритетов стоят свобода и независимость, оборона и безопасность, инновационный прорыв и технологический суверенитет, качество жизни и устойчивое развитие. Очевидно, что подготовка политического лидера требует больших усилий и занимает немало времени. Наряду с квалификационными характеристиками ему, т. е. политическому лидеру, свойственны вполне определенные профессионально значимые качества личности, которые за партой не освоить, разбирая чужие случаи (кейсы) — требуются длительные стажировки с практической отработкой умений и навыков принятия стратегических решений, публичного позиционирования. Здесь главенство государственных интересов — первоочередной фактор.

Говоря о России, об отечественной системе государственной власти, чрезвычайно важно обратить внимание на специфику российского менталитета [4]. Весьма красноречиво, внятно и емко о характере русского народа, о его отношении к власти сказал наш великий поэт Н. А. Некрасов в своем стихотворении «Забытая деревня»: «Вот приедет барин — барин нас рассудит...» Россия — государство одного лидера. Несмотря на то что в Конституции РФ сказано, что Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1), там же чуть ниже приводится, что президент «в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» (ст. 80), что, по сути, делает его монархом-самодержцем. Трудно сказать, в чем причина эффективности данного подхода на текущий исторический момент: объективная польза или ментальная привычка, так как наша страна никогда, если не считать Новгородское вече, например, не управлялась коллегиально — даже в СССР был лидер, единоличная воля которого определяла все коллегиальные решения.

Возможно, именно поэтому традиционно население нашей страны страдает инфантилизмом, обусловленным патернализмом со стороны государственной власти. Советская власть заботилась о своих гражданах, слепо доверявшим линии партии и правительства. Она обеспечивала народ образованием, работой, жильем, медициной, пенсией и т. д. — человек чувствовал себя защищенным. В 90-е гг. прошлого столетия текущий общественно-политический строй рухнул, точнее — был развален (есть мнение, что СССР распался, т. е. сам по себе — без посторонней помощи, без внешнего субъекта, но есть фактические подтверждения, что этот процесс был управляем извне, поэтому нам ближе понятие «развала», а не «распада»), и возникла ситуация, в которой «каждый сам за себя», а большинство населения к этому оказалось совершенно не готово. Людям пришлось в экстремально сжатые сроки перестраивать самым коренным образом

свое сознание, мировоззрение, жизнь. Государство перестало быть общим, коллективным, проектом. Обманутые вкладчики, жертвы финансовых пирамид, люди «без определенного места жительства» и прочие социально уязвимые слои населения в одночасье оказались в совершенно другой стране. Никто их к этому не готовил.

Основным качеством любого лидера является убедительность. Лидер должен внушать доверие, чтобы люди шли за ним. В отличие от менеджера, администратора, которому вовсе не обязательно быть убедительным, он обязан быть внятным, так как управляет стабильной системой, решает задачи, а не проблемы, лидеру необходима убедительность.

В условиях относительного благополучия лидером быть не сложно, а вот в «эпоху перемен», на фоне социальной напряженности, активных протестных настроений, идеологической интервенции, дефолта и пр. убеждать народ в целесообразности объединения во имя национальных интересов, задача крайне непростая.

В условиях международного противоборства проблема политического лидерства становится чрезвычайно важной, злободневной, животрепещущей. Это объясняется тем, что руководитель государства должен обладать сбалансированным набором знаний, умений, навыков, отношений, черт, качеств, опытом и т.п., потому как принимаемые им решения определяются не только его правовым статусом, но и особенностями мировоззрения. Именно поэтому нужно, чтобы отечественная система образования была нацелена на подготовку к реализации лидерского потенциала наиболее одаренных учащихся, которых следует специально отбирать для выполнения ответственных государственных задач и воспитывать у них благодарность и ответственность, а не декларативный патриотизм и бездумную исполнительность.

Очевидно, что политических лидеров, занятых на государственной службе в органах законодательной и исполнительной власти, следует тщательно отбирать на предмет их ресурсного потенциала и преданности национальным приоритетам [6–8]. Очень важно обеспечить будущим руководителям страны надлежащий уровень подготовки не только по широкому спектру отраслевых знаний, но и в контексте общего гуманитарного образования, экономики, управления, политологии, социологии и, что особенно принципиально, снабдить их инструментами и навыками мышления государственного масштаба (стратегическое, критическое, инновационное, системное и пр. виды) [19].

С точки зрения интенсивно изменяющейся международной обстановки очевидно, что политическое лидерство должно быть, прежде всего, интеллектуальным, то есть опирающимся не столько на харизму, ресурсные возможности и формальную власть, сколько на генерацию высокоэффективных моделей общественно-политического и социально-экономического взаимодействия субъекта с социумом, что было довольно обстоятельно отражено в работах А. А. Зиновьева [3].

Таким образом, в итоге мы можем сформулировать следующее общее определение политического лидера. Политический лидер — это человек, несущий в себе и предлагающий обществу определенную «политику», сочетающую стратегию и тактику общественного строительства и обретающий на этой основе достаточное число сторонников [12], готовых идти за ним и помогать в ее реализации, прежде всего в государстве, но также и в рамках того или иного субгосударственного образования или на межгосударственном уровне (например, в сфере внешней политики), а также в политической партии, общественном движении и т.д.

К необходимым элементам любого политического лидерства, по нашему мнению, следует отнести: 1) наличие привлекательной политической программы, 2) ее воплощение в личности выдающегося из массы человека (самого политического лидера) и 3) наличие поддержки ему со стороны тех, кто разделяет эту программу

и доверяет этому человеку как стремящемуся к ее реализации. При этом наличие у политического лидера формальной власти (официального поста в государстве или другой политической структуре) не обязательно.

Из представленного анализа видно, что феномен политического лидерства обусловлен не только индивидуальными качествами личности вождя, но и степенью готовности сообщества легитимизировать его власть, что в значительной степени зависит от преобладающих тенденций в общественном развитии, т. е. от становления информационного общества, развертывания шестого технологического уклада, глобализации и цифровизации экономических отношений, формирования многополярного мира и преодоления кризиса социально-гуманитарных знаний [19–22]. Исследование показало, что институционализация публичной власти в значительной степени связана с тем, насколько политическое лидерство представителей руководства страны коррелирует с вызовами стратегического развития, с государственными приоритетами (национальный суверенитет, инновационный прорыв и пр.).

Обсуждение

Обсуждение результатов исследования состоялось на заседаниях кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук и кафедры экономической теории и политики Факультета финансов и банковского дела Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, а также Международного научно-образовательного центра им. А. А. Зиновьева философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В ходе обсуждения были определены место и роль политического лидерства в институционализации публичной власти, а также было уточнено содержание понятия «политический лидер», выяснены условия становления политического лидера в современном мире.

Литература

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. М. : Росспэн, 2000. 234 с.
2. Волков Ю. Г. Институт лидерства в региональном пространстве : монография. Ростов на/Д : ЮФУ, 2020. 126 с.
3. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М. : Эксмо, 2003. 240 с.
4. Зубанова Л. Б. Духовное лидерство в современной России : монография. Челябинск : ЧГИК, 2009. 240 с.
5. Канжеми Д. П. Психология современного лидерства. Американские исследования : сб. науч. трудов / Д. П. Канжеми, К. Д. Ковальски, Т. Н. Ушакова ; сост. Дж. П. Канжеми, К. Дж. Ковальски. М. : Когито-центр, 2007. 288 с.
6. Комиссаров А. Г. Меритократический принцип отбора управленческих кадров: исторический аспект и современное применение // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 45–58.
7. Комиссаров А. Г. Методология оценки компетенций и отбор высших управленческих кадров // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2023. № 1. С. 63–85.
8. Комиссаров А. Г. Управление системой конкурсного отбора руководящих кадров в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. экон. наук: код спец. 5.2.6. 2023.
9. Коротаева М. В. Успешность различных моделей лидерства в современной российской реальности : монография. М. : Проспект, 2021. 46 с.
10. Котляров И. В. Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты : монография. Минск : Белорусская наука, 2013. 481 с.
11. Лапин А. В. Политические элиты в условиях переходного периода : монография. М. : Научная книга, 2008. 104 с.
12. Макиавелли Н. Государь. М. : Академический Проект, 2020. 495 с.
13. Моисеева Н. Н. Лидерство как ключевая компетенция в исламском образовании : хрестоматия / Н. Н. Моисеева, Л. В. Лямина. Уфа : БГПУ им. М. Акмуллы, 2018. 153 с.
14. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М. : РОССПЭН, 1997.

15. Платон. Политик // Платон. Законы. М. : Изд-во «Мысль», 1999.
16. Политические элиты в старых и новых демократиях : сб. науч. трудов / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2012. 495 с.
17. Селин М.В. Политическая экономия: теория и практика. Вологда : ВолНЦ РАН, 2019. 309 с.
18. Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М. : Аспект Пресс, 2011. 173 с.
19. Фридман М.Ф. Эколого-экономическая концепция глобализации стратегического управления кадровым обеспечением инновационного прорыва: научно-образовательная политика и маркетинг-менеджмент : монография. М. : Перо, 2021. 448 с.
20. Artamonova Y. S., Zenov P. E., Fridman M. F. Educational potential of the environmental and economic policy of staffing of the sixth technological order: the role of the expert community in the development of a new scientific paradigm//Scientific Journal "Issues of National and Federative Relations". Vol. 11. Is. 7 (76). 2021. DOI:10.2991/aebmr.k.201205.073
21. Semenova V. A., Fridman M. F. The impact of global scientific and education policy on the staffing of innovative breakthrough // Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021022003>
22. Artamonova Y. S., Beloborodko A. M., Fridman M. F. Digital Economy Challenges and Opportunities: Human Resource Information Systems of Financial Sector// 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020). DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.073

Об авторах:

Муратов Артур Вадимович, соискатель ученой степени кандидата политических наук РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); turik.m@mail.ru

Фридман Михаил Феликсович, профессор кафедры экономической теории и политики РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент; mffree79@mail.ru

References

1. Alekseeva T. A. Modern political theories. M., 2000. 234 p.
2. Volkov Yu. G. Institute of leadership in the regional space: monograph. Rostov-on-Don : Southern Federal University, 2020. 126 p. (In Russ.)
3. Zinoviev A. A. Ideology of the party of the future. M. : Eksmo Publishing House, 2003. 240 p. (In Russ.)
4. Zubanova L. B. Spiritual leadership in modern Russia: monograph. Chelyabinsk : ChGIK, 2009. 240 p. (In Russ.)
5. Kanzhemi D. P. Psychology of modern leadership. American studies: collection of scientific works / D. P. Kanzhemi, K. D. Kowalski, T. N. Ushakova; compiled by J. P. Cangemi, K. J. Kowalski. Moscow : Cogito Center, 2007. 288 p. (In Russ.)
6. Komissarov A. G. Meritocratic principle of selection of management personnel: historical aspect and modern application // Questions of Economics [Voprosy ekonomiki]. 2023. N 1. P. 45–58. (In Russ.)
7. Komissarov A. G. Methodology for assessing competencies and selecting senior management personnel // Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Ser. 6: Economics. 2023. N 1. P. 63–85. (In Russ.)
8. Komissarov A. G. Management of the system of competitive selection of management personnel in the Russian Federation // Abstract. dis. for the job application academic step Ph. D. econ. sciences: code special. 5.2.6. 2023. (In Russ.)
9. Korotaeva M. V. Success of various models of leadership in modern Russian reality: monograph. Moscow : Prospekt, 2021. 46 p. (In Russ.)
10. Kotlyarov I. V. Sociology of leadership: theoretical, methodological and axiological aspects: monograph. Minsk : Belarusian Science, 2013. 481 p. (In Russ.)
11. Lapin A. V. Political elites in the transition period: monograph. Moscow : Scientific book, 2008. 104 p. (In Russ.)
12. Machiavelli N. The Sovereign. Moscow : Academic Project, 2020. 495 p. (In Russ.)
13. Moiseeva N. N. Leadership as a key competency in Islamic education: a reader / N. N. Moiseeva, L. V. Lyamina. Ufa : BSPU named after M. Akmulla, 2018. 153 p. (In Russ.)

14. Ostrogorsky M.Ya. Democracy and political parties. Moscow : ROSSPEN, 1997. (In Russ.)
15. Plato. Politician // Plato. Laws. Moscow : Publishing house "Mysl", 1999. (In Russ.)
16. Political elites in old and new democracies: collection of scientific works / edited by O.V. Gaman-Golutvina, A. P. Klemeshev. Kaliningrad : IKBFU after I. Kant, 2012. 495 p. (In Russ.)
17. Selin M.V. Political economy: theory and practice: monographs. Vologda : VolSC RAS, 2019. 309 p. (In Russ.)
18. Temnikov D. M. Leadership and self-organization in the world system. Moscow : Aspect Press, 2011. 173 p. (In Russ.)
19. Fridman M. F. Ecological and economic concept of globalization of strategic management of personnel provision of innovative breakthrough: scientific and educational policy and marketing management. Monograph. Moscow : Pero Publishing House, 2021. 448 p. (In Russ.)
20. Artamonova Y.S., Zenov P.E., Fridman M.F. Educational potential of the environmental and economic policy of staffing of the sixth technological order: the role of the expert community in the development of a new scientific paradigm // Scientific Journal "Issues of National and Federative Relations". Vol. 11. Is. 7 (76). 2021. DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.073
21. Semenova V.A., Fridman M. F. The impact of global scientific and education policy on the staffing of innovative breakthrough // Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021022003>
22. Artamonova Y.S., Beloborodko A. M., Fridman M. F. Digital Economy Challenges and Opportunities: Human Resource Information Systems of Financial Sector // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020). DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.073

About the authors:

Artur V. Muratov, candidate for the academic degree of candidate of political sciences, RANEPA (Moscow, Russian Federation); turik.m@mail.ru

Mikhail F. Fridman, Professor of the Department of Economic Theory and Policy of the RANEPA (Moscow, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; mffree79@mail.ru

Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы

Хлопов О. А.

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация; rggu2007@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрена эволюция Четырехстороннего диалога по безопасности, широко известного как «четверка» (QUAD — Quadrilateral Security Dialogue) с участием США, Японии, Индии и Австралии, нацеленного на выработку координационной политики и проведение стратегических консультаций в попытках уравновесить возрастающую мощь Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Автором представлены причины, цели и задачи появления «четверки», интересы стран-участниц, а также аргументы ряда стран, не желающих превращать этот альянс в азиатское НАТО. Новое соперничество великих держав между США и КНР оказывает негативное влияние на существующую систему политических и экономических отношений в Индо-Тихоокеанском регионе. На основе проведенного исследования автор указывает на то, что деятельность QUAD направлена на контроль над Индо-Тихоокеанским регионом как единого экономического и стратегического пространства и охватывает широкий спектр разных сфер, и четырехстороннее партнерство, ведомое США, повышает напряженность в регионе и не способствует поддержанию стабильности в регионе. Анализ деятельности QUAD позволил определить противоречивый характер политики этого альянса в сфере экономики и безопасности, и что международная обстановка в регионе в ближайшие годы будет становиться все более напряженной и менее предсказуемой.

Ключевые слова: региональная безопасность, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), внешняя политика, конкуренция, QUAD, AUKUS, КНР, Россия, США, АСЕАН

Для цитирования: Хлопов О. А. Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 20–32.

The Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) in the Indo-Pacific: Challenges and Perspectives

Oleg A. Khlopov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; rggu2007@rambler.ru

ABSTRACT

The article analyses the evolution of the Quadrilateral Security Dialogue, commonly known as the QUAD, involving the United States, Japan, India and Australia, that aimed at developing a coordinating policy and holding strategic consultations in an attempt to balance the growing power of China in Indo-Pacific region. The author presents the reasons, goals and objectives for the emergence of the QUAD, the interests of the participating countries, as well as the arguments of some countries that do not want to turn this alliance into an Asian NATO. The new great power rivalry between the US and China is having a negative impact on the existing system of political and economic relations in the Indo-Pacific region. Based on the study, the author argues that QUAD's activities are aimed to control the Indo-Pacific region as a single

economic and space and cover a wide range of different areas, and the US-led quadrilateral partnership is likely to increase tension in the region and will not help maintain stability in the region. The results of the analysis of QUAD's activities have made it possible to determine the controversial nature of the policy of this alliance in the field of economy and security, and that the international situation in the region in the coming years will become increasingly tense and less predictable.

Keywords: regional security, Indo-Pacific region, foreign policy, competition, QUAD, AUKUS, China, Russia, USA, ASEAN

For citing: Khlopov O. A. The Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) in the Indo-Pacific: Challenges and Perspectives // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 20–32.

Введение

Динамика изменений политических процессов и быстро меняющийся стратегический ландшафт в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) сегодня находятся в центре внимания политиков и экспертов в области международных отношений.

Три ключевых фактора: уравнивание силы и влияния Китая, содействие практическому сотрудничеству и формирование регионального порядка — послужили основой для возрождения в 2017 г. Четырехстороннего диалога по безопасности, широко известного как «четверка» (QUAD — Quadrilateral Security Dialogue), диалог по безопасности на высшем уровне с участием США, Японии, Индии и Австралии.

Согласно Индо-Тихоокеанской стратегии США, опубликованной администрацией Дж. Байдена в 2022 г., Соединенные Штаты преследуют пять целей в Индо-Тихоокеанском регионе:

- 1) развивать свободный и открытый ИТР;
- 2) создавать связи внутри региона и за его пределами;
- 3) содействовать региональному процветанию;
- 4) укреплять безопасность в ИТР;
- 5) повышать региональную устойчивость к транснациональным угрозам¹.

Реализация этих целей предполагается «через систему сильных и взаимных коалиций». В этом контексте QUAD выступает не как неформальный диалог для стратегических консультаций, координации политики и практического сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе, но как инструмент для формирования регионального порядка, благоприятствующего интересам Соединенных Штатов и их союзников в качестве противовеса растущей мощи и влиянию Китая в ИТР.

Хотя альянс QUAD не превратился в азиатское НАТО, члены диалога готовы укреплять практическое сотрудничество, координацию политики и стратегические консультации в попытках уравновесить влияние Китая. Тем не менее будущее «четверки» зависит от того, как будут развиваться китайско-американские отношения.

Материалы и методы

В статье раскрываются причины и цели создания четырехстороннего диалога по вопросам безопасности, участниками которого являются США, Индия, Япония и Австралия (QUAD), проанализированы интересы стран-участниц этого альянса, который

¹ Indo-Pacific Strategy of the United States. White House, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022a/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

направлен на сдерживание Китая, а также аргументы ряда стран, не желающих превращать этот диалог в международную организацию наподобие азиатского НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе, который включает в себя обширные пространства Южной и Восточной Азии.

Исследование объекта проведено с применением методов анализа документов, метода сравнения, системного подхода, а также критического анализа, позволяющего выявить проблемы и вызовы, связанные с оценками деятельности QUAD и проблемами безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Анализ деятельности QUAD позволил определить противоречивый характер политики этого альянса в сфере экономики и безопасности, и что международная обстановка в ИТР в ближайшие годы будет становиться все более напряженной и менее предсказуемой.

Эволюция QUAD

Четырехсторонний диалог (QUAD, «четверка») впервые возник после цунами в Индийском океане в 2004 г. для координации гуманитарной помощи при стихийных бедствиях. Хотя миссия по оказанию гуманитарной помощи завершилась в середине января 2005 г., возникло новое зарождение концепции QUAD¹. В 2007 г. тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ предпринял шаги, чтобы превратить четырехстороннюю кооперацию по ликвидации последствий цунами в более формальный диалог по вопросам безопасности на море и содействия сотрудничеству среди четырех демократических стран ввиду растущего влияния Китая. Представители США, Японии, Индии и Австралии провели свою первую встречу на полях регионального форума APEC в мае 2007 г., а также совместные военно-морские учения в Бенгальском заливе вместе с Сингапуром. Однако вскоре после этого «четверка» из-за отказа Австралии участвовать в диалоге в пользу расширения связей с Китаем, а также ввиду различных интересов и соображений между четырьмя странами прекратила свою деятельность [18].

Десять лет спустя «четверка» возродилась, когда Д. Трамп стал президентом США в 2017 г., премьер-министр Японии Абэ снова взял на себя инициативу, когда он в 2012 г. во второй раз стал премьер-министром, опубликовав на веб-сайте американского аналитического центра авторскую статью под названием «Алмаз демократической безопасности Азии», в которой выразил обеспокоенность деятельностью Китая в Южном и Восточно-Китайском морях, заявив, что «мир, стабильность и свобода судоходства в Тихом океане неотделимы от мира, стабильности и свободы судоходства в Индийском океане», и выступил за «стратегию, согласно которой Австралия, Индия, Япония и штат США Гавайи образуют ромб для защиты морских владений, простирающихся от региона Индийского океана до западной части Тихого океана»².

В ходе своего визита в Японию в 2017 г. Президент США Д.Трамп положительно высказался о принятой японской концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»³, о которой впервые было упомянуто в 2016 г., в качестве всеобъемлющей стратегической основы для объединения потенциа-

¹ Pant Harsh V. India and the Quad: Chinese Belligerence and Indian Resilience. Observer Research Foundation. March 20, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-and-the-quad/> (дата обращения: 17.08.2023).

² Abe Shinzo. Asia's Democratic Security Diamond. Project Syndicate. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe?barrier=accesspay> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Japan-U.S. Working Lunch and Japan-U.S. Summit Meeting. November 02, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page4e_000699.html (дата обращения: 20.08.2023).

ла двух стран в сдерживании КНР, КНДР и реагирования на ситуации в региональной области [15].

В ноябре 2019 г. в ответ на предложение администрации Д. Трампа статус «четверки» был повышен с диалога на уровне высокопоставленных официальных лиц до уровня министров иностранных дел, которые впервые встретились в Нью-Йорке, чтобы обсудить сотрудничество в области борьбы с терроризмом, гуманитарной помощи и помощи при стихийных бедствиях, сотрудничества в области морской безопасности, финансирования развития и кибербезопасности, а также координацию усилий по продвижению их общего видения «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹.

Таким образом, за четырехлетний срок президентства Д. Трампа «четверка» не только возродилась, но и вступила в новый период расширения институциональных консультаций. Члены QUAD провели диалог из семи раундов на уровне высокопоставленных официальных лиц, диалог из двух раундов на уровне министров, а их консультации стали охватывать такие широкие вопросы, как безопасность на море, борьба с терроризмом, гуманитарная помощь и помощь при стихийных бедствиях, развитие инфраструктуры и экономических связей [9].

Администрация Дж. Байдена с 2021 г. повысила уровень «четверки» до саммита на уровне лидеров, проведя первый в истории виртуальный саммит лидеров в марте 2021 г. и саммит в очном формате в сентябре 2021 г. Во время виртуального саммита четыре страны установили три рабочие группы экспертов по вакцинам, по новым технологиям и по климату, чтобы объединить усилия для совместного решения проблем в вышеупомянутых проблемных областях².

Лидеры «четверки» провели еще два саммита в 2022 г: и создали еще три экспертные рабочие группы в области кибербезопасности, космоса и инфраструктуры, что значительно расширило сферы сотрудничества QUAD. «Четверка» также запустила новую инициативу — «Индо-Тихоокеанское партнерство для осведомленности о морской сфере» с целью быстрого реагирования на гуманитарные и стихийные бедствия и борьбы с незаконным рыболовством³.

Повысив статус QUAD до саммита на уровне лидеров и регулярно проводя диалог на уровне министров, сегодня администрация Дж. Байдена пытается превратить «четверку» в неформальный форум стратегических консультаций не только для объединения ресурсов среди партнеров-единомышленников, чтобы конкурировать с Китаем, но и для предоставления «общественных благ» и формирования регионального порядка в интересах США [2].

Стратегическая важность этого региона для США продиктована тем, что ИТР становится центром мировой геополитической и геоэкономической силы. За последние десятилетия значительно возросла роль региональных держав, особую озабоченность вызывает усиление влияния КНР и ядерная программа КНДР, при этом США стараются сохранить контроль над растущим военно-технологическим потенциалом своих союзников [6].

¹ Readout of US—Australia—India—Japan Ministerial (“The Quad”). U.S. Department of State. 09/26/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://2017-2021.state.gov/readout-of-u-s-australia-india-japan-ministerial-the-quad/index.html> (дата обращения: 17.08.2023).

² Quad leaders’ Joint Statement: «The spirit of the Quad». The White House. March 22, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/> (дата обращения: 17.08.2023).

³ Quad Joint Leaders’ Statement. The White House, May 22, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/quad-joint-leaders-statement/> (дата обращения: 17.08.2023).

Позиции и интересы участников QUAD

С момента своего формирования в качестве четырехстороннего диалога в 2007 г. «уравновешивание Китая» стало явной целью и движущей силой альянса. Администрация Д. Трампа (2017–2021 гг.), претворяя в жизнь внешнеполитическую идею «Америка прежде всего», объявила Китай стратегическим конкурентом США. *Политика США* в отношении Китая превратилась из более сбалансированного подхода «конкуренция плюс сотрудничество» в несбалансированный подход, в основном сосредоточенный на сдерживании Китая. При Д. Трампе США начали торговую войну, тарифную войну и войну технологий против Китая, и опубликовав первую Индо-Тихоокеанскую стратегию, направленную на уравновешивание растущей мощи и влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе¹.

В Индо-Тихоокеанском регионе на фоне существующих противоречий — политических, территориальных и этно-конфессиональных США развернули активную деятельность против своих региональных соперников в лице Китая, Северной Кореи и России. Америка пытается сформировать новый военно-политический альянс за счет включения в свои партнеры Индию и ряд других государств. С этой целью Азиатско-Тихоокеанский регион в политическом дискурсе США стал обозначаться как Индо-Тихоокеанский регион [1].

С точки зрения США, традиционная система альянсов по принципу «ступица и спица» («hub and spoke») в ИТР недостаточна, чтобы иметь дело с растущим и более напористым Китаем, и ее необходимо дополнить путем добавления более «способных и желающих» партнеров. Возродив «четверку», Соединенные Штаты намерены объединить ресурсы южно-азиатского тяжеловеса Индии, экономического и технологического локомотива Японии и близкой в культурном отношении и географически важной Австралии, чтобы лучше конкурировать с Китаем и уравновесить мощь и влияние Китая в Индо-Тихоокеанском регионе.

В целом Соединенные Штаты рассматривают ИТР как единое пространство, и нацелены на его фрагментацию, на сдерживание Китая, России и КНДР в этом регионе, стремясь построить региональную архитектуру в виде сети партнерств, ориентированных на США [3].

Для *Японии* растущая мощь и экономическое влияние Китая затмевают то, что когда-то Япония обладала ведущим экономическим статусом в Азии. Более того, дипломатические и политические отношения между Китаем и Японией с начала XXI в. ухудшились из-за исторических проблем, таких как неоднократные визиты японских лидеров в храм Ясукуни, где поклонялись японским военным преступникам Второй мировой войны, и обострение территориальных споров вокруг островов Дяоюйдао. Япония все чаще рассматривала Китай как своего соперника за экономическое влияние в Азии и как угрозу безопасности, особенно после прихода к власти Синдзо Абэ [17].

В то же время Япония имеет налаженный механизм политических консультаций, двустороннего и трехстороннего сотрудничества с Индией, Австралией и Соединенными Штатами, а также присутствует общее видение региональной ситуации со странами АСЕАН [4].

Что касается *Индии*, то всестороннее стратегическое партнерство Китая с Пакистаном и пограничные споры между Индией и Китаем всегда были проблемой для Индии. Начало китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) в 2014 г. только усилило ощущение «окружения» Индии, поскольку Индия открыто выступает против китайской инициативы «Один пояс — один путь» в целом и КПЭК

¹ The United States Strategic Framework for the Indo-Pacific (USSFIP). The White House. February 15, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

в частности¹. В 2017 г. индийские и китайские войска столкнулись друг с другом на плато Доклам недалеко от границ Китая и Бутана, после того как индийские войска пересекли границу, чтобы предотвратить строительство Китаем дороги возле перевала Дока Ла. Двухмесячное военное противостояние стало самым серьезным конфликтом двух стран за последние десятилетия. Хотя КНР и Индия согласились вывести свои войска, чтобы положить конец противостоянию, двусторонним отношениям был нанесен ущерб, что побудило Индию присоединиться к четырехстороннему диалогу в ноябре 2017 г.

Учитывая растущее экономическое влияние Китая в Южной Азии и пограничные инциденты, Индия все чаще стала рассматривать Китай как серьезную угрозу своей безопасности и своего стратегического противника. Присоединившись к «четверке», Индия надеется заручиться поддержкой США, Японии и Австралии в своем соперничестве с Китаем. Кроме того, Индия нуждается в помощи других стран, чтобы исключить доминирование КНР в Азии².

Австралия в течение последних нескольких десятилетий была бенефициаром экономического подъема и быстрого развития Китая. Однако Австралия все больше обеспокоена своей растущей экономической зависимостью от Китая и предполагаемым или потенциальным «вредоносным влиянием» Китая в Австралии³.

Австралия вместе с Японией являются двумя странами, которые больше всего настаивали на создании «четверки». Их намерение удержать США в регионе и ввести Индию в качестве сдерживающего фактора для Китая стало основной предпосылкой для возобновления и ускорения сотрудничества в «четверке» [16].

В 2017 г. администрация премьер-министра Австралии Малкольма Тернбулла опубликовала Белую книгу по внешней политике Австралии, в которой утверждается, что международный порядок претерпевает большие изменения по мере усиления антиглобализма, усложнения глобального управления и оспаривания правил. В Индо-Тихоокеанском регионе мощь и влияние Китая растут и в некоторых отношениях превосходят США, и Китай будет стремиться влиять на регион в своих интересах. В результате «мы столкнемся со все более сложным и противоречивым Индо-Тихоокеанским регионом»⁴.

С избранием в 2018 г. Скотта Джона Моррисона на пост премьер-министра отношения между Австралией и КНР резко ухудшились. Администрация Дж. Моррисона заявила, что Китай вмешивается во внутреннюю политику Австралии, и приняла законы, ограничивающие китайские инвестиции в Австралию и запрещающие китайской компании «Huawei» участвовать в развитии телекоммуникаций 5G в Австралии. Кроме того, Австралия также обвиняет Китай в изменении статус-кво в Южно-Китайском море и «просит» Китай выполнить решение суда по Южно-Китайскому морю от 2016 г., которое Китай считает незаконным и недействительным. По мере того как отношения между Австралией и Китаем ухудшаются, а беспокой-

¹ Baruah D. M. India's Answer to the Belt and Road: A Road Map for South Asia. Carnegie India. August 21, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieindia.org/2018/08/21/india-s-answer-to-belt-and-road-map-for-south-asia-pub-77071> (дата обращения: 17.08.2023).

² Mohan C. Raja. The Quad's Importance to India's Strategic Autonomy // The Indian Express. March 16, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/quad-summit-india-china-relations-brics-nations-7229861> (дата обращения: 17.08.2023).

³ Searight A. Countering China's Influence Operations: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. May 8, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-operations-lessons-australia> (дата обращения: 17.08.2023).

⁴ 2017 Foreign Policy White Paper. Australian Government, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

ство Австралии по поводу Китая растет, Австралия без колебаний присоединилась к «четверке», чтобы объединиться против Китая.

Линии разлома и противоречий QUAD в Индо-Тихоокеанском регионе

Возрождение и модернизация альянса QUAD совпали с ухудшением отношений между Китаем и США, что усилило риторику новой «холодной войны» в Азиатско-Тихоокеанском регионе и негативно повлияло на региональную систему безопасности.

С начала своего функционирования «четверка» позиционирует себя как «демократический альянс» в отношении «авторитарного» Китая. После того как Д. Трамп объявил Китай стратегическим конкурентом, долгосрочной угрозой безопасности США, учитывая озабоченности Японии, Австралии и Индии в отношении КНР, возродили QUAD, администрация Дж. Байдена обещает «объединить демократии в Азии и во всем мире», сделать «четверку» главной группой для предоставления региональных общественных благ и защиты демократических ценностей¹.

Риторика и внешнеполитическая концепция «демократия против авторитаризма» не только все больше вызывают озабоченность и даже враждебность Китая, но и оказывают сильное давление на страны региона, которые не хотят выбирать чью-либо сторону, и следовать политике, угрожающей созданием линии политического разлома в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Китайское правительство очень четко выразило свое мнение по поводу «четверки», заявив, что Китай против создания какой-либо эксклюзивной, антикитайской группы или любого лагеря в стиле «холодной войны», любой самопровозглашенной группы демократий, проповедующей конфронтацию и конфликт «демократия против авторитаризма»².

Сингапур, поддерживающий тесные отношения как с США, так и с Китаем, выразил обеспокоенность усилением геополитической конкуренции между США и Китаем, и потенциальной необходимостью выбирать чью-либо сторону. Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лунг заявил, что Сингапур обеспокоен растущей геополитической конкуренцией между США и Китаем и не хочет «выбирать чью-то сторону», как это делают многие другие страны АСЕАН³.

По мере того как экономический подъем Китая ускорился после вступления Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 г., КНР постепенно заменяет США и Японию в качестве движущей силы экономической интеграции в Восточной Азии. В 2010 г. вступила в силу зона свободной торговли между Китаем и АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), которая стала первым соглашением такого рода, подписанным АСЕАН. В 2013 г. Китай инициировал глобальный транспортный проект «Один пояс — один путь». По мере того, как этот проект привлекает к участию все больше стран, США и другие члены QUAD рассматривают его

¹ Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. February 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

² Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. February 9, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202202/t20220209_10640558.html (дата обращения: 17.08.2023).

³ Tham Yuen-C. Not Possible for S'pore, Many Countries, to Choose between US and China, PM Lee tells BBC // The Straits Times. 14 March. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/not-possible-for-spore-many-countries-to-choose-between-us-and-china-pm-lee-tells-bbc> (дата обращения: 17.08.2023).

не только как экономическую инициативу, но и как стратегический генеральный план по ограничению влияния США, Японии, а также по созданию экономической и даже политической сферы влияния Китая¹.

Первоначально США, Индия, Япония и Австралия избрали более негативную стратегию, в надежде отпугнуть потенциальных участников и саботировать китайский проект «Один пояс — один путь». Когда это оказалось неэффективным, члены «четверки» изменили свою стратегию и стали координировать свои действия, чтобы предложить альтернативу китайской инициативе, запустив партнерские отношения с инфраструктурой QUAD, чтобы напрямую конкурировать с Китаем. В мае 2022 г. по инициативе администрации Дж. Байдена страны «четверки» вместе с девятью другими государствами запустили проект Индо-Тихоокеанскую экономическую основу для процветания (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF)), с целью координации и сотрудничества в области торговли, цепочек поставок, чистой («зеленой») и справедливой экономики, чтобы экономически конкурировать с Китаем. Однако инфраструктура и экономические инициативы QUAD исключают Китай, а четыре страны даже создали мини-блоковые группировки, чтобы отделиться от китайских технологий и цепочек поставок.

Благодаря совместным усилиям Китая, Филиппин и АСЕАН ситуация в Южно-Китайском море значительно улучшилась с 2016 г. Китай и Филиппины подписали экономические соглашения для улучшения торговых и дипломатических отношений, отложив при этом свои морские споры. Китай и АСЕАН также активизировали свой диалог и консультации по Кодексу поведения (Code of Conduct COC) в Южно-Китайском море.

Однако, несмотря на усилия Китая и АСЕАН по нормализации отношений, споры по Южно-Китайскому морю по-прежнему находятся в центре внимания и «озабоченности» стран «четверки». Кроме того, позиции членов QUAD по Южно-Китайскому морю, военные учения в Южно-Китайском море, а также военная помощь Юго-Восточной Азии вместе с запуском Индо-Тихоокеанского партнерства усложняют решения проблем безопасности в западной части Тихого океана [8].

АСЕАН и QUAD в системе региональной безопасности

За последние десятилетия АСЕАН и созданные в регионе международные институты, ориентированные на АСЕАН, стали движущей силой экономической интеграции в Восточной Азии (включая Юго-Восточную Азию), и сегодня служат мостами между основными игроками в ИТР. Центральная роль АСЕАН в определении региональной экономики и формирования повестки дня в области безопасности постепенно была принята основными игроками в регионе [12]. Преобразование «четверки» из диалога на высшем уровне, проводимого в кулуарах саммитов АСЕАН и Восточной Азии, в альянс для противодействия Китая наряду с расширением сферы его деятельности, значительно затмевает роль АСЕАН и подрывает ее центральную роль в решении ключевых проблем региона².

Большинство государств Юго-Восточной Азии не поддерживают политику «четверки». Например, Индонезия обеспокоена оттеснением АСЕАН как площадки для консолидации общих усилий в решении региональных проблем на второй план, Сингапур обеспокоен обострением конкуренции между США и Китаем [17].

¹ Russel D. R., Berger H. B. Weaponizing the Belt and Road Initiative. Asia Society Policy Institute, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2020-09/Weaponizing%20the%20Belt%20and%20Road%20Initiative_0.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

² Tang S. M. The State of Southeast Asia: 2019 Survey report. ASEAN Studies Centre at ISEAS-Yusof Ishak Institute. 29 January, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/pdfs/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

В 2020 г., когда китайско-американские отношения достигли новой критической точки из-за пандемии COVID-19, администрация Д. Трампа выдвинула идею превратить QUAD в азиатское НАТО. Однако эта идея так и не была реализована. Индия, которая не является союзником США по договору и имеет давнюю традицию неприсоединения, не соглашается присоединиться к военному альянсу во главе с США.

Страны-члены АСЕАН, поддержкой которой пытаются заручиться США, также выражают озабоченность по поводу формирования азиатского НАТО и возможности втянуть регион в новую «холодную войну». По мнению премьер-министра Сингапура Ли Сянь Лун, в Азии никогда не было группировки, которая была бы эквивалентна НАТО, и нынешний статус «четверки» является лучшей конфигурацией, чем та, при которой страны разделены на альянсы, а один блок противостоит другому¹.

При этом у АСЕАН есть практики разрешения конфликтов на основе международного права и многосторонности, а не на силовой конкуренции на основе баланса сил и военной мощи [7].

Таким образом, альянс QUAD не превратится в азиатский НАТО, а, по мнению американских аналитиков Центра стратегических и международных исследований, членам альянса не хватает общих стратегических интересов или общего желания идти на риск на военном фронте². Тем не менее страны «четверки» продолжают свое сотрудничество в области морской безопасности, кибербезопасности и других вопросов, связанных с военным сотрудничеством, ориентированным на США. Очевидно, что международная обстановка в ИТР в ближайшие годы будет становиться все более напряженной и менее предсказуемой [11].

В мае 2023 г. в Японии состоялся очередной саммит лидеров «четверки», по результатам которого было принято совместное заявление под названием «Постоянные партнеры Индо-Тихоокеанского региона». В заявлении выражается решимость стран QUAD («четверки») действовать как «сила добра» для поиска общих решений на благо всего региона, подтверждение своим общим демократическим идеалам и стратегическим целям в ИТР. В совместном заявлении «четверка» обозначила ряд приоритетных направлений своей деятельности в регионе. Ключевым вопросом стало развитие устойчивой инфраструктуры в ИТР. Лидеры объявили о новой инициативе, программе стипендий «QUAD Infrastructure», направленной на расширение опыта в области инфраструктуры в ИТР, предоставив возможность более чем 1800 специалистам проектировать, строить и управлять качественной инфраструктурой, а также поддержку качественных подводных кабельных сетей в регионе в рамках программы «Четырехстороннее партнерство для кабельного подключения и устойчивости»³.

При администрации Дж. Байдена США активизировали усилия по созданию коалиции, которая нацелена на «комплексное сдерживание» геополитических соперников США, в первую очередь Китая [5]. На фоне американско-китайской конкуренции следует указать на формирование в регионе военного блока — американско-британо-австралийский альянс — AUKUS, который преследует ту же цель, что и QUAD — сдерживание КНР, но в области обороны и военной сфере.

¹ PM Lee Hsien Loong's Interview with Nikkei Asia. Prime Minister's Office Singapore. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/PM-Lee-Hsien-Loong-interview-with-Nikkei-Asia> (дата обращения: 17.08.2023).

² Akhter M. N. Will the QUAD Become an «Asian NATO?» // Modern Diplomacy. October 4, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://modern diplomacy.eu/2021/10/04/will-the-quad-become-an-asian-nato/> (дата обращения: 17.08.2023).

³ Quad Leaders' Joint Statement. 20 May 2023, Hiroshima [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/quad-leaders-joint-statement/> (дата обращения: 17.08.2023).

В сентябре 2021 г. лидеры США, Австралии и Великобритании объявили о создании расширенного трехстороннего партнерства в области безопасности (AUKUS) с «целью укрепления способности каждого правительства поддерживать интересы безопасности и обороны, опираясь на давние и текущие двусторонние связи, что будет способствовать более глубокому обмену информацией и технологиями; и способствовать более глубокой интеграции науки, технологий, промышленных баз и цепочек поставок, связанных с безопасностью и обороной»¹.

Внимание международного сообщества к этому трехстороннему партнерству привлекла передача Австралии и принятием в ее состав ВМФ американских и британских атомных подводных лодок. Очевидно, что сегодня в условиях формирования многополярного мира Соединенные Штаты уже не в состоянии без поддержки партнеров, представляющих «коллективный Запад», сохранять свое глобальное доминирование на основе достижения военного превосходства во всех регионах мира.

Позиция России исходит из того, что усиление военного присутствия и контроля США и их союзников в ИТР ставит под удар вся архитектура безопасности в Азии, создает предпосылки для подрыва авторитета АСЕАН и других региональных объединений². Поэтому Россия, как и Китай, выступает против разделительных линий и в Индо-Тихоокеанском регионе, осуждая любые проявления формирования военных альянсов и блоков. Инициативы Соединенных Штатов по выстраиванию новой архитектуры безопасности в рамках «четверки» с целью противодействия КНР на основе стран «западной демократии» не способствуют стабильности и равноправному сотрудничеству и не привлекают новых сторонников.

Китай является наиболее важным стратегическим партнером России, который развивает отношения с другими государствами Азии, в том числе и с теми, которые опасаются роста китайского влияния, что также важно. В этих условиях России целесообразно применять сбалансированный подход [10].

Для России обострение индийско-китайских противоречий и стратегическое соперничество Индии и КНР ставит задачу сохранения и развития партнерских отношений с двумя крупными державами, учитывая, что Индия проводит многовекторную политику и развивает свои отношения с США [13]. Россия может содействовать смягчению напряженности между двумя странами и развитию сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС.

Выводы

Новое соперничество между США и КНР оказывает отрицательное влияние на существующую систему политических и экономических отношений в Индо-Тихоокеанском регионе. Возобновленная деятельность Четырехстороннего диалога по безопасности QUAD с очевидной антикитайской направленностью негативно влияет на ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе, подрывая результаты долгой работы АСЕАН по решению вопросов региональной безопасности.

В обозримом будущем «четверка» останется неформальным объединением, при этом практическое сотрудничество, политическая координация и стратегические консультации будут углубляться. В ближайшие несколько лет вопросы морской политики в Индо-Тихоокеанском регионе станут приоритетом QUAD.

¹ Joint Leaders Statement on AUKUS. White House, 15.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (дата обращения: 17.08.2023).

² Цепная реакция хаоса. Николай Патрушев — о чуждых России союзах и ценностях // Аргументы и факты, № 38, 22.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/politics/russia/serpnaya_reakciya_haosa_nikolay_patrushev_o_chuzhdyh_rossii_soyuzah_i_cennostyah (дата обращения: 17.08.2023).

Страны альянса внимательно следят за морской деятельностью Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, не только военно-морского флота Китая, но гражданского и рыболовного флота Китая. Сотрудничество в цепочках поставок и инфраструктуре будет двумя другими приоритетными областями, в которых четыре страны надеются уменьшить свою зависимость от Китая и предоставить альтернативу китайской инфраструктуре.

Очевидно, что страны «четверки» продолжат согласовывать свои позиции по спорам вокруг Восточного и Южно-Китайского морей, ситуации в Тайваньском проливе и другим острым вопросам в ИТР и за его пределами. Члены альянса также намерены расширить сотрудничество в области изменения климата, общественного здравоохранения, космоса и кибербезопасности. Можно предположить, что в области стратегических консультаций QUAD сосредоточится на внешнеполитической ориентации Китая и основных дипломатических, экономических инициативах, в области безопасности и будет реагировать на возникающие проблемы скоординировано.

Одним из достоинств QUAD является его неформальный формат и возможность предложить своим членам больше гибкости. В то же время она сталкивается с рядом потенциальных проблем.

Механизмы неформального статуса альянса становятся более институционализированными, сферы сотрудничества умножаются. По мере расширения функций возникает ряд вопросов — сможет ли «четверка» противостоять искушению превратиться в формальный военный союз, который пыталась сформировать администрация Д. Трампа. Если США снова попытаются превратить «четверку» в военнополитическую организацию, то как отреагирует Индия, которая не поддерживает создания регионального военного союза во главе с США, и как долго «четверка» сможет сопротивляться искушению пригласить новых членов в свой клуб.

Возрождение QUAD вызвало беспокойство и разногласия среди членов АСЕАН. Несмотря на то что отношение АСЕАН к «четверке» улучшилось после того, как США и другие члены неоднократно заверяли АСЕАН в том, что они поддерживают центральную роль и единство АСЕАН в АТР, подозрения и опасения остаются. В контексте стратегического соперничества между Китаем и США, политика, проводимая альянсом QUAD, который декларирует себя как механизм стратегического диалога, может снизить роль АСЕАН и ее центральное место в региональных делах.

Большинство региональных государств не поддерживают идею о формировании разделительных линий и возрастающее геополитическое соперничество в Индо-Тихоокеанском регионе. Четырехстороннее партнерство, ведомое США, скорее всего, повысит напряженность в регионе и подорвет эффективность усилий по поддержанию стабильности в регионе.

Литература

1. Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США / отв. ред.-сост. Т.М. Мамахатов; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М. : ИКСА РАН, 2022. 190 с.
2. Васильев Л. Е. Индо-Тихоокеанская стратегия США и некоторые особенности решения проблем ее реализации // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США : сб. статей. М. : ФГБУ Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2022. С. 71–87.
3. Болдырев В. Е. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 3. С. 47–62.
4. Добринская О. А. Четырехсторонний диалог по безопасности: взгляд из Токио // Регионы в современном мире: глобализация и Азия / отв. ред. Е. А. Канаев. СПб. : Алетейя, 2020. С. 170–188.

5. Ермаков С. М. Влияние AUKUS на систему международной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 1 (70). С. 130–152.
6. Иванов О. П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // Обозреватель. 2020. № 7 (366). С. 39–40.
7. Каблуков К. С. Сравнительный анализ походов QUAD и АСЕАН к обеспечению безопасности в АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 53–65.
8. Куприянов А. В. QUAD и безопасность Индо-Тихоокеанского региона // Ежегодник СИПРИ 2020: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, 2021. С. 809–820.
9. Леонова О. Г. Квад (Quad) в геополитической архитектуре Индо-Тихоокеанского региона // Век глобализации. 2022. № 4 (44). С. 111–126.
10. Лукин А. В. Американско-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.
11. Мартынова Е. С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 3. С. 148–165.
12. Сумский В. В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американско-китайских противоречий // Международная жизнь. 2021. № 4. С. 74–89.
13. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина паблишер, 2021. 471 с.
14. Green M. Line of Advantage: Japan's Grand Strategy in the Era of Abe Shinzō. Columbia University Press, 2022. 232 p.
15. Hu W., Meng W. The US Indo-Pacific Strategy and China's Response // China Review. 2020. Vol. 20. N 3. P. 143–176.
16. Jie Z. The Quadrilateral Security Dialogue and Reconstruction of Asia-Pacific Order // China International Studies. 2019. N 74. P. 55.
17. Laksmana E. A. Whose Centrality? ASEAN and the Quad in the Indo-Pacific // The Journal of Indo-Pacific Affairs. 2020. Vol. 3. N 5. P. 106–117.
18. Yang Siling, Jilei Ren. The Quad: From Loose Coordination Towards an Alliance // East Asian Affairs. August 2022. Vol. 2. N 1. P. 48–76.

Об авторе:

Хлопов Олег Анатольевич, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; rggu2007@rambler.ru

References

1. Security in the Asia-Pacific region in the context of the US Indo-Pacific strategy / ed. ed. comp. T. M. Mamakhatov; Institute of China and modern. Asia RAS [M.: IKSA RAN]. 2022. 190 p. (in Russ.)
2. Vasiliev L. E. Indo-Pacific strategy of the USA and some features of solving the problems of its implementation // Security in the Asia-Pacific region in the context of the Indo-Pacific strategy of the USA: Collection of articles. Moscow : FGBU Institut Dalnego Vostoka Rossiskoy Akademii Nayk. 2022. P. 71–87. (in Russ.)
3. Boldyrev V. E. Indo-Pacific in US foreign policy planning // USA and Canada: economics, politics, culture [SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kultura]. 2023. N 3. P. 47–62. (in Russ.)
4. Dobrinskaya O. A. Quadrilateral security dialogue: a view from Tokyo // Regions in the modern world: globalization and Asia. / rev. ed. E. A. Kanaev. Saint Petersburg : Aleteiya. 2020. P. 170–188. (in Russ.)
5. Ermakov S. M. Influence of AUKUS on the system of international security // Problems of national strategy [Problemy nacional'noj strategii]. 2022. N 1 (70). P. 130–152. (in Russ.)
6. Ivanov O. P. Military Dimension of the Indo-Pacific Strategy of the United States // Observer [Obzrevatel]. 2020. N 7 (366). P. 39–40. (in Russ.)
7. Kablukov K. S. Comparative analysis of QUAD and ASEAN approaches to ensuring security in the Asia-Pacific // South-East Asia: actual problems of development [Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya]. 2022. Vol. 1. N 1 (54). P. 53–65. (in Russ.)

8. Kupriyanov A.V. QUAD and the security of the Indo-Pacific region // SIPRI Yearbook 2020: Armaments, disarmament and international security. Moscow : IMEIMO after E. M. Primakov RAN [Moskva : IMEIMO imeni E. M. Primakova RAN]. 2021. P. 809–820. (in Russ.)
9. Leonova O. G. Quad in the geopolitical architecture of the Indo-Pacific region // Age of globalization [Vek globalizacii]. 2022. N 4 (44). P. 111–126. (in Russ.)
10. Lukin A.V. American-Chinese Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and Reality // Russia in Global Affairs [Rossiya v global'noj politike]. 2023. Vol. 21. N 1. P. 118–137. (in Russ.)
11. Martynova E. S. QUAD and AUKUS alliances and the balance of power in the Asia-Pacific region: prospects for Russia, China and ASEAN // Outlines of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo]. 2022. Vol. 15. N 3. P. 148–165. (in Russ.)
12. Sumsky V.V. “Indo-Pacific vision of ASEAN” and the vertical rise of American-Chinese contradictions // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn]. 2021. N 4. P. 74–89. (in Russ.)
13. Trenin D. New balance of power: Russia in search of foreign policy balance. Moscow : Alpina Publisher [Moscow : Al'pina publisher]. 2021. 471 p. (in Russ.)
14. Green M. Line of Advantage: Japan's Grand Strategy in the Era of Abe Shinzō. Columbia University Press, 2022. 232 p.
15. Hu W., Meng W. The US Indo-Pacific Strategy and China's Response // China Review. 2020. Vol. 20. N 3. P. 143–176.
16. Jie Z. The Quadrilateral Security Dialogue and Reconstruction of Asia-Pacific Order // China International Studies. 2019. N 74. P. 55.
17. Laksmana E.A. Whose Centrality? ASEAN and the Quad in the Indo-Pacific // The Journal of Indo-Pacific Affairs. 2020. Vol. 3. N 5. P. 106–117.
18. Yang Siling, Jilei Ren. The Quad: From Loose Coordination Towards an Alliance // East Asian Affairs. August 2022. Vol. 2. N 1. P. 48–76.

About the author:

Oleg A. Khlopov, Associate Professor at the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RGGU), Candidate of Science (Political Sciences), Associate Professor (Moscow, Russian Federation); rggu2007@rambler.ru

Межинституциональное взаимодействие главы государства и Конгресса США: исторический контекст и современные особенности

Шевченко Е. С.

АНО «Центр развития образовательных и исследовательских проектов „Академический Альянс“, Москва, Российская Федерация; katerina.shevch@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Специфика политического и политико-административного управления США выявляет некоторые проблемные аспекты реализации главой государства своих должностных полномочий в ракурсе позитивных политических отношений с американскими конгрессменами, связанных с достижением политического консенсуса и принятием согласованных политических решений. В данной связи актуализируется поиск эффективных политических механизмов и инструментов межинституционального взаимодействия исполнительной и законодательной власти на современном этапе политического развития США. Рассмотрены нормативно-правовые основы политического и административного функционала президента США и Конгресса США. Проанализированы политико-исторические особенности межинституционального взаимодействия исполнительной и законодательной власти в США. Определены ключевые факторы и условия конфликтогенности политических отношений с американскими конгрессменами в рамках президентства Д. Трампа. Сформулированы основные причины и обстоятельства углубления межинституциональных противоречий в политической системе США с учетом функциональной роли Дж. Байдена. Сделан вывод о необходимости формирования политического доверия и использования апробированных политических инструментов, одобренных и президентом США, и американскими законодателями. При этом реальные причины наблюдаемых в США политических событий имеют объективный характер и требуют более глубокого и детального анализа. В результате представлены проблемные плоскости и уровни политико-административных отношений между государственными органами исполнительной и законодательной власти в США на современном этапе. Автором использованы количественные (многофакторный анализ, статистическое представление данных) и качественные (контент-анализ, вторичный анализ данных американских аналитических и научно-исследовательских центров) методы.

Ключевые слова: политические институты, институт президентства, президент США, Конгресс США, исполнительная власть, законодательная власть

Для цитирования: Шевченко Е. С. Межинституциональное взаимодействие главы государства и Конгресса США: исторический контекст и современные особенности // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 33–42.

Interinstitutional Interaction between the Head of State and the US Congress: Historical Context and Modern Features

Ekaterina S. Shevchenko

ANO «Center For Development Of Educational And Research Projects «Academic Alliance», Moscow, Russian Federation; katerina.shevch@yandex.ru

ABSTRACT

The specific of political and political-administrative management of the United States reveals some problematic aspects of realization of official competencies by the head of state from the perspective of positive political relations with American congressmen related to achieve political consensus and make agreed political decisions. In this regard, the search for effective political

mechanisms and tools of interinstitutional interaction of executive and legislative authorities at the present stage of the US political development is actualized. Normative and legal bases of political and administrative functions of the US President and the US Congress are considered. Political and historical features of interinstitutional interaction of executive and legislative authorities in the United States are analyzed. The key factors and conditions of conflictogenicity of political relations with American congressmen in the framework of D. Trump's presidency are identified. The main reasons and circumstances of deepening interinstitutional contradictions in the US political system with regard to J. Biden's functional role are formulated. It is concluded that it is necessary to build political trust and use approbated political tools approved by the US President and American legislators. At the same time, real causes of political events observed in the United States have an objective nature and need a more in-depth and detailed analysis. As a result, problematic planes and levels of political-administrative relations between the state bodies of executive and legislative power in the United States at the present stage are presented. The author used quantitative (multifactorial analysis, statistical presentation of data) and qualitative (content analysis, secondary analysis of data from American analytical and scientific research centers) methods.

Keywords: political institutions, the Presidency, the US President, the US Congress, executive authority, legislative authority

For citing: Shevchenko E. S. Interinstitutional Interaction of the Head of State and the US Congress: Historical Context and modern features // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 33–42.

Введение

Проблематика межинституционального взаимодействия субъектов исполнительной и законодательной власти США в динамике американской политической истории характеризуется сложностью и противоречивостью, понимаемыми, прежде всего, в форме соблюдения классических требований системы сдержек и противовесов западного образца, достижения политического консенсуса и по возможности формулирования солидаризированного внутри- и внешнеполитического курса США. Вместе с тем в современных общественно-политических реалиях создаются и углубляются дополнительные проблемные плоскости и ограничения на пути эффективного межинституционального взаимодействия главы государства и Конгресса США, формирующие новые ракурсы и диспозиции обеспечения политической стабильности и принятия принципиально важных политических решений, что в особенности симптоматично в контексте анализа некоторых итогов президентства Дж. Байдена.

Нормативно-правовые основы политического и административного функционала президента США и Конгресса США

В нормативно-правовом аспекте в рамках действующего федерального законодательства США специфика работы государственных органов исполнительной и законодательной власти четко регламентирована и структурирована в части разграничения должностных полномочий и политического функционала — можно говорить как минимум о следующих политико-административных возможностях президента США.

1. Осуществление межинституционального и внутриведомственного взаимодействия (в частности, в первом случае по линии с Конгрессом США, Верховным судом США, а во втором случае — по линии с администрацией президента США, кабинетом президента США).
2. Назначение лиц на государственные должности и освобождение лиц с государственных должностей при наличии официального согласия Сената США.
3. Передача рамочного политико-управленческого функционала иным уполномоченным должностным лицам (политическое делегирование).

4. Одобрение и ратификация официальной документации.
5. Ознакомление с отчетными данными по работе органов государственной власти.
6. Масштабирование законодательной стратегии Конгресса США.

В более предметном отношении спектр должностных обязанностей президента США можно представить следующим образом: издание отраслевых исполнительных указов (Executive Orders) и прокламаций (Proclamations), направление официальных предложений Конгрессу США с возможностью применения права вето в отношении конкретных предлагаемых законопроектов, принятие национальных внутривнутриполитических проектов, политическая координация деятельности исполнительных органов государственной власти, утверждение политического курса США, осуществление главного командования военно-вооруженными силами США [3, с. 136].

Палата представителей США и Сенат США имеют общий и специальный должностной функционал — в первом случае это касается в основном осуществления законотворчества и инициирования политических расследований и разбирательств на тему злоупотребления должностными полномочиями и коррупции (в частности, в 2006 г. Дж. Буш-мл. обвинялся в создании административных трибуналов на военной базе США в Гуантанамо и организации прослушивания телефонных разговоров такими крупными американскими корпорациями, как AT&T, BellSouth и Verizon, а в 2014 г. американские конгрессмены обвиняли Б. Обаму в директивном принятии политических решений в части принудительной депортации детей иммигрантов и увеличения размера оплаты труда исполнителей заказов правительственных структур США)¹. Вместе с тем члены Палаты представителей США пользуются исключительными правами в том числе в рамках обновления действующего американского финансового законодательства, возбуждения политического преследования в отношении президента США и иных высокопоставленных государственных служащих с использованием процессуально-технического формата импичмента, при этом Сенат США имеет расширенный пакет политико-административных функций в том числе в части межструктурного сотрудничества с американскими высшими судебными инстанциями, ратификации международных договоров².

Политико-исторические особенности межинституционального взаимодействия исполнительной и законодательной власти в США

В историческом ракурсе политические отношения главы государства и Конгресса США являются довольно конфликтными, в этом смысле политическую конкуренцию исполнительной и законодательной ветвей власти дополнительно осложняет политико-партийное противоборство, приобретающее форму, во-первых, блокировки конкретных предлагаемых одной из сторон законопроектов, во-вторых, организации «пробуксовки» работы администрации президента США или американских законодателей в целом [5, 6, 14, 15]. В частности, наличие республиканского большинства в Конгрессе США обусловило межинституциональное противоборство демократов Б. Клинтона и Б. Обамы (в первом случае в рамках участия в глобальных рыночных процессах и активизации внешнеполитического участия с привлечением дополнительного бюджетного финансирования, во втором случае — в рамках обеспечения энергетической безопасности и охраны окружающей среды).

При получении доступа к имеющей государственную конфиденциальность информации и использовании ее в собственных политических целях представители

¹ The United States Code [Электронный ресурс] // The United States House Of Representatives. URL: <http://uscode.house.gov/> (дата обращения: 16.01.2024).

² The Constitution Of The United States [Электронный ресурс] // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution/> (дата обращения: 16.01.2024).

исполнительной власти и лично президент США за последние полвека серьезно расширили арсенал политических механизмов и технологий, однако с целью предотвращения политико-институциональной напряженности и конфликтогенности американские законодатели еще предпочитают оперировать переговорными и компромиссными процедурами — «Unseemly, Provocative Clashes Should Be Avoided»¹. Более того, с 1935 г. в судебном порядке не направляются представители Конгресса США с целью вручения документов на заключение под стражу или арест и в последующем задержания, при этом применительно к реагированию на вручение судебных повесток утвердилась практика отказа от соблюдения адресованных предписаний, как это происходило в том числе со стороны Дж. Буша-мл. и даже еще в первой половине XIX в. со стороны Дж. Адамса².

Наибольшим политическим влиянием и в данном смысле административно-статусным иммунитетом президент США пользуется в рамках реализации внешнеполитических проектов, ведения международных переговоров, обеспечения национальной безопасности и развития военно-промышленного комплекса — по оценкам некоторых американских политологов и экспертов в области государственного управления и политической коммуникации (прежде всего, А. Вилдавски, Г. Киссинджер) в общей сложности Конгресс США с 1948 по 1964 г. одобрил около 70% президентских инициатив по вопросам и проблемам внешней политики. Таким образом, глава государства в США имеет лидирующие позиции в рамках реализации стратегической и антикризисной политики, требующей максимальной концентрации политических ресурсов и инструментов в одних руках и проявления оперативности и гибкости при тактическом осуществлении политических маневров (в частности, исторически это также достигалось посредством принятия конкретных политических документов, расширяющих должностные полномочия президента США и ослабляющих политическую роль Конгресса США, — Формозская резолюция 1955 г., Ближневосточная резолюция 1957 г., Кубинская резолюция 1962 г. и др.)³.

Вместе с тем одной из наиболее радикальных и дестабилизирующих форм политического противоборства исполнительной и законодательной ветвей власти является инициирование привлечения к политико-дисциплинарной ответственности президента США в рамках политического института импичмента [9, с. 97]. С одной стороны, это довольно трудоемкий и ресурсозатратный с процессуально-технической точки зрения атрибут системы государственного управления США (более того, в части предикативной и доказательной специфики также существуют некоторые сложности). С другой стороны, таким образом создаются мощные рычаги в вопросе политического давления на главу государства, — всего в политической истории США известно около 60 подобных случаев преимущественно в порядке Revenue Act Of 1924 и Foreign Corrupt Practices Act Of 1977, непосредственно в адрес президента США политические обвинения столь высокой юридической силы выдвигались, в частности, в отношении Э. Джонсона в 1868 г., Р. Никсона в 1974 г., Б. Клинтона в 1998 г., Дж. Буша-ст. в 2008 г. Справедливости ради необходимо также указать на весьма любопытный факт, связанный с тем, что данные

¹ What Happens When A President And Congress Go To War? [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/05/magazine/congress-president-impeachment.html/> (дата обращения: 16.01.2024).

² Trump Wouldn't Be First Former President Subpoenaed By Congress [Электронный ресурс] // CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com/news/congress-subpoena-presidents-trump/> (дата обращения: 16.01.2024).

³ Remembering The Cuban Missile Crisis: Executive Unilateralism Or Congressional Drive Toward The Brink? [Электронный ресурс] // Belfer Center For Science And International Affairs Of Harvard Kennedy School Of Government. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/remembering-cuban-missile-crisis-executive-unilateralism-or-congressional-drive-toward/> (дата обращения: 18.01.2024).

политические механизмы запускаются в США в том числе по причине восстановления или реконструкции иерархии межинституциональных и межструктурных коммуникаций, о чем свидетельствуют «нашумевшие» политические кейсы Teapot Dome и Watergate¹.

Не меньшим деструктивным политическим потенциалом характеризуется приостановка работы американских правительственных структур, связанная с отсутствием согласованного в регламентные сроки между государственными органами исполнительной и законодательной власти и формально принятого проекта федерального бюджета США. Его разработка является довольно продолжительной и включает такие обязательные этапы, как формулирование соответствующих предложений и рекомендаций от федеральных министерств и агентств, ознакомление с полученной информацией Административно-бюджетного управления Белого дома (Office Of Management And Budget) и в последующем президента США с направлением итогового документа Конгрессу США, разработка собственных бюджетных резолюций Палатой представителей США и Сенатом США, подписание президентом США представленного законопроекта о бюджетном финансировании. Вместе с тем президент США наделен соответствующими должностными полномочиями по обоснованному ветоированию утверждающего федеральный бюджет США законопроекта. Несмотря на то что данный политико-процессуальный механизм косвенно встроен непосредственно в политическую систему США, его технический запуск связан с президентством Р. Никсона, с одной стороны, характеризующимся хаотизацией расходования целевых государственных финансовых средств, с другой стороны, обусловившим принятие трансформационного с точки зрения расширения институциональной архитектуры и усложнения согласовательных процедур нормативно-правового акта (H.R. 7130 — Congressional Budget And Impoundment Control Act Of 1974).

В действительности создание такого рода политического прецедента имеет куда более далеко идущие, прежде всего, экономические последствия — в частности, накопление задолженности по выплате заработной платы государственным служащим и оплате работы контрагентов, а также увеличение внешнего государственного долга США, составляющего сегодня по различным оценкам свыше 30 трлн долл. Подобные политические практики в США вводятся в активное действие на пути давления на потенциально слабые позиции политических конкурентов с целью достижения реализации собственных политических амбиций в рамках межпартийного противоборства, однако исторически и республиканцы, и демократы стараются не допускать столь губительной эскалации создаваемой таким образом прогнившей для всех политической обстановки [10, с. 533].

Актуализация конфликтогенности политических отношений с американскими конгрессменами в рамках президентства Д. Трампа

Серьезный крен в сторону концентрации политических ресурсов и функций в рамках исполнительной ветви власти связан с некоторыми в действительности беспрецедентными и новаторскими президентскими решениями и действиями Д. Трампа, прежде всего, в контексте внедрения и апробации авторского подхода к пониманию целей и задач государственного управления (начиная с прямого и открытого игнорирования политической позиции американских конгрессменов и завершая инициированием конкретных политических шагов в обход требований нормативно-правовых

¹ What The Teapot Dome Scandal Has to Do with Trump's Tax Returns [Электронный ресурс] // Brennan Center for Justice at New York University School of Law. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/what-teapot-dome-scandal-has-do-trumps-tax-returns/> (дата обращения: 18.01.2024).

актов США) [1, с. 263]. При этом отличительной особенностью в данном контексте политической позиции 45-го президента США являлся изначальный перевод политической ответственности за столь серьезное и даже опасное ухудшение межинституциональных отношений исполнительных и законодательных органов государственной власти в адрес Конгресса США [7, 8, 12, 13].

«Говорящими» особенностями президентства Д. Трампа в рамках обсуждения межинституционального взаимодействия администрации президента США и американских конгрессменов являлись, во-первых, двукратное инициирование политических разбирательств в отношении главы государства в рамках политико-процессуального пакета импичмента, поддержанное в том числе членами Республиканской партии США, во-вторых, активное содействие самой продолжительной в политической истории США приостановке работы исполнительных органов государственной власти, длившейся 35 дней с декабря 2018 г. Причиной этого явилось отсутствие согласия главы государства и Конгресса США по поводу государственного финансирования строительства оборонительной стены на границе с Мексикой объемом 5,7 млрд долл. Более того, с целью перевода необходимой суммы из профильных структурных подразделений министерского корпуса США Д. Трампу пришлось пойти на введение чрезвычайного положения в стране в феврале 2019 г. Само собой, по данным пунктам Д. Трамп является абсолютным рекордсменом среди прочих политических лидеров США с президентским функционалом [2, с. 23].

При этом было бы неразумно в одностороннем порядке инкриминировать Д. Трампу сугубо негативные политические последствия его президентства — политические решения и действия прежнего хозяина Белого дома выявили те политико-системные проблемы и противоречия, с которыми продолжает сталкиваться американское общество и на которые пока нет ответа у политической элиты США [11, с. 473]. В известном смысле заслуга Д. Трампа заключается в воссоздании конструктивной политической деятельности как внутри государства, так и за рубежом в духе *Realpolitik* с опорой на принципы политического прагматизма и экономической конкурентоспособности [4, с. 2286].

Углубление межинституциональных противоречий в политической системе США с учетом функциональной роли Дж. Байдена

В рамках специфики президентства Дж. Байдена межинституциональное взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти все более напоминает очередные внутривластные игры в США, что по большому счету заключается в «перетягивании каната» между сторонниками политического курса действующего президента США и американскими законодателями-республиканцами с целью получения наибольшего количества политических бонусов и преференций. Это демонстрируют в том числе результаты научного исследования Pew Research Center декабря 2023 г. — около 64% американцев не одобряет работу Дж. Байдена в качестве президента США, при этом только 35% опрошенных позитивно оценивает работу с Конгрессом США¹. Общественное мнение в пользу эффективности законодательной власти также оставляет желать лучшего — одобрительно в адрес Конгресса США высказывается лишь 26% американской общественности². В данной связи наиболее

¹ Assessments of Joe Biden [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/12/14/assessments-of-joe-biden/> (дата обращения: 20.01.2024).

² Views of the Parties and Congress [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/12/14/views-of-the-parties-and-congress/> (дата обращения: 20.01.2024).

показателен тот факт, что крайне непривлекателен политический курс 46-го президента США представляется не только для республиканцев (7% респондентов), среди демократов процентные показатели также снизились примерно на 12% по сравнению с аналогичными статистическими данными октября 2022 г.

Несмотря на то, что в первые годы своего президентства Дж. Байден, в том числе учитывая демократическое большинство в Палате представителей США и Сенате США, предпринимал неоднократные попытки на пути налаживания межинституционального взаимодействия с республиканским крылом — в форме наращивания военно-политического потенциала, гармонизации действующего миграционного законодательства США, увеличения государственного инвестирования в разработку новых цифровых технологий и т.д., политические отношения действующего президента США с американскими конгрессменами продолжают оставаться крайне напряженными и неоднозначными. Внутриполитическая ситуация в США еще больше обостряется на фоне государственного финансирования Украины — в январе 2024 г. законодатели из Великобритании, Испании, Франции, Чехии призвали лично Дж. Байдена и Конгресс США совместно принять пакет политических решений по результатам переговоров на тему обсуждения дополнительных законопроектов на общую сумму 100 млрд долл., из которых предусмотрена военная поддержка Украине объемом свыше 60 млрд долл.¹

Результаты анализа законотворческой деятельности Конгресса США в рамках президентства Дж. Байдена демонстрируют устойчивый крен в сторону ужесточения внутрипарламентских дискуссий и одновременного ослабления договороспособности как со стороны главы государства, так и со стороны американских законодателей. Из общего количества представленных к рассмотрению законопроектов по состоянию на начало 2024 г. с 2021 г. в статистическом отношении только 1,5% законопроектов проходит обе палаты Конгресса США, около 1,4% законопроектов направляется на подпись президенту США, чуть более 1% законопроектов приобретает официальный статус нормативно-правового акта. При этом право вето Дж. Байденом используется в количественном выражении примерно так же, как его предшественником за аналогичный период (9/10 случаев соответственно). Разумеется, это свидетельствует о дальнейшем расширении пределов действия ограничивающих и блокирующих факторов и обстоятельств в рамках межинституционального взаимодействия исполнительных и законодательных органов государственной власти [16, с. 472].

Более того, в начале декабря 2023 г. Палата представителей США одобрила резолюцию в рамках политической процедуры импичмента с формулировкой обвинения Дж. Байдена в превышении должностных полномочий, использовании политического влияния в бизнес-интересах с использованием семейных связей, задействовании коррупционных схем и т.д. В частности, поводом для инициирования политического расследования в отношении действующего президента США послужило раскрытие информации о связи Дж. Байдена с китайскими энергетическими компаниями (прежде всего, Americore Holdings) и связи Х. Байдена с украинскими коммерческими организациями нефтегазового сектора (в том числе сыну действующего президента США предъявлено обвинение в уклонении от уплаты федеральных налогов на сумму не менее 1,4 млн долл.). Об углублении системного внутриполитического кризиса между исполнительной и законодательной ветвями власти также свидетельствует отсутствие принятого проекта федерального бюджета США на текущий год в полном объеме, грозящее приостановкой работы

¹ «Please Guys, Wake Up»: European Leaders Push Biden, Congress on Ukraine [Электронный ресурс] // Politico. URL: <https://www.politico.com/news/2024/01/18/biden-congress-ukraine-europe-00136404/> (дата обращения: 20.01.2024).

американских правительственных подразделений и ведомств. Вместе с тем в январе 2024 г. Дж. Байден одобрил временный государственный бюджет США в фактически согласованном размере 1,66 трлн долл. сроком до марта 2024 г.¹

Политический опыт Дж. Байдена лишний раз подтверждает теорию относительно того, что более-менее гармонизированное и слаженное межинституциональное взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти в рамках политической системы США концептуально обеспечивается с использованием двух ключевых императивов — поддержание межгосударственных конкурентных отношений с более влиятельными политическими игроками в ключе идеи восстановления мирового политического лидерства США и активное расширение пакета антироссийских санкций. В данном контексте ключевыми триггерами серьезного ухудшения политических отношений главы государства и Конгресса США являются ослабление политического авторитета США за рубежом и недостижение согласованной политической позиции по американскому внешнеполитическому вкладу в контексте российского участия в специальной военной операции на территории Украины.

С учетом этого речь идет главным образом о двух основных уровнях политико-административных отношений между исполнительными и законодательными органами государственной власти, а именно об оптимизации используемых политических и административных инструментов и актуализации политического доверия. В данной связи предлагается проблематику межинституционального взаимодействия главы государства и Конгресса США на современном этапе рассматривать в проблемном фокусе как минимум следующих ипостасей:

- поддержание функциональности американской политической системы;
- формирование политико-ресурсного и политико-технологического баланса исполнительной и законодательной ветвей власти;
- обеспечение взаимного политического контроля государственных органов исполнительной и законодательной власти в рамках действующей системы политико-административного управления США;
- соблюдение ключевых требований к эффективности согласовательных механизмов принимаемых политических решений.

Соответственно, учитывая в целом нестабильную и подчас слабо прогнозируемую феноменологию политических отношений субъектов исполнительной и законодательной власти США, предлагается более пристальное внимание обратить на анализ структурно-функциональных возможностей и ограничений некоторых наиболее влиятельных политических концепций, сформулированных еще отцами-основателями США и представленных в качестве теоретико-нарративной основы современной американской системы государственного управления (Hamiltonian Federalism, Jeffersonian Republicanism, Jacksonian Democracy, Wilsonian Democracy), при этом в процессуально-инструменталистском плане целесообразен уход от бюрократического технократизма в сторону контекстуализации принимаемых политико-административных решений. Таким образом, применительно к США речь идет о необходимости ограничения и в лучшем случае преодоления актуальной проблемной специфики межинституционального взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти, основанной на идейно-концептуальном размежевании коллективных и индивидуальных политических интересов и «притягивании» формальных процедур и должностных инструкций.

¹ President Joe Biden Signs Bill to Avoid a Partial Government Shutdown [Электронный ресурс] // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2024/01/19/president-biden-government-shutdown-congress/052b517e-b6f9-11ee-b285-0853d4d1b92f_story.html/ (дата обращения: 20.01.2024).

Заключение

Политический кризис межинституционального взаимодействия главы государства и американских конгрессменов, наблюдающийся сегодня в системе органов государственной власти США, обусловлен множеством политико-режимных факторов и условий — в данном смысле речь идет о вполне естественной и логичной с исторической точки зрения последовательности политических событий как в их совокупности, так и по отдельности (собственно, в эту проблемную рамку закладывается анализ создаваемого мультипликативного эффекта политического воздействия). Вместе с тем необходимо отметить, что реальные причины подобных политических явлений и процессов, по сути, более объективны и глубинны, поскольку связаны в основном с актуализацией спектра внутривнутриполитических и внешнеполитических рисков и угроз, к которым ни американская система государственного управления, ни американское общество не оказались готовы.

Литература

1. Бурда М. А., Шевченко Е. С. Политические аспекты имплементации норм международного права в национальном законодательстве США: от теории к практике // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 254–267.
2. Зазнаев О. И. Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 19–25.
3. Шевченко Е. С. Технологии политического позиционирования президента США в глобальном измерении: определение критериев эффективности : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2023. 218 с.
4. Шевченко Е. С., Попов С. И., Шулина Н. В. Конструирование политического образа Д. Трампа авторитетными американскими медиаисточниками: к вопросу формулирования инструментария // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72). С. 2284–2295.
5. Byers J. S., Carson J. L., Williamson R. D. Policymaking by the Executive: Examining the Fate of Presidential Agenda Items // Congress & The Presidency. 2020. Vol. 47. Is. 1. P. 1–31.
6. Clark J. H., Williams R. L. Leadership Power, Preference Homogeneity and Legislative Party Conflict // The Journal of Legislative Studies. 2019. Vol. 25. Is. 4. P. 489–510.
7. Fettweis Ch. J. Is Donald Trump America's First Constructivist President? // Survival: Global Politics and Strategy. 2020. Vol. 62. Is. 5. P. 65–75.
8. Genovese M. A. The Modern Presidency: Six Debates That Define the Institution. Columbia University Press, 2022. 176 p.
9. Goss B. M. Shield and Sword: Discursive Kevlar And National Review's Discourses on the First Trump Impeachment (2019–2020) // Atlantic Journal of Communication. 2023. Vol. 31. Is. 2. P. 97–114.
10. Holyoke T. T. Strategic Lobbying To Support Or Oppose Legislation In The US Congress // The Journal of Legislative Studies. 2019. Vol. 25. Is. 4. P. 533–552.
11. Horwitz R. B. Trump and the «Deep State» // Policy Studies. 2021. Vol. 42. Is. 5–6. P. 473–490.
12. Howell W. G., Moe T. M. Presidents, Populism and the Crisis of Democracy. The University of Chicago Press, 2020. 275 p.
13. McHugh K. A. At War with Congress: War Powers Disputes During the Trump Administration // Democracy and Security. 2022. Vol. 18. Is. 3. P. 228–262.
14. Peake J. S. Dysfunctional Diplomacy: The Politics of International Agreements in An Era of Partisan Polarization. Routledge, 2022. 162 p.
15. Prakash S. B. The Living Presidency: An Originalist Argument Against Its Ever-Expanding Powers. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020. 352 p.
16. Prash A. M. A Tale of Two Presidencies: Trump and Biden On the National Mall // Quarterly Journal of Speech. 2021. Vol. 107. Is. 4. P. 472–479.

Об авторе:

Шевченко Екатерина Сергеевна, эксперт АНО «Центр развития образовательных и исследовательских проектов „Академический Альянс“» (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; katerina.shevch@yandex.ru

References

1. Burda M. A., Shevchenko E. S. Political Aspects of Implementation of International Law in National Legislation of The United States: From Theory to Practice // RUDN Journal of Political Science [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov]. 2019. Vol. 21. N 2. P. 254–267. (In Russ.)
2. Zaznaev O. I. The Institute of The Presidency in the Conditions of Political Turbulence: Worldwide Trends // Kazan Social and Humanitarian Bulletin [Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik]. 2020. N 2 (43). P. 19–25. (In Russ.)
3. Shevchenko E. S. Political Positioning Technologies Of The President Of The United States In A Global Dimension: Determining Criteria Of Effectiveness: Abstract To The Thesis Of Candidate Of Political Sciences. Moscow : RANEPa Under The President Of The Russian Federation, 2023. 218 p. (In Russ.)
4. Shevchenko E. S., Popov S. I., Shulenina N. V. Making of D. Trump's Political Image by the US Authoritative Media Sources: To the Question of Formulation of a Tool // Political Science Issues [Voprosy politologii]. 2021. Vol. 11. N 8(72). P. 2284–2295. (In Russ.)
5. Byers J. S., Carson J. L., Williamson R. D. Policymaking by the Executive: Examining the Fate of Presidential Agenda Items // Congress & The Presidency. 2020. Vol. 47. Is. 1. P. 1–31.
6. Clark J. H., Williams R. L. Leadership Power, Preference Homogeneity and Legislative Party Conflict // The Journal of Legislative Studies. 2019. Vol. 25. Is. 4. P. 489–510.
7. Fettweis Ch. J. Is Donald Trump America's First Constructivist President? // Survival: Global Politics and Strategy. 2020. Vol. 62. Is. 5. P. 65–75.
8. Genovese M. A. The Modern Presidency: Six Debates That Define the Institution. Columbia University Press, 2022. 176 p.
9. Goss B. M. Shield and Sword: Discursive Kevlar And National Review's Discourses on the First Trump Impeachment (2019–2020) // Atlantic Journal of Communication. 2023. Vol. 31. Is. 2. P. 97–114.
10. Holyoke T. T. Strategic Lobbying To Support Or Oppose Legislation In The US Congress // The Journal Of Legislative Studies. 2019. Vol. 25. Is. 4. P. 533–552.
11. Horwitz R. B. Trump and the «Deep State» // Policy Studies. 2021. Vol. 42. Is. 5–6. P. 473–490.
12. Howell W. G., Moe T. M. Presidents, Populism and The Crisis of Democracy. The University of Chicago Press, 2020. 275 p.
13. McHugh K. A. At War with Congress: War Powers Disputes During the Trump Administration // Democracy and Security. 2022. Vol. 18. Is. 3. P. 228–262.
14. Peake J. S. Dysfunctional Diplomacy: The Politics of International Agreements in An Era of Partisan Polarization. Routledge, 2022. 162 p.
15. Prakash S. B. The Living Presidency: An Originalist Argument Against Its Ever-Expanding Powers. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020. 352 p.
16. Prasch A. M. A Tale of Two Presidencies: Trump and Biden On the National Mall // Quarterly Journal of Speech. 2021. Vol. 107. Is. 4. P. 472–479.

About the Author:

Ekaterina S. Shevchenko, Expert of ANO «Center for Development of Educational and Research Projects “Academic Alliance”» (Moscow, Russian Federation), Cand. Sc. (Politics); katerina.shev@yandex.ru

Актуальные проблемы и перспективы развития государственных контрольных (надзорных) органов в России

Астахова О. А., Гриднев В. П. *

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности функционирования государственных контрольных (надзорных) органов в Российской Федерации в настоящее время. Проанализирован механизм оценки эффективности функционирования системы контрольных (надзорных) органов на примере оценки работы упомянутых органов в сфере социального обслуживания в г. Санкт-Петербурге. Отражены актуальные проблемы функционирования системы государственных контрольных (надзорных) органов в Российской Федерации. На основе выявленных проблем авторы предлагают комплекс мер, основанных на принципах законности и прозрачности, баланса интересов, направленных на достижение максимально полезного результата для всех участников контрольной (надзорной) деятельности. Реализация предложенных мероприятий должна идти по пути использования современных подходов к управлению системой контрольных (надзорных) органов, основанных на результатах научно-технического прогресса.

Ключевые слова: законодательство в сфере государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, система государственных контрольных (надзорных) органов, контроль (надзор), хозяйствующие субъекты, принцип законности, система государственного управления

Для цитирования: Астахова О. А., Гриднев В. П. Актуальные проблемы и перспективы развития государственных контрольных (надзорных) органов в России // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 43–50.

Current Problems and Prospects for the Development of State Control (Supervisory) Bodies in Russia

Oksana A. Astakhova, Valeriy P. Gridnev *

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the peculiarities of the functioning of state control (supervisory) bodies in the Russian Federation at the present time. The subtleties of the mechanism for evaluating the effectiveness of the functioning of the system of control (supervisory) bodies are analyzed using the example of evaluating the work of these bodies in the field of social services in St. Petersburg. The current problems of the functioning of the system of state control (supervisory) bodies in the Russian Federation are reflected. Based on the identified problems, the authors propose a set of measures based on the principles of legality and transparency, a balance of interests aimed at achieving the most useful result for all participants in control (supervisory) activities. The implementation of the proposed measures should follow the path of using modern approaches to managing the system of control (supervisory) bodies based on the results of scientific and technological progress.

Keywords: legislation in the field of state control (supervision) and municipal control, the system of state control (supervisory) bodies, control, supervision, business entities, the principle of legality, the system of public administration

Введение

Система государственных контрольных (надзорных) органов в России играет важную роль в обеспечении законности и порядка в различных сферах жизни общества. Деятельность органов контроля (надзора) обладает особой социально-правовой ценностью, следовательно, любая трансформация общества и его укладов должна как можно быстрее учитываться в работе данной системы, она должна быть максимально динамичной без потери эффективности.

Функционирование системы государственных контрольных (надзорных) органов сравнимо с работой крупной корпорации с иерархической структурой управления. Для эффективной работы такой бизнес единицы проводится постоянный мониторинг ее производительности, эффективности и результативности. В случае замедления рабочих процессов, снижения производительности и эффективности ее работы, отсутствия каких-либо изменений, решающих возникшие проблемы, корпорация теряет большие суммы прибыли и снижает показатели работы. Перенесем данное сравнение на систему государственных контрольных (надзорных) органов.

Ввиду того что рассматриваемая система государственных контрольных (надзорных) органов достаточно велика, многие внутренние процессы остаются без должного внимания и объективной оценки из-за отсутствия постоянного мониторинга и независимой оценки, что тормозит ее развитие. Данная проблема транслируется и многими учеными и экспертами в этой области. Не раз в политических кругах произносится фраза, что изменения, проводимые на государственном уровне, это всегда долгосрочная история. Для оперативной трансформации системы государственных контрольных (надзорных) органов требуется проведение системной работы, основанной на принципах правового государства с учетом всех имеющихся возможностей современного общества.

Необходимость развития системы государственных контрольных (надзорных) органов является актуальной и закономерной проблемой. Она нуждается в постоянном управленческом мониторинге и повышении производительности ввиду стремительной трансформации принципов управления, происходящей под влиянием научно-технического прогресса с использованием новых, более современных механизмов. Однако существует ряд причин, тормозящих ее развитие и препятствующих использованию последних, что делает невозможным дальнейшее развитие системы с учетом современных возможностей.

Проблемы развития системы контрольных (надзорных) органов

В настоящее время проверка эффективности функционирования системы контрольных (надзорных) органов проводится с помощью статистической оценки показателей (индикаторов) деятельности ее органов на региональном и федеральном уровнях. Например, для оценки работы контрольных (надзорных) органов в сфере социального обслуживания в г. Санкт-Петербурге используется 24 количественных индикатора¹,

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Санкт-Петербурга. Приложение № 36: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28 февраля 2022 г. № 155 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202203050009> (дата обращения: 12.12.2023).

которые в основном отражают число проведенных контрольных (надзорных) мероприятий (проверок, визитов), суммы штрафных санкций, наложенных в результате проведения последних, обратную связь по итогу проведенных проверок, выраженную числом поданных исков на оспаривание решений контрольных (надзорных) органов и их результат.

Существующая система оценки деятельности органов контроля (надзора) по-разному освещается учеными и экспертами в данной области. Одни считают, что она является современной и уместной, так как способна адаптироваться к работе в современном правовом государстве из-за своей цифровой сущности [1]. Противники, наоборот, убеждены, что оценка эффективности контроля (надзора) не должна строиться на количестве и частоте проводимых проверок и выявлении нарушений [6]. Несмотря на различие во взглядах, оценка эффективности деятельности органов контроля (надзора) не влияет на решение укоренившихся проблем, мешающих объективной оценке системы.

Одной из серьезных проблем функционирования органов контроля (надзора) в России является отсутствие системного подхода в организации структуры контрольной (надзорной) деятельности в системе государственного управления. Это связано с отсутствием единой терминологической базы данной сферы и наличием большого количества нормативно-правовых актов, действующих в разных отраслях. Конкретизируем их.

В научной литературе не утихают дискуссии по поводу соотношения понятий «контроль» и «надзор» в рамках государственной управленческой деятельности. Анализ различных точек зрения на определение вышеуказанных категорий позволил выделить три основных подхода к их соотношению. Первый подход заключается в том, что данные понятия не являются тождественными, так как понятию контроль шире, чем надзор [3]. Второй подход (законодательный) состоит в том, что термины «контроль» и «надзор» выступают одним целым, о чем свидетельствуют формулировки закона о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле¹. Третий подход заключается в том, что контроль и надзор рассматриваются как способ обеспечения законности и дисциплины и в совокупности образуют контрольно-надзорную деятельность [4]. За основу исследования был взят последний подход, так как считается, что именно совокупность контрольных и надзорных элементов приведет к эффективной реализации государственных управленческих функций.

Вторым серьезным недостатком действующей системы является наличие многоуровневого правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности. В данном случае речь идет о наличии большого количества нормативно-правовых актов, повторяющих друг друга, что приводит к дублированию полномочий и функций контрольных (надзорных) органов и, как следствие, увеличивает степень контроля (надзора), что сказывается в росте проводимых проверок и нагрузки от проверочных мероприятий [5]. Предприниматели вынуждены постоянно осуществлять сбор одинаковых документов, давать объяснения по одному и тому же вопросу, тем самым тормозя работу бизнес единицы, растрачивая ее ресурсы для прохождения проверок, вместо того, чтобы направить свои усилия на достижения целей компании. Это в конечном счете приводит к убыткам и наносит экономический урон объекту. Ярким примером служит дублирование функций по проверке порядка складирования и утилизации люминесцентных ламп, проводимых Роспотребнадзором и Росприроднадзором Российской Федерации на предприятии. Отсутствие

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

системности в деятельности органов контроля (надзора) и наличие беспорядка в основах нормативно-правового регулирования приводит к дублированию областей ответственности и контроля органов контроля (надзора), что создает ряд сложностей в работе с отчетами, а также к увеличению необоснованных протоколов об административных правонарушениях и, как следствие, росту нагрузки на судебные органы.

Для решения поставленной проблемы уже не первый год действует «регуляторная гильотина», благодаря которой происходит создание перечня проблемных нормативных актов, чистка нормативно-правовой базы через отмену устаревших правил и замену на новые и тотальный пересмотр правового регулирования отрасли [7]. Данная методика направлена на качественную проработку правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности, приводящей к сокращению перечня полномочий министерств и ведомств, переход на уведомительный анализ и мониторинг баз данных, а также отмену отчетности и разрешительных процедур [2]. Несмотря на применение регуляторной «гильотины», существующие проблемы сохраняются и продолжают снижать эффективность контрольной (надзорной) деятельности.

Современная система государственной контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации функционирует на основании новых правил, которые внедрены новой редакцией закона о государственном и муниципальном контроле (надзоре) с 1 июля 2021 г. Основной идеей новой концепции стало осуществление контроля (надзора) в рамках единого подхода с минимальным количеством проверок и административного давления на хозяйствующие субъекты. Следовательно, задачей контрольной (надзорной) деятельности является избавление бизнеса от излишнего административного давления посредством смены «идеологии» контроля (надзора). Последнее означает перестройку фокуса контроля (надзора) с проверки на профилактику, которая приведет к снижению финансовой нагрузки объектов, так как по итогам визитов можно будет выдать предписание, но нельзя будет оштрафовать. Однако реализация поставленной задачи практически невозможна без решения внутренних проблем рассматриваемой системы — наличия скрытых нарушений закона и «палочная» система организации контрольной (надзорной) деятельности. Первая проблема является в определенной степени сложной и искоренимой, так как каким бы ни было государство, скрытые нарушения закона всегда будут присутствовать, поскольку их латентность вызвана человеческими причинами — уровнем правосознания, нежеланием сталкиваться с последствиями, связанными с нарушением законности, и другие. Вторая проблема является более практикоориентированной. Ярким примером является следующая ситуация: руководство органов, осуществляющих контроль (надзор), ставит задачи по выявлению определенного количества нарушений, отклонение от которых не допускается. Это может привести к тому, что в конкретном периоде лицо может достигнуть данного показателя, в другом — нет, так как нарушения были устранены в предыдущем. Это вынуждает должностных лиц «нагружать» поднадзорных лиц большим количеством проверок и применять другие, недемократичные способы выявления нарушений. Данная проблема имеет двойственный характер: с одной стороны, выявление меньшего количества нарушений может свидетельствовать об укреплении законности и одновременно о неэффективной работе органа контроля (надзора); с другой стороны, выявление большого количества нарушений говорит об ухудшении состояния законности и одновременно о проведении органом полномасштабной работы. Данная проблема может привести к профессиональной деформации публичных должностных лиц, формального отношения к работе, что является недопустимым в деле обеспечения законности.

Последствием наличия и влияния «палочной» системы организации контрольной (надзорной) деятельности становится превалирование карательного метода над

предупредительным в системе контрольной (надзорной) деятельности и, как следствие, рост внеплановых проверочных мероприятий. С управленческой точки зрения причиной этого является отсутствие независимого анализа, прогнозирования и мониторинга поставленных требований.

Изложенные проблемы требуют комплексного подхода к их решению с использованием современных инструментов.

Вектор трансформации системы контрольной (надзорной) деятельности

Деятельность органов контроля (надзора) — это одна из социальных гарантий, которая призвана бороться с правонарушениями, преступностью или иными проявлениями нарушения законности. С управленческой точки зрения любая деятельность корректируется с базовых вещей, таких как определение основных терминов, нормативно-правовая основа и оценка эффективности деятельности.

Решение поставленных проблем — отсутствие единой терминологической базы данной сферы и наличие большого количества нормативно-правовых актов, действующих в разных отраслях, — видится в дальнейшем соблюдении механизма регуляторной «гильотины». Для ускорения санации нормативно-правового фундамента, на котором основывается работа системы контрольной (надзорной) деятельности, необходимо сконцентрировать внимание на использовании современных подходов к управлению системой.

В качестве одного из путей повышения эффективности системы контрольных (надзорных) органов видится введение управленческого аппарата совершенствования контроля (надзора) в каждой отрасли. Деятельность данного аппарата будет направлена исключительно на оценку эффективности деятельности органов контроля (надзора), поиск путей решения существующих проблем и трансформацию контрольной (надзорной) деятельности в каждой конкретной отрасли. Это позволит органам сфокусировать внимание на решении существующих проблем и непрерывном совершенствовании своей деятельности.

Следует также признать, что действующий механизм оценки эффективности работы системы контрольных (надзорных) органов устарел и нуждается в трансформации. Отсутствие каких-либо шагов в его изменении может привести к снижению результативности проводимой оценки. В связи с этим необходимым является введение комплексной оценки эффективности контрольной (надзорной) деятельности как объективной (на основе реальных показателей), так и субъективной на базе получения независимой оценки от граждан как ее конечных бенефициаров — посредством проведения социологических опросов. Это, прежде всего, позволит избежать сосредоточения внимания на показателях, отражающих интересы органов контроля (надзора), и увеличить эффективность проводимой оценки.

Независимую оценку также возможно получить при помощи создания механизма «обратной связи», получаемой от проверяемых объектов. Ввиду того, что контроль и надзор — это всегда двусторонняя история (всегда есть проверяемый и проверяющий) и без учета интересов каждой из сторон невозможно создать корректную и правильную процедуру контроля (надзора). Также при этом важно не потерять баланс интересов каждой из сторон. Введение такого механизма позволит ускорить безопасное и безболезненное решение всех спорных вопросов, связанных с контролем (надзором), которые ранее разрешались только в суде и несли за собой потерю времени, денежных средств и, по сути, являлись самой некомфортной и медленной формой разрешения споров.

Дальнейшее развитие контрольной (надзорной) деятельности должно идти по пути создания единой системы мониторинга проверочных мероприятий во избе-

жание дублирования проведения проверок объекта разными органами, на которые возложены данные обязанности.

Снижение количества проверок при активном использовании предупредительных мероприятий видится также в отладке механизмов оценки работы объектов с помощью искусственного интеллекта. В основу данного механизма должен быть заложен мониторинг в реальном времени показателей деятельности объекта, а действие искусственного интеллекта способствовало бы выявлению возможных рисков, в том числе скрытых, требующих при ином раскладе проведение выездных проверок. Это необходимо для того, чтобы деятельность контрольных (надзорных) органов была направлена, прежде всего, на социально-экономическое развитие объектов, обеспечивала безопасность жизни, здоровья населения, экологическое благополучие, защиту имущественных прав и учитывала другие немаловажные приоритеты.

Для решения проблемы «палочной системы» организации контрольной (надзорной) деятельности, приводящей к тому, что сотрудники органов контроля (надзора) осуществляют деятельность не с целью достижения законности и справедливости, а для улучшения статистических показателей, видится правильным на законодательном уровне ограничить количество проводимых проверочных мероприятий в случае необоснованного злоупотребления органами контроля (надзора) полномочиями по их проведению. Для этого предлагается внести в п. 7 ст. 36 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле»¹ дополнения и изложить его в следующей редакции: «7) в судебном порядке требовать от органов контроля (надзора) прекращения в отношении контролируемого лица всех контрольно-надзорных мероприятий и освобождения контролируемого лица от их проведения на срок до 5 лет в случае злоупотребления органами контроля (надзора) полномочиями по проведению контрольных (надзорных) мероприятий». Данное предложение представляет собой новую гарантию защиты прав и законных интересов подконтрольных лиц при осуществлении контрольных (надзорных) мероприятий, которая позволит исключить безосновательное проведение проверочных мероприятий на хозяйствующих субъектах.

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить необходимость трансформации работы системы государственных контрольных (надзорных) органов с учетом современных возможностей научно-технического прогресса и определить нормативно-правовые и управленческие проблемы, препятствующие эффективной работе ее звеньев и их развитию в рамках системы. Среди них отсутствие единой терминологической базы данной сферы, работа большого количества нормативно-правовых актов, нормы которых дублируют друг друга, наличие латентных нарушений закона сотрудниками органов контроля (надзора) и «палочная» система организации контрольной (надзорной) деятельности.

В качестве путей решения поставленных проблем видится необходимым использовать современные подходы к управлению системой контрольных (надзорных) органов. В работе предложены следующие мероприятия: введение управленческого аппарата непрерывного совершенствования контроля (надзора) в каждой отрасли, комплексной оценки эффективности контрольной (надзорной) деятельности на основе статистических показателей и социологических опросов, создание единой системы мониторинга проводимых проверок, использование искусственного

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации... Ст. 5007.

интеллекта для оценки рисков нарушения работы объектов и необходимости проведения проверки, законодательное ограничение проводимых проверочных мероприятий в случае необоснованного злоупотребления органами контроля (надзора) полномочиями по их проведению.

Дальнейшее функционирование системы контрольной (надзорной) деятельности должно строиться на принципах законности, прозрачности, баланса интересов, быть необременительной для объектов и субъектов и давать максимально полезный результат, то есть создавать должный уровень безопасности государства и граждан при минимальных финансовых и трудовых затратах контрольно-надзорных органов и объектов.

Литература

1. Адамов Д. С. Анализ основных положений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2020. № 4 (6). С. 26–32.
2. Кудрин А. Регуляторная гильотина должна в два раза сократить контрольные функции ведомств [Электронный ресурс]. URL: https://olimpoks.ru/oks/news/detail.php?ELEMENT_ID=61710 (дата обращения: 12.12.2022).
3. Захарцова Н. А. Контроль и надзор в механизме современного государства: понятие, сущность, основные характеристики // Молодой ученый. 2022. № 42 (437). С. 293–297.
4. Конин Н. М. Административное право : учебник для вузов / Н. М. Конин, Е. И. Маторина. М. : Юрайт, 2023. 459 с.
5. Масалаб А. Ф. Проблемы развития государственного контроля и надзора в контексте реформы законодательства // Правоприменение. 2020. № 4. С. 94–101.
6. Фесько Д. С. Новое законодательство о государственном контроле (надзоре) и гарантии прав контролируемых лиц // Вестник ННГУ. 2021. № 1. С. 163–171.
7. Чепунов О. И. Некоторые проблемы «регуляторной гильотины» // НОМОТНТИКА. Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 1. С. 133–140.

Об авторах:

Астахова Оксана Александровна, студентка 3-го курса магистратуры Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); moiseenko-oksana@mail.ru

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Adamov D. S. Analysis of the main provisions of Federal Law N 248 dated 07/31/2020 "On State Control (supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Topical issues of fire safety. [Aktual'nye voprosy pozharnoi bezopasnosti]. 2020. N 4 (6). P. 26–32. (In Russ.)
2. Kudrin A. The regulatory guillotine should halve the control functions of departments [Electronic resource]. URL: https://olimpoks.ru/oks/news/detail.php?ELEMENT_ID=61710 (accessed: 12.12.2022). (In Russ.)
3. Zakhartsova N. A. Control and supervision in the mechanism of the modern state: concept, essence, main characteristics // Young scientist. [Molodoi uchenyi]. 2022. N 42 (437). P. 293–297. (In Russ.)
4. Konin N. M. Administrative law: textbook for universities / N. M. Konin, E. I. Matorina. Moscow : Yurait, 2023. 459 p. (In Russ.)
5. Masalab A. F. Problems of development of state control and supervision in the context of legislative reform // Law enforcement. [Pravoprimerenie]. 2020. N 4. P. 94–101. (In Russ.)
6. Fesko D. S. New legislation on state control (supervision) and guarantees of the rights of controlled persons // Bulletin of the National Research University. [Vestnik NNGU]. 2021. N 1. P. 163–171. (In Russ.)

7. Chepunov O. I. Some problems of the “regulatory guillotine” // NOMOTHETIKA. [NOMOTHETIKA]. Philosophy. Sociology. Right. 2020. Vol. 45. N 1. P. 133–140. (In Russ.)

About the authors:

Oksana A. Astakhova, 3rd year graduate student of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); moiseenko-oksana@mail.ru

Valeriy P. Gridnev, Professor of the Chair of Social Sciences of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); Doctor of Science (Historical Sciences), Professor; valerijgridnev@yandex.ru

Конфликтологическое прочтение концепции дерискинга американско-китайских торговых отношений

Мусаев А. И.^{1*}, Ахмед З. М. С.¹, Шихиев З. Ф.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *rashidmuss@yandex.ru

²Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В данной статье авторы подвергают критическому анализу концепцию дерискинга, которая активно предлагается западным экспертным сообществом в качестве новой стратегической основы американско-китайских торговых отношений. Под дерискингом понимается переход от политики радикального разрыва американской экономики с торговым партнерством Китая к риторике снижения риска, которая подразумевает ограничение зависимостей и вытекающих из них рисков и не предполагает полного разрыва торговых контактов с партнером. На основе исследования обширного исторического материала, а также применяя современные конфликтологические методы анализа рисков, авторы статьи приходят к выводу о том, что управленческая стратегия дерискинга не имеет необходимой для анализа политического измерения международных экономических отношений концептуальной оптики и, следовательно, неспособна объяснить, что есть действительный источник рисков.

Концептуальная нежизнеспособность идеи дерискинга обусловлена пренебрежением закона неравномерности развития капиталов, детерминирующего межгосударственные отношения и учетом того непреложного факта, что глобальная экономика есть поле неуывающего конфликта в рамках экономической конкуренции, формирующей пространство активного функционирования рисков. Постоянное присутствие рисков в международных отношениях делает конфликт то источником, порождающим риски, то их результатом. На примере американско-китайских торговых отношений авторы статьи демонстрируют, как попытка возвышения партнера, которому была уготована участь аутсайдера, порождает у риск-бенефициара ответную реакцию вернуть аутсайдера в его родное лоно посредством минимизации последствий риска для себя за счет других.

По мнению авторов, за стратегией дерискинга, в сущности, может скрываться стремление увеличить интеллектуальную ренту, взимаемую при продаже западных патентов и технологий. Реакцией на возможность утраты своего монопольного положения является рождение импульса встряхнуть отношения и изменить их динамику в нужном для себя направлении. Эти импульсы обнажают присущие порядку системные противоречия и детерминируют вспышку нового витка горячей торговой войны. Пребывая в отношении отрицательного единства, участники не располагают иным выбором, кроме как достигнуть, одинаковых для всех участников, целей обогащения посредством отрицания друг друга, и всякий раз предпринимая попытки установить неэквивалентный экономический обмен в свою пользу.

Ключевые слова: дерискинг, торговая война, риск-бенефициары, риск-аутсайдеры капитал, монополия, риск-рефлексия, отрицательное единство, США, Китай

Для цитирования: Мусаев А. И., Ахмед З. М. С., Шихиев З. Ф. Конфликтологическое прочтение концепции дерискинга американско-китайских торговых отношений // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 51–66.

A Conflictological Interpretation of the Concept of Derisking US-Chinese Trade Relations

Abdurashid I. Musaev^{1*}, Ziad M. S. Ahmed¹, Ziyad F. Shihiev²

¹Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; *rashidmuss@yandex.ru

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

ABSTRACT

In this article, authors critically analyze the concept of derisking. Derisking is actively promoted by the Western expert community as a new strategic basis for US-China trade relations. Derisking refers to the transition from the policy of radical breakdown from the trade partnership with China to the rhetoric of risk reduction, which implies limiting dependencies and risks arising from them. It does not imply a complete rupture with a partner. Based on the extensive historical material study, as well as applying modern conflictological methods of risk analysis, authors come to the conclusion that derisking management strategy does not have the conceptual optics necessary for analyzing political dimension of international economic relations and is unable to explain what is the source of risks in reality.

Conceptual non-viability of derisking is due to disregard for the uneven capital development regularity, which determines the interstate relations. Global economy is a space of unfading conflict within the economic competition, and therefore eternal risk activity. The constant presence of risks in international relations makes conflict either a source that generates risks, or their result. On the example of the US-China trade relations, authors demonstrate how an attempt to elevate a partner who was designated for the outsiders' fate generates a response from the risk-beneficiary to return the outsider to his native bosom by minimizing the consequences of risk for himself at the expense of others.

In fact, behind the derisking strategy, lies desire to increase the intellectual rents' price paid for Western patents and technologies. The reaction to the possibility of losing one's monopoly position creates an impulse to shake up relations and change their dynamics in the right direction for oneself. These impulses expose inherent systematical contradictions and determine the outbreak of a new round of a hot trade war. While staying in the negative unity relations, participants have no other choice but to achieve the goals of enrichment, which are the same for all participants, through denying each other, and aspire every time to establish unequal economic exchange in their favor.

Keywords: derisking, trade war, risk-beneficiaries, risk-outsiders, capital, monopoly, risk reflection, negative unity, USA, China

For citing: Musaev A. I., Ziad M. S. A., Shihiev Z. F. A Conflictological Interpretation of the Concept of Derisking US-Chinese Trade Relations // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 51–66.

Введение

Современное политическое бытие в международных отношениях невозможно отделить от рисков как явления, которому приписывают роль всеобъемлющих альфы и омеги, оказывающих решающее воздействие и даже в какой-то мере конституирующих весь современный комплекс межгосударственных отношений. По меткому выражению одного из пионеров современного научного направления рискологии Мэри Дуглас «язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах» [3, с. 242–276]. Под управлением рисками сегодня вообще могут понимать управление в целом. В особенности это касается маневрирования в чрезвычайно запутанных политических водах, где шторм может иметь внешний вид штиля и тихой гавани.

Подобное теоретико-методологическое наблюдение в еще большей мере подтверждается стремлением западного экспертного сообщества институализировать

такие новые нарративные методологические концепты, как дерискинг (de-risking), или дерискизация. Некоторые авторы называют дерискинг самым модным словом в жаргоне экспертных политических кругов в США. Своему рождению данное понятие обязано противоречивым характером американо-китайских отношений, которые можно было бы охарактеризовать таким уже давно проверенным временем и весьма емким выражением как торговая война. О дерискинге как о новом содержании межгосударственных отношений, изобретенном с целью снижения риска зависимостей сторон взаимодействия, говорят и европейские страны. Например, премьер-министр Великобритании Риши Сунак вообще заявил, что Китай представляет собой самый серьезный вызов для мировой безопасности и общего процветания, поскольку обладает средствами и намерением перестроить мировой порядок. В этом вопросе, по словам британского премьер-министра, лидеры Японии, США, Канады и стран Европы продемонстрировали единство и решимость в деле противодействия Пекину [15].

Понятие «дерискинг»

Однако что же, в сущности, понимают под новым понятием дерискинга? Так, например, согласно мнению, представленному в журнале *Foreign Policy*, дерискинг знаменует собой заметный переход от политики радикального отрыва американской экономики от торгового партнерства с Китаем к риторике дерискинга или снижения уровня зависимости, который потенциально несет тяжелые риски и угрозы для национальной безопасности. Дерискинг подразумевает ограничение рисков, но не предполагает при этом полного разрыва с партнером. Следование новой стратегии дерискинга в будущем может позитивно сказаться на экономике и безопасности США. Отказ от полного разрыва экономических отношений с Китаем, по мнению большинства американских политиков, представляется для США нежеланным и, вероятнее всего, маловероятным сценарием по нескольким причинам. Во-первых, Китай является крупнейшим в мире производителем товаров, объем производства которого эквивалентен объему производства всех заводов США, Германии и Японии вместе взятых [14]. Разрыв связей приведет к дефициту товаров и росту инфляции, а разрыв связей с Китаем в таких некретичных секторах станет выстрелом себе в ногу. Во-вторых, изоляция США и Китая друг от друга ускорило бы фрагментацию глобального экономического ландшафта. Остальным странам мира пришлось бы выбирать между Соединенными Штатами и Китаем. Китай является крупнейшим торговым партнером большинства стран, и дальнейшее укрепление и развитие этих связей с динамично развивающимися экономиками может усилить глобальное влияние Китая. В-третьих, разрыв всех связей с Китаем, как полагают эксперты, уменьшает экономические взаимозависимости, которые дают Вашингтону рычаги влияния на Пекин. Партнерам есть что терять, если отношения оборвутся, даже если это партнерство содержит в себе антагонизм конечных интересов и целей. Санкции США в отношении Китая, которые были бы введены в случае возникновения конфликта на Тайване, были бы бесполезны, если бы у Вашингтона и Пекина отпали торговые и финансовые связи. Иными словами, экономическая взаимозависимость между Соединенными Штатами и Китаем действует как сдерживающий фактор против территориальных притязаний Китая [17].

В этой связи представляется полезным обобщить ключевые идеи, концептуальные принципы, цели, а также инструменты реализации стратегии дерискинга.

Безусловно, как и прежде, главной целью Соединенных Штатов является сохранение и укрепление своего статуса как мирового технологического лидера, а китайские технологические фирмы, сокращающие разрыв от своих американских визави, представляют риск для монополии США. Даже несмотря на нынешний виток существенных экономических противоречий, американский истеблишмент

осознает, что Китай все равно станет крупнейшей экономикой мира к 2040 г. [27]. Это может устраивать США, как считает экономист А. Демаре, но даже в этом случае их экономика должна иметь наибольшее значение. На практике же снижение рисков от торговых отношений направлено на ограничение доступа Китая к передовым технологическим инновациям США, и возможное разрешение допуска его к менее совершенным технологиям. Вторая цель стратегии дерискинга заключается в том, чтобы помешать китайской армии получить доступ к передовым технологиям США военного назначения, например, к микрочипам двойного назначения, которые могут быть установлены в ракетах. Еще одной целью называют стремление к уменьшению чрезмерной зависимости от Китая в отношении жизненно важных товаров. В этой связи перенос производства сырья и товаров стратегического назначения на территорию США является ключевой особенностью планов Вашингтона по снижению рисков [17].

Стратегия снижения рисков отношений с Китаем для США должна в первую очередь быть реализована в трех областях: информационные технологии, энергетика и биотехнологии. Сектор информационных технологий является областью повышенного внимания, особенно в сфере полупроводников, искусственного интеллекта (ИИ) и квантовых вычислений. Эти три технологии могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях, и китайские фирмы становятся самыми передовыми в этих областях, тем самым представляя угрозу интересам американского политико-экономического сообщества. Китайское финансирование технологий ИИ соответствует финансированию Пентагона [24], а на долю Китая приходится половина мирового государственного финансирования квантовых вычислений, что в семь раз больше, чем доля Вашингтона [12]. Энергетический сектор станет еще одним приоритетным направлением, по которому планируется снижение рисков, и это связано с глобальной климатической повесткой. Как отметил советник по национальной безопасности США Джейк Салливан, Соединенные Штаты хотят избежать превращения цепочек поставок товаров из серии экологически чистой энергии в инструмент давления, как это было с нефтью в 1970-х годах. Вашингтон, по словам Салливана, хочет обеспечить безопасность поставок критически важного материала лития, технологий (включая аккумуляторы для электромобилей) и оборудования (такого как солнечные панели), которые будут иметь решающее значение для экологически чистой экономики [23]. Биотехнология является третьим приоритетным сектором, представляющим риски-зависимости. Биотехнологический сектор Китая быстро растет, и страна хочет стать мировым лидером в этой области в ближайшее десятилетие [16]. В еще большей степени, чем ИТ-сектор, биотехнологии опираются на знания и доступ к данным или алгоритмам, которые могут быть переданы по электронной почте или простому цифровому носителю информации. Для американских политиков потеря технологической монополии в этой сфере несет громадные риски, поскольку заблокировать передачу знаний и данных будет гораздо сложнее, чем остановить физический экспорт стратегических товаров [17].

В рамках дискурса применения стратегии дерискинга появляется необходимость разработки инструментов для новой экономической политики Соединенных Штатов. В частности, рассматривается возврат к политике экспортного контроля. Такая политика широко использовалась во время холодной войны, чтобы помешать Советскому Союзу получить доступ к технологиям двойного назначения. Эта политика в наше время является проверенным методом замедления технологического прогресса Китая. Широкий экспортный контроль коснется, прежде всего, таких товаров, как: полупроводники, технологии квантовых вычислений, искусственный интеллект. Во-вторых, складывающаяся в международных отношениях конъюнктура обуславливает выстраивание собственной внутренней промышленной

политики. Закон, направленный на снижение инфляции на 369 млрд долл., который фокусируется на энергетической безопасности и климатической политике, ознаменовал собой поворот в экономической политике США [21]. После десятилетий относительного невмешательства Вашингтон стремится обеспечить внутренний рост промышленности, между тем стратегия снижения рисков одновременно создаст спрос на наемный труд американских граждан. Кроме того, администрация Байдена стремится контролировать как внутренние, так и внешние инвестиции. Это является еще одним поворотным моментом, поскольку эта мера призвана ограничить способность американских фирм создавать производственные линии в Китае [13].

Третье возрождение связано с сотрудничеством США с союзниками и партнерами-единомышленниками. Саммит G-7, например, ранее не имевший большого значения, теперь является ключевым форумом, где обсуждаются меры по снижению рисков в отношениях с Китаем. Вашингтон также активизирует двусторонние инициативы, такие как Соглашение между Соединенными Штатами и Японией о стратегических полезных ископаемых и Совет по торговле и технологиям США и ЕС — трансатлантическую площадку, где обсуждаются актуальные вопросы искусственного интеллекта, технологических стандартов и стратегических ресурсов [17].

Несмотря на стройность, рациональность и политическую обоснованность предлагаемой стратегии страхования от рисков, проистекающих из противоречивых торговых отношений, в академическом и экспертных сообществах можно обнаружить немалую долю скепсиса относительно безболезненной реализации стратегии дерискинга. По мнению профессора К. Миллера, данная «менее дорогостоящая» стратегия может быть обречена на провал ввиду нескольких непреодолимых обстоятельств и факторов.

Во-первых, правительство Китая считает, что оно сможет преодолеть технологические ограничения со стороны западных стран. Китаю уже противостоит организованная коалиция, созданная для сдерживания его технологического и военного развития. Пекин оказался отрезан от передовых полупроводниковых технологий, а приток венчурного капитала в Китай прекратился. Тем временем, Япония удвоила расходы на оборону и закупила ракеты, способные наносить удары в глубь территории Китая. Согласно трехстороннему пакту безопасности, в рамках альянса между Австралией, Великобританией и США, Америка и Британия будут поставлять Австралии атомные подводные лодки, а Филиппины и Папуа-Новая Гвинея предоставят Америке новые возможности военного базирования. Во-вторых, иностранные транснациональные корпорации уже делают шаги по переносу производства из Китая, и это, по мнению Миллера, делает принятие статус-кво еще более худшим вариантом для экономики Китая. Западные фирмы не прислушиваются к политической риторике. Корпорации предпринимают дорогостоящие шаги по реструктуризации своих отношений с Китаем. Иностранные инвестиции в Китай резко сократились, отчасти из-за замедления экономики страны и непрозрачного регулирования, но также из-за того, что крупные компании переносят производство технологий и электроники в другие страны Юго-Восточной Азии, Индию и Мексику. Отмечается также, что фирмы нацелены организовывать отдельные технологические структуры для Китая и для остального мира. Это предполагает отделение китайских производственных операций от остальных цепочек-поставок по всему миру. Подобные корпоративные решения могут привести к более резкой раздвоенности, чем предполагает стратегия снижения риска экономической зависимости. В-третьих, Пекин преследует свои собственные цели по снижению зависимости от западных производственных технологий, стремясь при этом усилить зависимости Запада от китайской продукции, что не может не привести к напряженности в сфе-

ре торгово-экономических отношений, учитывая, что положительное сальдо торгового баланса Китая в сфере промышленных товаров продолжает расти. Во многом положительность баланса обусловлена доминированием продукции Китая в сфере зеленой энергетики, где он одновременно надеется сократить зависимость от импорта нефти и сделать остальной мир зависимым от китайского производства солнечных панелей и аккумуляторов. Резкий рост экспорта китайских электромобилей в Европу является одним из примеров претворения в жизнь этих усилий. В то же время в технологическом секторе Китай субсидирует строительство крупных производственных мощностей по производству недорогих чипов, которые он будет продавать по сниженным ценам, чтобы подвинуть своих западных производителей на рынке. Китай надеется, что эти чипы будут интегрированы в широкий спектр промышленных товаров, создавая новую зависимость от китайских компонентов, которые одновременно с этим благоприятствуют собственной независимости от импортных высокотехнологичных продуктов [25].

Более того, сама идея и непосредственная реализуемость стратегии дерискинга категорически отрицается в Китае. В академических и экспертных кругах Китая рассматривают дерискинг как попытку прикрыть нацеленность на полный разрыв отношений, поскольку стратегические амбиции США неизменны и преследуют собственные интересы безопасности, которые могут быть соблюдены при условии сохранения позиции доминирования в международных отношениях. Используя с помощью приемов дерискинга более мягкий тон в политическом дискурсе, в США предполагают убедить остальные страны по блоку присоединиться к этой стратегии, несмотря на риски, которые провоцируются дерискингом. Поиск европейских капиталов и государств возможностей вырваться из пут, накладываемых подчиненным положением в отношениях с мировым гегемоном и обретение большей стратегической независимости и контроля над собственными судьбами, может увенчаться успехом в случае если каждый из субъектов будет выстраивать собственную независимую политику в отношениях с КНР, согласно своим подлинным национальным или корпоративным интересам [26].

Следует согласиться с тем, что попытки вести независимый курс действительно предпринимались. Этот факт подтверждается заявлениями британского министра иностранных дел Джеймса Клеверли, который рассматривает Великобританию как самостоятельный субъект, взаимодействующий с Китаем на двусторонней и многосторонней основе с целью формирования открытых, конструктивных и устойчивых отношений, которые отражают глобальную роль КНР. При этом британский глава МИДа верит во взаимовыгодный характер торговли и инвестиционных отношений не допускающий излишних зависимостей в критически важных производственно-сбытовых цепочках [20]. Подтверждением этих слов также могут служить статистические данные, отражающие современные тенденции во взаимоотношениях ЕС и Китая. В докладе 2023 г. под названием «От китайской стратегии к отсутствию стратегии вообще — исследование различных европейских подходов», подготовленного европейским аналитическим центром, отмечается, что, несмотря на общую риторику в тоне противостояния, экономическая интеграция ЕС и Китая все-таки усиливается, значительно отставая от США. Китайский экспорт в ЕС был динамичным, увеличившись более чем на 8 процентов по сравнению с 2022 г., в то время как импорт сократился на ту же величину. Тем временем в 2022 г. прямые инвестиции из Европы в Китай вышли на второе место по показателю динамичности среди аналогичных показателей, взятых за всю историю. Международные европейские инвесторы, тем не менее, ослабляют свои позиции на китайских финансовых рынках, идя в фарватере своих американских партнеров. Однако, как утверждается в докладе, это не помешало европейским финансовым институтам продолжать расширять свою деятельность в КНР, поскольку Пекин продолжает медленно открывать свой финансовый сектор [18].

На фоне вышеизложенных тенденций в международных политических процессах небезынтересными для настоящего исследования также выступают аналитические обобщения иного характера. В частности, просматривается сценарий, в рамках которого градус антагонистичности американо-китайских отношений может снизиться и без взаимных политических и экономических санкций, и это обусловлено прогнозируемым экономическим спадом в КНР. Потенциальный рост ВВП Китая в силу экономических неурядиц может сократиться до 3–4% в год, что намного ниже 10%, которых он достиг за последние несколько десятилетий. Среди других причин отмечаются: стареющее население, чрезвычайно высокая безработица среди молодежи, высокий уровень долгового бремени как в частном, так и в государственном секторах, сокращение частных инвестиций в результате давления со стороны правящей партии, а также приверженность государственному капитализму, который может препятствовать общему росту промышленной производительности. Кроме того, внутреннее потребление в Китае снизилось из-за углубления экономической неопределенности и отсутствия широкой системы социальной защиты. С наступлением дефляции Китаю приходится беспокоиться и о наступлении длительного периода замедления роста, как это случилось в свое время с экономикой Японии. Как и многие развивающиеся рынки, КНР в конечном счете может оказаться в «ловушке среднего дохода», вместо того чтобы достичь статуса страны с высоким уровнем дохода и стать крупнейшей экономикой мира. Китай вложил большие средства в самые передовые технологии будущего (искусственный интеллект, машинное обучение, полупроводники, квантовые вычисления, робототехника и автоматизация, а также новые источники энергии, такие как термоядерный синтез) в рамках своей программы «Сделано в Китае-2025», но его цель достичь краткосрочного доминирования в 10 отраслях будущего пока далека от своего осуществления. Более того, Китай окружен почти 20 странами, многие из которых являются стратегическими соперниками или «заклятыми друзьями». Инициатива «Один пояс, один путь» пока не обеспечила Китай странами-сателлитами, сталкиваясь со многими проблемами, включая масштабные неудачные проекты, которые приводят к дефолтам по долгам [19].

Торговые войны партнеров

Таким образом, как явствует из вышеописанных нарративов, в рамках которых видится формат межгосударственных отношений между Соединенными Штатами и Китаем, страны очутились перед трудно разрешимой «дилеммой». В этой связи авторам нарративов так называемой стратегии дерискинга или поборников полного разрыва всех контактов между государствами стоит напомнить, что возможное разрешение этой дилеммы кроется в самой истории, которая согласуясь с капиталистическими законами, имеет свойство постоянно себя воспроизводить. В сущности, указать следует на то, что рассмотренные сценарии постоянно актуализировались в большом изобилии в прошлом, причем носителями рисков друг для друга непосредственно становились страны-союзники по социально-экономическому блоку. Подобные сценарии конфликтного взаимодействия писались по лекалам банальных торговых войн, которые можно считать естественным результатом конкуренции в мировой экономике.

По весьма точному замечанию отечественного экономиста Л. В. Сабельникова, торговля в мире капитала перестает быть взаимовыгодным сотрудничеством, а превращается в агрессивную войну. Тенденция перерастания конкуренции в глобальную войну монополий была отмечена в 1979 г. в совместном заявлении социалистических стран на V сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В нем указывалось, что «соперничество между главными экономическими центра-

ми в системе мирового капитализма все больше перерастает в необъявленную торговую войну» [8, с. 5].

Понятием «торговая война» обозначается обострение конкуренции на капиталистическом рынке, выходящее за рамки отношений между компаниями. Ведомые интересами монополий государства сначала призывают ограничить поток иностранных товаров, затем прибегают к репрессивным мерам и санкциям. Тем самым столкновение интересов отдельных компаний перерастает в конфликты между государствами. В своем исследовании торговых войн Л. В. Сабельников приводит следующие примеры торговых войн, вспыхивавших между западными странами партнерами на протяжении XX в. В середине 50-х гг. между США и Швейцарией возникла «часовая торговая война»; в начале 60-х гг. между США и странами ЕЭС разразилась «куриная война» из-за увеличения импортных сборов на битую птицу, импортируемую американскими фермерами в Западную Европу; в начале 70-х гг. между США и Японией вспыхнула «текстильная война» в связи с угрозой установления американским конгрессом квот на ввоз текстиля; в середине 70-х между США и ЕЭС разразилась «сырная война», после того, как Вашингтон намерился применить специальный налог при вывозе сыра из Западной Европы, если ЕЭС не прекратит субсидирование экспорта; в 80-х годах между США и Японией разворачивается «война колес», а между США и ЕЭС — «стальная война» в связи с ограничением Вашингтоном поставок японских автомобилей и западноевропейской стали на внутренний рынок в интересах американских монополий; во второй половине 70-х гг. между Францией и Италией разразилась «винная война» вследствие увеличения поставок дешевого итальянского вина, разоряющего французских фермеров; в начале 80-х гг. в особенно острую фазу вступила «баранья война», вспыхнувшая между Великобританией и Францией [8, с. 7–9].

Несмотря на преобладание в повестке международных экономических отношений ярких заголовков американо-китайской торговой войны, торговые противоречия между странами ЕС и США никуда не исчезли. Как и прежде, в нынешние времена, вводятся и действуют различные протекционистские меры, в частности на экспортируемую из США в страны ЕС продукцию. Напряженность в отношениях между США и ЕС актуализировалась в 2018 г., когда администрация Трампа ввела тарифы на европейскую сталь и алюминий. ЕС ответил своим перечнем тарифов на сельскохозяйственную и промышленную продукцию США стоимостью около 3 млрд долл., которые включал тариф в 25% на виски. Тариф был введен в действие в июне 2018 г. В следующем году экспорт виски из США сократился на 16%, главным образом из-за сокращения экспорта в ЕС на 27%, или на 186 млн долл. [22]. С 1993 г. между ЕС и Соединенными Штатами велась банановая торговая война с активным применением протекционистских тарифов с обеих сторон [28, с. 502–518].

Общность интересов современных антагонистов

Однако, невзирая на наличествующие и по сей день экономические противоречия между западными партнерами по общему рынку и военному блоку, все внимание научного сообщества приковано к развернувшейся торговой войне КНР и США. Парадоксально, но современному конфликтогенному состоянию американо-китайских отношений предшествовало сближение двух стран на определенном историческом этапе. На обширном фактическом материале советский историк А. К. Лаврентьев характеризует данное сближение как естественное взаимное притяжение двух центров, которое отвечало корыстным интересам обеих стран. В 1978 г. З. Бжезинский во время своей поездки в КНР открыто констатировал наличие «очень сходных интересов» США и Китая. Потепление в отношениях разыгрывалось на политической авансцене в виде «игры в поддавки», в рамках которой Пекин преследовал свои

великодержавные цели превращения Китая в мирового гегемона, идя на серьезные уступки американскому империализму. По словам Лаврентьева, Пекин не только упорно противодействовал процессу разрядки, но и стремился разжечь новые очаги военной напряженности в мировом масштабе путем искусственного создания региональной нестабильности и союзничества с воинствующими кругами западных стран [4, с. 156–171].

Исторические факты красноречиво говорят о том, что пекинские лидеры выступали против миролюбивых инициатив со стороны Советского Союза по ядерному разоружению и сокращению военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10%. Враждебность позиции Китая относительно мирных инициатив подкреплялась многочисленными проявлениями экспансионистской политики в отношении собственных соседей. В 1965 г. маоисты спровоцировали открытую конфронтацию между трехмиллионной Коммунистической партией Индонезии и реакционными силами страны, вызвав тем самым активное брожение и распространение идей религиозного фанатизма. Эти события впоследствии привели страну к финансово-экономическому коллапсу. Прокитайский марионеточный режим Пол Пота в Камбодже организовал геноцид, унесший жизни 3 млн чел. и привел к социальной, экономической и культурной деструкции. Независимый курс внешней политики Вьетнама, выразившийся в налаживании мирного сотрудничества и торговых отношений со странами АСЕАН, а также помощь народу Камбоджи в борьбе против режима геноцида стал поводом для Пекина вторгнуться в 1979 г. во Вьетнам со своей 600-тысячной армией. Встретив решительный отпор со стороны вьетнамского народа, агрессия Китая завершилась полным поражением. Лаврентьев в этой связи отмечает, что Пекин активно противодействовал стремлениям народов Анголы, Эфиопии, Афганистана и Ирана в их борьбе за обретение независимости и суверенитета. Еще до ввода советского воинского контингента в Афганистан Пекин осуществлял подготовку отрядов боевиков в лагерях на своей территории и в Пакистане, обеспечивая их оружием и боеприпасами. Эти группировки участвовали в организации антиправительственных мятежей в Герате в 1979 г. и в Кабуле в 1980 г. [4, с. 156–171].

Небольшой исторический анализ развития американо-китайских отношений дает нам основание утверждать, что начиналось все как удачный брак по расчету. В этом отношении нельзя не согласиться с взглядом А. К. Лаврентьева, согласно которому Вашингтон использовал антисоветский курс руководства КНР с целью изменения в свою пользу соотношения сил на мировой арене, но при этом Вашингтон старался не замечать, что за антисоветизмом Пекина стоят империалистические притязания сторонников маоизма. Следует отдать должное советскому историку Лаврентьеву, который провидчески указал на то, что в конечном итоге, несмотря на конъюнктурное единство позиций, в будущем произойдет столкновение американского и китайского империализмов, преследующих несовместимые гегемонистские цели. О глобальных стратегических замыслах достижения гегемонизма говорили как откровенные заявления министра обороны КНР Линь Бяо о готовности в будущем высадиться в Японии, на Филиппинах и Сан-Франциско, так и распространяемый в китайской массовой печати в конце 70-х гг. лозунг «XXI век — век китайцев!» [4, с. 173].

Власть рисков в мире конкуренции

Безусловно, характерный для внешней политики обоих государств антисоветизм времен холодной войны можно в определенной мере считать достаточной основой для трансформации аморфной заинтересованности в долгосрочную «дружбу». Однако, на наш взгляд, эта основа является совсем непрочной для обеспечения долгосрочного

союза. Политический союз двух стран, инспирированный дружбой против общего политического врага, не может существовать вечно, поскольку, как показала история, этого противника может не стать. В основе пресловутого сближения лежали глубинные экономические интересы взаимного характера. На тот исторический момент дружба двух государств с совершенно различными социально-экономическими и идеологическими устройствами общества, вкупе с взаимоисключающими притязаниями сторон на гегемонистское положение в системе международных отношений сулила обеспечить участникам союза экономическим ростом и процветанием в долгосрочной перспективе. В каком-то смысле можно считать Китай и США друзьями поневоле, так как конкретные исторические условия детерминировали выбор их политического курса в сторону сближения. Монополистический капитал, который на международной арене действовал в облики американского государства, поскольку выбрал Соединенные Штаты главной территорией своего базирования, притягивался многочисленным населением Китая словно магнитом. Для капитала такое население представляет ценнейший ресурс, который был на определенном историческом этапе организован в огромную промышленную армию. В эпоху царствования финансово-промышленных монополий китайская армия наемных работников начинает принадлежать всему мировому капиталу. На эту армию была возложена задача обеспечить, в первую очередь, поставителей «золотого миллиарда» всей совокупностью различных товаров и услуг. Осуществление этой задачи предполагало импорт и внедрение западных технологий промышленного производства, а также цифровых технологий последнего поколения. Как мы можем заметить, притяжение двух сторон произошло естественным ходом и потребностью исторического процесса. Но это притяжение и порожденные им торговые отношения неизбежно оборачиваются в рамках бесконечного капиталистического соревнования антагонизмом и рисками для обоих «заклятых партнеров». Авторам методологии дерискинга торгово-экономических отношений следует уяснить фундаментальный закон неравномерности развития капиталистических отношений, который был всесторонне разработан и обоснован В.И. Лениным в 1916 г. в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» [5]. Согласно этому закону глобальная торговля является универсальным «послом мира и войны». Постоянно растущий объем мирового экспорта, превысивший в 2022 г. 22 трлн долл. [11], являет собой изобилие товаров и денег, не только удовлетворяющее самые разнообразные потребности и интересы, но и несущее в себе причинность рисков и конфликтов, которые возникают в результате передела прибылей. Управленческая стратегия дерискинга лишена необходимой для анализа политического измерения международных экономических отношений концептуальной оптики и, следовательно, неспособна разъяснить, что собой представляет источник рисков в действительности. С этой задачей, на наш взгляд, способна справиться методология анализа современных риск-рефлексий, разработанная представителями конфликтологической школы СПбГУ. В рамках данного подхода в периоды борьбы, а глобальная экономика есть не что иное как поле неувыдающего конфликта в рамках экономической конкуренции, увеличивается степень риска, так как увеличивается не только перспектива отрицания в будущем, но и отрицания в настоящем, в моменты текущих побед и поражений. В свою очередь риски как производные конфликта порождают конфликты, связанные с перспективой потери власти. Риски то определяют конфликт, то определяемы им, то являются причиной политического конфликта, то его следствием. Постоянное присутствие рисков в международных отношениях в том или ином положении делает конфликт то источником, порождающим риски, то их результатом. У политики и скроенной на западный манер демократии отсутствуют инструменты освобождения человечества не только от политических конфликтов, но и таких же рисков [9, с. 18–19].

Пример американо-китайской торговой войны демонстрирует нам, как Соединенным Штатам, несмотря на статус «старшего товарища» в отношениях с Ки-

таем, не удастся избежать властвования над собой рисков. В силу роста торгового дефицита они рискуют попасть и увязнуть в положении страны колониального типа. Обеспечение собственной жизни предметами и средствами потребления было обусловлено импортом и внедрением новейших производственных технологий в стране, отстающей в технологическом развитии от своего партнера. Однако со временем нижестоящий партнер сумел усвоить разработку собственных технологий, имитируя западные, и встал на путь опережающего роста и потенциальной технологической независимости, в то время как зависимости США от импортируемых из Китая товаров потребления никуда не делись. Одновременно с рисками попадания в зависимость от китайских товаров замаячили риски потерять технологическую монополию. На протяжении вот уже десятилетий ВВП Китая стабильно рос, что позволяло инвестировать получаемые от экспорта прибыли в укрепление собственной технологической безопасности.

Объективность риска как для Соединенных Штатов, так и для всех участников международной экономической жизни вытекает из того простого факта, который заключается в том, что господствующие отношения представляют собой не продукт независимой самостоятельности людей, а продукт отношений, опосредованных вещами, в которых посредник из рядового сводника превращается в абсолютную силу влияния. Посредник становится объективной властью, определяющей, регулирующей и контролирующей, подчиняющей себе волю, обуславливая властные действия и решения [10, с. 404].

Заключение

Соединенные Штаты как государство выросло в совокупного капиталиста, на территории которого на определенном историческом этапе сформировались условия, которые позволили выстроить практику наибольшего благоприятствования для ускоренного прохождения пути технологических цепочек от внедрения результатов научно-технического прогресса до промышленного применения их в жизни. Эти условия в основе своей коренятся в отношениях частного присвоения, которые рождают либеральный порядок со святостью принципа свободы частной инициативы. Крупный капитал благодаря своим природным задаткам постоянно монополизировал знания и достижения научно-технического прогресса и осуществляет метаморфозу превращения знаний в товар. Технологии суть знание в товарной оболочке, и это знание в эпоху частного присвоения способно создавать несоизмеримые богатства, если попробовать соотнести объем вложенных инвестиций и полученных результатов в виде прибылей, доходов и прочих материальных богатств. В этой связи, стечение исторических обстоятельств, сообразуясь с законами капиталистической мир-системы, дарует США позицию риск-бенефициара. Эта пальма первенства защищается триединым механизмом сохранения технологического превосходства, военно-силового давления, а также финансового колониализма. Приближение одного из «младших партнеров» к паритетности в отношениях с Вашингтоном рассматривается как угроза потери позиции риск-бенефициара. Риск-бенефициары не могут допустить такого сценария, стремясь навязать аутсайдерам удобный им формат риск-рефлексии, а также сформировать в своих интересах стратегии адаптации, ограничивая возможности их выбора [3, с. 521]. Попытка возвышения партнера, которому была уготована участь аутсайдера, порождает у риск-бенефициара ответную реакцию вернуть аутсайдера в его родное лоно посредством минимизации последствий риска для себя за счет других и поддержки различных рестриктивных мер купирования рисков [3, с. 522]. В результате на свет появляется стратегия дерискинга отношений с партнером, который постепенно переходит в разряд недружественного партнера по мере отрыва

его от роли риск-аутсайдера. Вместе с этим за стратегией дерискинга, в сущности, может скрываться стремление увеличить цену за интеллектуальную ренту, взимаемую при продаже западных патентов и технологий с Китая. Некоторым подтверждением тому может служить факт, заключающийся в том, что недружественный партнер все еще остается таковым вопреки обострению торговой войны, о чем свидетельствует рост внешней торговли США с Китаем до нового исторического рекорда, составившего 690,59 млрд долл. по итогам 2022 г. [7].

В определенный исторический период Соединенные Штаты начали активно вписывать Китай в мировой порядок, следуя собственным экономическим и политическим интересам. Китай был включен в мировую схему функционирования капиталистического порядка как элемент конкурентной борьбы. Это борьба в рамках торговых отношений не выступает против общего порядка, а функционирует в рамках онтого. С течением времени Китай начал претендовать на место мирового стэйкхолдера и риск-бенефициара, что потенциально подготавливает почву для понижения США до уровня аутсайдера со всеми вытекающими последствиями беззащитного положения в противодействии угрозам и опасностям, нависающим над всеми участниками мировой схватки. В этом смысле Соединенные Штаты вписывают новые риски в подконтрольный им порядок и обозначают их, в первую очередь, как риски быть поглощенными китайскими капиталами. В этой связи, наш тезис совпадает с концепцией Д. А. Абгаджавы, согласно которой власть обладает широким спектром возможностей легитимизировать риски и выдавать за значимое то, что определяется как значимое. Сам риск, по мнению Д. А. Абгаджавы, рассматривается не как реальный объект, а как форма репрезентации реальности, придающая ей разнообразные формы и позволяющая оказывать управленческое воздействие [1, с. 511–527].

Риски суть эпифеномен борьбы [2, с. 520], под аккомпанемент рисков разворачивается конкуренция между капиталами и их охранителями в лице современных государств. Конкуренция приближает и объединяет своих участников, и они неспособны вырваться из этого единства, которое обусловлено диктатом глобального экономического хозяйства. Однако в рамках этого единства над участниками всегда повисает «дамоклов меч» войны. Причиной тому является нескончаемый передел рынков. Передел в рамках мирного способа взаимодействия осуществляется, покуда ресурс общности интересов не оказывается истощенным. Передел в рамках конфликтного способа взаимодействия является себя в момент, когда риск-бенефициары начинают ощущать потенциальный сдвиг баланса сил в результате утративания собственной монополии распределителя рисков в своих интересах [2, с. 520]. Реакцией на возможность утраты своего монопольного положения является рождение импульса встряхнуть отношения и изменить их динамику в нужном для себя направлении. Эти импульсы обнажают присущие системные противоречия и детерминируют вспышку нового витка горячей торговой войны. Пребывая в отношении отрицательного единства [6, с. 74], участники не располагают иным выбором, кроме как достижения одинаковых для всех участников целей обогащения посредством отрицания друг друга, и всякий раз предпринимают попытки установить неэквивалентность экономического обмена в свою пользу.

Резюмируя все вышесказанное, следует подчеркнуть, что анализ риск-рефлексий в рамках конфликтологического подхода обладает необходимыми познавательными и концептуальными инструментариями, позволяющими объяснить диалектический характер всей совокупности связей и отношений между участниками глобального экономического сражения.

Литература

1. Абгаджав Д. А. Риск, риск-рефлексия и проблема социально-политического порядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 511–527. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.308>
2. Алейников А. В., Стребков А. И., Милецкий В. П. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 514–530. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>
3. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS, 1994. Вып. 5. С. 242–276.
4. Лаврентьев А. К. США: силовая дипломатия в Азии. М. : Междунар. отношения, 1980.
5. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 27. М. : Издательство политической литературы, 1969. 644 с.
6. Мусаев А. И. Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России: специальность 23.00.06 «Конфликтология» : дис. ... канд. полит. наук, 2018.
7. Объем торговли США и Китая обновил исторический рекорд [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/10/962429-obem-torgovli-ssha-i-kitaya-obnovil-rekord> (дата обращения: 31.12.2023).
8. Сабельников Л. В. Война без перемирия: формы и методы экон. агрессии. М. : Мысль, 1983.
9. Стребков А. И., Газимагомедов Г. Г., Мусаев А. И., Смирнов Н. Г. Атрибутивный характер рисков в политическом конфликте // Конфликтология. 2023. Т. 18. № 1. С. 9–25. DOI 10.31312/2310-6085-2023-18-1-9-25. EDN BYEVVO. С. 18–19.
10. Стребков А. И., Мусаев А. И. Риск власти — власть риска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 394–406. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.215>
11. Торговый партнер: Весь мир [Электронный ресурс] // TrendEconomy. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL (дата обращения: 31.12.2023).
12. Betting big on quantum [Электронный ресурс] // McKinsey&Company. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/sustainable-inclusive-growth/chart-of-the-day/betting-big-on-quantum> (дата обращения: 22.11.2023).
13. Biden to Restrict Investments in China, Citing National Security Threats [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/08/business/economy/biden-china-companies-restrictions.html> (дата обращения: 22.11.2023).
14. Chart of the Day: China Retains Crown as World's Biggest Manufacturer [Электронный ресурс] // CAIXIN GLOBAL. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (дата обращения: 22.11.2023).
15. China poses biggest threat to global security, says Sunak [Электронный ресурс] // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/21/china-poses-biggest-threat-to-global-security-says-sunak> (дата обращения: 21.12.2023).
16. China's role in the global biotechnology sector and implications for US policy [Электронный ресурс] // BROOKINGS. URL: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-role-in-the-global-biotechnology-sector-and-implications-for-us-policy/> (дата обращения: 22.11.2023).
17. Demarais A. What Does 'De-Risking' Actually Mean? [Электронный ресурс] // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (дата обращения: 21.11.2023).
18. EU: De-risking as the new mantra for defining relations to China [Электронный ресурс] // 10 Years MERICS Getting China right. URL: <https://merics.org/en/eu-de-risking-new-mantra-defining-relations-china> (дата обращения: 23.12.2023).
19. How can the US and China prevent a war? [Электронный ресурс] // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/aug/28/how-can-the-us-and-china-prevent-a-war> (дата обращения: 24.12.2023).
20. If China invaded Taiwan it would destroy world trade, says James Cleverly [Электронный ресурс] // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/25/if-china-invaded-taiwan-it-would-destroy-world-trade-says-james-cleverly> (дата обращения: 23.12.2023).
21. Inflation Reduction Act of 2022 [Электронный ресурс] // IEA. URL: <https://www.iea.org/policies/16156-inflation-reduction-act-of-2022> (дата обращения: 22.11.2023).

22. *Muhammad A., Thompson J.* Whiskey, Brexit, and the Trade War // The International Trade Journal. 2022. DOI: 10.1080/08853908.2022.2111006
23. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution [Электронный ресурс] // THE WHITE HOUSE URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (дата обращения: 22.12.2023).
24. Tech Leaders Warn the U.S. Military Is Falling Behind China on AI [Электронный ресурс] // TIME. URL: <https://time.com/6295586/military-ai-warfare-alexandr-wang/> (дата обращения: 23.12.2023).
25. The West's de-risking strategy towards China will fail, says Chris Miller [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/08/04/the-wests-de-risking-strategy-towards-china-will-fail-says-chris-miller> (дата обращения: 23.12.2023).
26. Washington's 'de-risking' of China ties might be just 'decoupling' in disguise [Электронный ресурс] // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1289958.shtml> (дата обращения: 23.12.2023).
27. When will China's GDP overtake America's? [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/06/07/when-will-chinas-gdp-overtake-americas> (дата обращения: 22.11.2023).
28. *Zirgulis A., Hashimoto T.* Trade Theory Vs Reality: The Banana Trade War. The International Trade Journal. 2023. № 37 (5). С. 502–518, DOI: 10.1080/08853908.2023.2206170

Об авторах:

Мусаев Абдурашид Идрисович, заведующий лабораторией сектора психологии, отдел по направлению «социально-экономические и гуманитарные науки», УТООП, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; rashidmuss@yandex.ru

Ахмед Зияд Мохаммед Салех, аспирант кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alkasmy@mail.ru

Шихиев Зияд Фуадович, студент специалитета Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Российская Федерация); ziyadshikhiev@mail.ru

References

1. Abgadzhava D.A. Risk, risk-reflection and the problem of the socio-political order // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya]. 2020. Vol. 36. Is. 3. P. 511–527. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.308>.
2. Aleinikov A. V., Strebkov A. I., Miletskiy V. P. Risk-reflections' Conflict Potential: Conceptual Models and Research Problems of the Modern Analytics // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya]. 2023. Vol. 39. Is. 3. P. 514–530. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>
3. Douglas M. Risk as a judicial mechanism // THESIS, 1994. Is. 5. P. 242–276.
4. Lavrentiev A. K. USA: power diplomacy in Asia. Moscow : International. relations, 1980. (In Russ.)
5. Lenin V. I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. A Popular Outline / Lenin V. I. Complete works. 5th ed. Vol. 27. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1969. 644 p. (In Russ.)
6. Musaev A. I. Social distance as a factor of ethnic conflicts in modern-day Russia: specialty 23.00.06 "Conflictology": PhD Diss., 2018. (In Russ.)
7. The volume of trade between the USA and China has updated the historical record [Electronic resource] // Vedomosti. [Vedomosti] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/10/962429-obem-torgovli-ssha-i-kitaya-obnovil-rekord> (accessed: 31.12.2023). (In Russ.)
8. Sabelnikov L. V. War without truce: (forms and methods of economic aggression). Moscow : Mysl, 1983. (In Russ.)

9. Strebkov A. I., Gazimagomedov G. G., Musaev A. I., Smirnov N. G. The attributive nature of risks in a political conflict // *Conflictology [Konfliktologiya]*. 2023. Vol. 18. N 1. P. 9–25. (In Russ.) DOI 10.31312/2310-6085-2023-18-1-9-25. EDN BYEVO. P. 18–19.
10. Strebkov A. I., Musaev A. I. Risk of power — power of risk // *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya]*. 2020. Vol. 36. Is. 2. P. 394–406. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.215>
11. Trading partner: The whole world [Electronic resource] // *TrendEconomy*. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL (accessed: 31.12.2023). (In Russ.)
12. Betting big on quantum [Electronic resource] // *McKinsey&Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/sustainable-inclusive-growth/chart-of-the-day/betting-big-on-quantum> (accessed: 22.11.2023).
13. Biden to Restrict Investments in China, Citing National Security Threats [Electronic resource] // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/08/business/economy/biden-china-companies-restrictions.html> (accessed: 22.11.2023).
14. Chart of the Day: China Retains Crown as World's Biggest Manufacturer [Electronic resource] // *CAIXIN GLOBAL*. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (accessed: 22.11.2023).
15. China poses biggest threat to global security, says Sunak [Electronic resource] // *Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/21/china-poses-biggest-threat-to-global-security-says-sunak> (accessed: 21.12.2023).
16. China's role in the global biotechnology sector and implications for US policy [Electronic resource] // *BROOKINGS*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-role-in-the-global-biotechnology-sector-and-implications-for-us-policy/> (accessed: 22.11.2023).
17. Demarais A. What Does 'De-Risking' Actually Mean? [Electronic resource] // *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (accessed: 21.11.2023).
18. EU: De-risking as the new mantra for defining relations to China [Electronic resource] // *10 Years MERICS Getting China right*. URL: <https://meric.org/en/eu-de-risking-new-mantra-defining-relations-china> (accessed: 23.12.2023).
19. How can the US and China prevent a war? [Electronic resource] // *Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/aug/28/how-can-the-us-and-china-prevent-a-war> (accessed: 24.12.2023).
20. If China invaded Taiwan it would destroy world trade, says James Cleverly [Electronic resource] // *Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/25/if-china-invaded-taiwan-it-would-destroy-world-trade-says-james-cleverly> (accessed: 23.12.2023).
21. Inflation Reduction Act of 2022 [Electronic resource] // *IEA*. URL: <https://www.iea.org/policies/16156-inflation-reduction-act-of-2022> (accessed: 22.11.2023).
22. Muhammad A., Thompson J. Whiskey, Brexit, and the Trade War // *The International Trade Journal*. 2022. DOI: 10.1080/08853908.2022.2111006
23. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution [Electronic resource] // *THE WHITE HOUSE*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed: 22.12.2023).
24. Tech Leaders Warn the U.S. Military Is Falling Behind China on AI [Electronic resource] // *TIME*. URL: <https://time.com/6295586/military-ai-warfare-alexandr-wang/> (accessed: 23.12.2023).
25. The West's de-risking strategy towards China will fail, says Chris Miller [Electronic resource] // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/08/04/the-wests-de-risking-strategy-towards-china-will-fail-says-chris-miller> (accessed: 23.12.2023).
26. Washington's 'de-risking' of China ties might be just 'decoupling' in disguise [Electronic resource] // *Global Times*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1289958.shtml> (accessed: 23.12.2023).
27. When will China's GDP overtake America's? [Electronic resource] // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/06/07/when-will-chinas-gdp-overtake-america> (accessed: 22.11.2023).

28. Zirgulis A., Hashimoto T. Trade Theory Vs Reality: The Banana Trade War // The International Trade Journal. 2023. N 37 (5). P. 502–518, DOI: 10.1080/08853908.2023.2206170

About the authors:

Abdurashid I. Musaev, Head of laboratory of psychology department in the field of the social and economic and arts sciences, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Candidate of Science (Political sciences); rashidmuss@yandex.ru

Zyad M. S. Ahmed, Postgraduate student at the Conflict Study Department, Institute of Philosophy, St. Petersburg state University (Saint-Petersburg, Russian Federation); alkasmy@mail.ru

Ziyad F. Shihiev, undergraduate student, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov-on-Don Russian Federation); ziyadshikhiev@mail.ru

Риски цифровизации и управление ими

Халин В. Г. *, Чернова Г. В., Калайда С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.halin@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Цифровизация как важнейшая тенденция современного развития экономики и общества может сопровождаться не только положительными, но и отрицательными последствиями. Для того чтобы она оказывала только положительное воздействие, необходимо выполнить те требования, которые она выставляет обществу в виде содержания вызовов. В том случае, когда эти требования не выполняются, возникает угроза появления отрицательных последствий воздействия цифровизации, которые предлагается описывать через риск. Проблему усиления положительного и уменьшения отрицательного влияния цифровизации на деятельность определенного субъекта и/или на содержание какого-либо объекта воздействия цифровизации в статье предлагается решать на основе создания и внедрения Комплексной программы управления рисками цифровизации. Она включает Программу № 1 управления рисками, обусловленными влиянием цифровизации на определенное направление жизнедеятельности общества; Программу № 2 управления рисками, обусловленными применением основных продуктов цифровизации; Программу № 3 управления киберрисками или Программу № 4 управления информационными рисками, частью которой является Программа № 3. Каждая из этих программ содержит 2 части: ч. 1 содержит управленческие решения, разрабатываемые самостоятельно, ч. 2 — содержит управленческие решения по реализации требований нормативных правовых актов, а также национальных и межгосударственных стандартов, реализующих управление рисками нарушения информационной безопасности на государственном, межгосударственном или на отраслевом уровне.

Ключевые слова: цифровизация, понимаемая в узком смысле; цифровизация, понимаемая в широком смысле; направления воздействия цифровизации; параметры описания направления воздействия цифровизации; основные продукты цифровизации; информационные риски; киберриски; Программы управления рисками цифровизации; регулирование рисков цифровизации

Для цитирования: Халин В. Г., Чернова Г. В., Калайда С. А. Риски цифровизации и управление ими // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 67–85.

Digitalization Risks and Their Management

Vladimir G. Khalin*, Galina V. Chernova, Svetlana A. Kalayda

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; *v.halin@spbu.ru

ABSTRACT

Digitalization, as the most important trend in the modern development of the economy and society, can be accompanied by not only positive but also negative consequences. In order for it to have only a positive impact, it is necessary to fulfill the requirements that it presents to society in the form of the content of the challenges. In the case when these requirements are not met, there is a threat of negative consequences of the impact of digitalization, which are proposed to be described through risk. The article proposes to solve the problem of enhancing the positive and reducing the negative impact of digitalization on the activities of a certain subject and/or on the content of any object impacted by digitalization on the basis of the creation and implementation of a Comprehensive Digitalization Risk Management Program. It includes Program N 1 for managing risks caused by the impact of digitalization on a certain area of society; Program N 2 for managing risks caused by the use of main digi-

talization products; Cyber Risk Management Program N 3 or Information Risk Management Program N 4, of which Program N 3 is a part. Each of these programs contains 2 parts: part 1 contains management decisions developed independently, part 2 contains management decisions to implement the requirements of regulatory legal acts, as well as national and interstate standards that implement risk management of information security violations at the state, interstate or industry levels level.

Keywords: digitalization, understood in a narrow sense; digitalization, understood in a broad sense; direction of impact of digitalization; parameters for describing the direction of impact of digitalization; main products of digitalization; information risks; cyber risks; Digitalization risk management programs; regulation of digitalization risks

For citing: Khalin V. G., Chernova G. V., Kalayda S. A. Digitalization Risks and Their Management // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 67–85.

Введение

Развитие любой национальной экономики находится под влиянием самых разных факторов и тенденций, имеющих различное воздействие на нее.

К числу важнейших современных тенденций общественного развития, которые могут оказывать положительное влияние на развитие национальной экономики¹, относятся цифровизация и экономическая конвергенция, а в числе тенденций и факторов, которые могут оказывать отрицательное воздействие на развитие национальной экономики, можно назвать экономические санкции против РФ; новые высокие катастрофические, в том числе природные, техногенные и т. п. риски и т. д.

Целью данной статьи является выявление рисков возможных отрицательных последствий влияния цифровизации на деятельность субъекта и/или на содержание объекта определенного уровня управления рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества и построение комплексной программы управления ими.

Цифровизация как тенденция общественного развития

В настоящее время термин «цифровизация» используется как в узком, так и в широком смысле.

Цифровизация, понимаемая в узком смысле. В узком смысле цифровизация рассматривается как процесс преобразования и использования информации, включающий только определенные или все из следующих этапов:

- трансформация информации, первоначально представленной в любой форме, в цифровую форму (в цифру);
- использование цифровой информации;
- трансформация цифровой информации в любую другую форму.

Относительно трансформации любой информации в цифровую форму необходимо отметить следующее.

Цифровизация такого банковского продукта как договор срочного банковского вклада означает перевод информации, содержащейся в этом договоре, в цифровую форму, т. е. означает создание соответствующего *цифрового продукта*, в данном примере банковского, — «Договор срочного банковского вклада».

¹ Так как в общем случае помимо определенных положительных последствий эти факторы и тенденции могут сопровождаться и конкретными отрицательными последствиями, в статье они (факторы и тенденции) оцениваются как положительные, если итоговая оценка их возможных последствий является положительной.

Этот продукт может использоваться при работе с клиентами через интернет, т. е. при работе в режиме онлайн. В данном случае технология работы банка и клиента с этим цифровым продуктом может быть оцифрована, т. е. переведена в цифровую форму, представляющую собою *информационную технологию* работы с цифровым банковским продуктом — этим договором.

Для работы не с одним, а с разными цифровыми банковскими продуктами и с различными клиентами банк может формировать специальную *цифровую платформу* (далее «платформу»), включающую соответствующие цифровые продукты, а также информационные технологии, используемые для работы не только с отдельными цифровыми банковскими продуктами, но и с их совокупностью, а также связанные с организацией работы самой платформы.

Если отдельный банк расширяет свою деятельность за счет ее оцифровки или несколько банков объединяют свои усилия по работе с цифровыми банковскими и сопровождающими их продуктами, они в этом случае могут создавать *сети*, объединяющие уже известные и создаваемые новые платформы, цифровые продукты и информационные технологии. При этом попутно могут создаваться новые цифровые продукты и информационные технологии.

Обратите внимание!

Цифровизация, понимаемая в узком смысле, есть процесс, включающий только определенные или все из следующих этапов: трансформация информации, первоначально представленной в любой форме, в цифровую форму; использование цифровой информации; трансформация цифровой информации в любую другую форму.

Основные продукты цифровизации. Названные этапы реализации цифровизации, понимаемой в узком смысле (трансформация любой информации в цифровую форму, использование цифровой информации, перевод цифровой информации в другую форму), являются основой создания самих продуктов цифровизации, через которые и проявляется влияние цифровизации как тенденции, оказывающей влияние на развитие общества.

А так как не все виды продуктов цифровизации появляются сразу, то в развитии цифровизации, определяемом применяемыми основными продуктами цифровизации, когда она (цифровизация) рассматривается как тенденция общественного развития, можно выделить определенные этапы.

Прежде всего цифровизация коснулась отдельных цифровых продуктов и информационных технологий. Поэтому основным продуктом цифровизации первого этапа ее развития являются «отдельные цифровые продукты и информационные технологии»¹.

На втором этапе развития цифровизации к более масштабному применению различных цифровых продуктов и информационных технологий присоединяется новый цифровой продукт — «платформа», объединяющая определенные цифровые продукты и информационные технологии на базе их совместного применения. По этой причине основным продуктом цифровизации второго этапа ее развития как тенденции общественного развития являются «цифровые продукты, информационные технологии и платформы». Заметим, что в состав цифровых продуктов и информационных технологий этого этапа входят не только те, которые формировали основной продукт первого этапа развития цифровизации, но и появляющиеся дополнительные новые.

Дальнейшее развитие процессов цифровизации приводит к тому, что создаваемые платформы начинают объединяться между собой и образуют сети. Поэтому

¹ Понятие «основной продукт цифровизации», отвечающий определенному этапу развития цифровизации, носит обобщающий характер — оно включает перечень тех продуктов цифровизации, которые на данном этапе имеют наибольшее распространение.

основным продуктом цифровизации третьего этапа ее развития становятся «цифровые продукты, информационные технологии, платформы и сети, объединяющие их». При этом состав цифровых продуктов, информационных технологий и платформ может быть шире, чем для второго этапа развития цифровизации.

Обратите внимание!

Основными продуктами цифровизации как тенденции общественного развития являются:

- ◆ на первом этапе ее развития — отдельные цифровые продукты и информационные технологии;
- ◆ на втором этапе — цифровые продукты, информационные технологии и платформы;
- ◆ на третьем этапе — цифровые продукты, информационные технологии, платформы и сети, объединяющие их.

Хотя на каждом конкретном этапе могут быть продукты цифровизации, относящиеся к другим этапам, каждому этапу в соответствии ставится ее основной продукт, применяемый на этом этапе. И только появление новых продуктов цифровизации, которые все больше находят применение, будет означать возможность проявления следующего этапа цифровизации.

В настоящее время, например, все больше внимания уделяется месту и возможностям искусственного интеллекта, как обучающего механизма, используемого в работе с цифровой информацией. При этом появление нового этапа развития цифровизации и формирование, в связи с этим, нового основного продукта цифровизации будет определяться тем, какое влияние этот этап и характерный для него основной продукт будут оказывать на развитие экономики и общества.

Цифровизация, понимаемая в широком смысле. Это понятие связано с рассмотрением ее как тенденции общественного развития.

Цифровизация, понимаемая в широком смысле, это тенденция общественного развития, которая может проявляться по разным направлениям функционирования и развития общества, каждое из которых определяется сферой жизнедеятельности общества, субъектом и/или объектом цифровизации и уровнем управления, на котором это воздействие на субъект и/или объект проявляется.

Так, цифровизация как тенденция общественного развития может проявляться, например, в сфере образования (сфера жизнедеятельности общества) для такого субъекта ее влияния, как высшая школа (система высшего образования), причем на уровне всего общества — первый уровень управления образованием, или, например, на уровне отдельного вуза — второй уровень управления образованием. Цифровизация оказывает влияние на функционирование высшей школы, рассматриваемой на уровне всего государства, например, через такие ее продукты, как цифровой продукт, информационные технологии и образовательные платформы, охватывающие всю национальную систему высшего образования. В то же время на уровне вуза цифровизация может оказывать влияние, например, только через цифровой продукт и информационные технологии, применяемые в его учебном процессе. Также цифровизация может оказывать влияние на систему высшего образования, например, через такой объект ее воздействия, как организационная структура всей системы, который (объект) относится к первому уровню управления высшей школой.

Влияние цифровизации как тенденции общественного развития может проявляться в экономике, культуре, политике, искусстве и т. д., причем на самых разных уровнях функционирования тех или иных субъектов и/или объектов этой сферы. Поэтому управление процессами цифровизации как тенденции общественного развития предполагает обязательный анализ ее влияния на рассматриваемое направление жизнедеятельности общества, описываемое следующими тремя параметрами: «сфера влияния цифровизации», «субъект и/или объект воздействия

цифровизации в этой сфере влияния» и «уровень проявления влияния цифровизации на функционирование субъекта и/или объекта в этой сфере».

Обратите внимание!

1. Цифровизация как тенденция общественного развития проявляется по самым разным направлениям жизнедеятельности общества.
2. Любое конкретное направление воздействия цифровизации как тенденции общественного развития описывается следующими параметрами:
 - сфера жизнедеятельности общества,
 - субъект и/или объект рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества, на который цифровизация воздействует,
 - уровень управления, на котором воздействие цифровизации проявляется.

Влияние цифровизации на общественное развитие через определенное направление жизнедеятельности общества

Осваивая процессы цифровизации любой сферы жизнедеятельности и уровня проявления влияния цифровизации на функционирование того или иного субъекта и/или на содержание определенного объекта этой сферы, общество, прежде всего, ориентируется на ее положительное воздействие, т. е. на те преимущества, которые она дает ему. Однако в общем случае цифровизация может сопровождаться не только положительными последствиями для экономики и общества, но и вызовами, угрозами, а также отрицательными последствиями реализации этих угроз¹ [1, 2].

Являясь действенным фактором общественного развития, цифровизация предъявляет обществу определенные *вызовы* — те требования, которые должны быть выполнены для того, чтобы она (цифровизация) действительно стала трендом эффективного общественного развития.

Так, цифровизация, субъектом воздействия которой являются банки — субъекты финансовой сферы, рассматриваемые на уровне всего финансового рынка, для обеспечения только положительного ее воздействия на банковскую деятельность может выставлять обществу следующий вызов — работающие в банках сотрудники, не имеющие навыков работы с цифровой информацией, должны либо получить соответствующие знания, либо им должна быть предоставлена возможность получить другую специальность. Естественно, что это требует от общества дополнительных затрат, но в случае невыполнения этих требований говорить о том, что цифровизация только положительно повлияла на банковскую деятельность, нельзя.

В тех случаях, когда требования вызовов не выполняются, общество сталкивается с *угрозами*, которые могут быть реализованы и поэтому несут в себе для общества возможность появления различных отрицательных последствий влияния цифровизации.

Другим примером вызова цифровизации и отвечающей ему угрозы является вызов (требование) цифровизации о необходимости борьбы с мошенничеством на уровне организации, применяющей, например, определенные цифровые продукты и информационные технологии работы с ними. При этом, если эффективная борьба с мошенничеством отсутствует — требование вызова не выполняется или принима-

¹ См., например: *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/943> (дата обращения: 09.03.2024); *Хамитжанов Д. В.* Проблемы цифровизации экономики в современных условиях [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/381/84217/> (дата обращения: 09.03.2024); *Бродач М. М.* Цифровизация и внедрение умных технологий в России [Электронный ресурс]. URL: http://zv.abok.ru/upload/pdf_articles/777.pdf (дата обращения: 09.03.2024); *Гончаренко Л. П.* Цифровизация национальной экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1644> (дата обращения: 09.03.2024).

емые меры недостаточны, возникает угроза появления отрицательного последствия влияния цифровизации. В данном случае возникает возможность проявления цифрового мошенничества, которое, в свою очередь, может привести к самым разным отрицательным последствиям и, в том числе, к потере финансовых средств организации.

Содержание вызовов и угроз цифровизации зависит от специфики рассматриваемого направления воздействия цифровизации на развитие общества, которое (направление), в свою очередь, описывается субъектом и/или объектом воздействия цифровизации определенного уровня управления конкретной сферы жизнедеятельности общества.

Обратите внимание!

Выполнение требований, сформулированных в вызовах цифровизации, отвечает положительному воздействию цифровизации на развитие общества, в то время как их невыполнение несет в себе угрозу цифровизации — возможность появления ее отрицательных последствий.

Каждое из возможных отрицательных последствий может быть описано как *риск* — неопределенная возможность появления отрицательного последствия цифровизации, связанная с возможной реализацией угрозы, обусловленной невыполнением требований соответствующего вызова цифровизации. При этом риск описывается значениями следующих двух параметров — «размер возможного отрицательного результата» и «вероятность наступления отрицательного результата»¹.

Схематично взаимосвязь понятий и терминов, используемых для отражения возможного отрицательного воздействия цифровизации на деятельность субъекта и/или объекта определенного уровня управления конкретной сферы общественной жизни, может быть представлена следующим образом (рис. 1).

Представление возможных отрицательных последствий реализации той или иной угрозы, обусловленной определенным вызовом цифровизации, в виде рисков позволяет сформировать программу управления ими, направленную на нивелирование или уменьшение отрицательных последствий, связанных с соответствующими угрозами цифровизации.

Обратите внимание!

Управлять возможными отрицательными последствиями цифровизации можно на основе программ управления рисками, описывающими возможность появления этих отрицательных последствий.

При составлении программы управления риск ставится в соответствие всем требованиям рассматриваемого вызова цифровизации — решение о выполнении которых либо принимается субъектом воздействия цифровизации самостоятельно, либо становится обязательным, так как подпадает под нормативно-правовое регулирование.

Схематичное представление взаимосвязи терминов и понятий, связанных с влиянием цифровизации на деятельность отдельного субъекта и/или на содержание объекта определенного уровня управления в конкретной сфере общественной жизни, позволяет выделить самостоятельную программу управления соответствующими рисками. Это Программа управления рисками № 1, обусловленными влиянием цифровизации на определенное направление жизнедеятельности общества.

Так как риски, которые должны быть включены в эту программу, определяются спецификой рассматриваемого направления воздействия цифровизации на обще-

¹ Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество...

Цифровизация [как тенденция общественного развития, проявляющаяся на определенном направлении жизнедеятельности общества] => **вызов цифровизации** [как группа требований, которые необходимо выполнить для того, чтобы цифровизация действительно оказала положительное влияние на функционирование и развитие конкретного субъекта и/или на содержание объекта определенного уровня управления рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества] => **угроза** [как возможность появления отрицательных последствий, обусловленных невыполнением требований соответствующего вызова)] => **отрицательное последствие** [как вариант реализации угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова] => **риск** [как описание возможного отрицательного последствия, связанного с реализацией угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова].

Рис. 1. Схема взаимосвязи понятий, отражающих возможные отрицательные последствия влияния цифровизации, которые (последствия) обусловлены невыполнением требований вызова, связанного с воздействием цифровизации на функционирование конкретного субъекта и/или на содержание объекта определенного уровня управления рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества

Fig. 1. A scheme of the relationship of concepts reflecting the possible negative consequences of the impact of digitalization, which (consequences) are caused by failure to comply with the requirements of the challenge associated with the impact of digitalization on the functioning of a specific subject and/or on the content of an object of a certain level of management of the considered sphere of life of society

ственную жизнь, они условно могут быть разделены на 3 группы: риски, связанные со спецификой воздействия цифровизации на рассматриваемую сферу жизнедеятельности общества; риски, связанные с конкретным субъектом и/или объектом воздействия цифровизации; риски, связанные с исследуемым уровнем управления этой сферы (рис. 2).

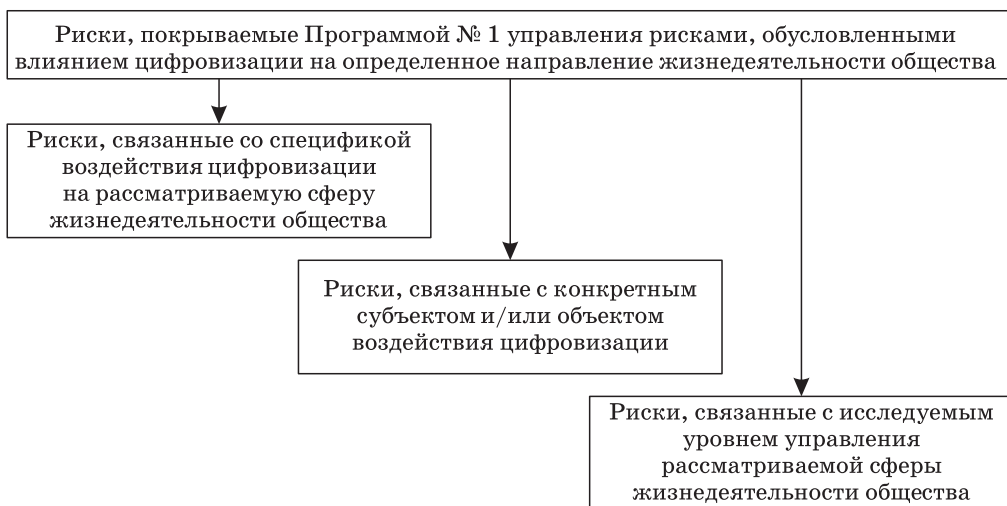

Рис. 2. Риски, управление которыми осуществляется на основе Программы № 1
Fig. 2. Risks managed on the basis of the Program N 1

Содержанием Программы № 1 является перечень управленческих решений по управлению рисками, связанными со спецификой воздействия цифровизации на рассматриваемое направление жизнедеятельности общества (рис. 3).

Программа № 1 становится структурным элементом Комплексной программы управления рисками цифровизации, рассматриваемой как тенденция общественного развития (рис. 4).

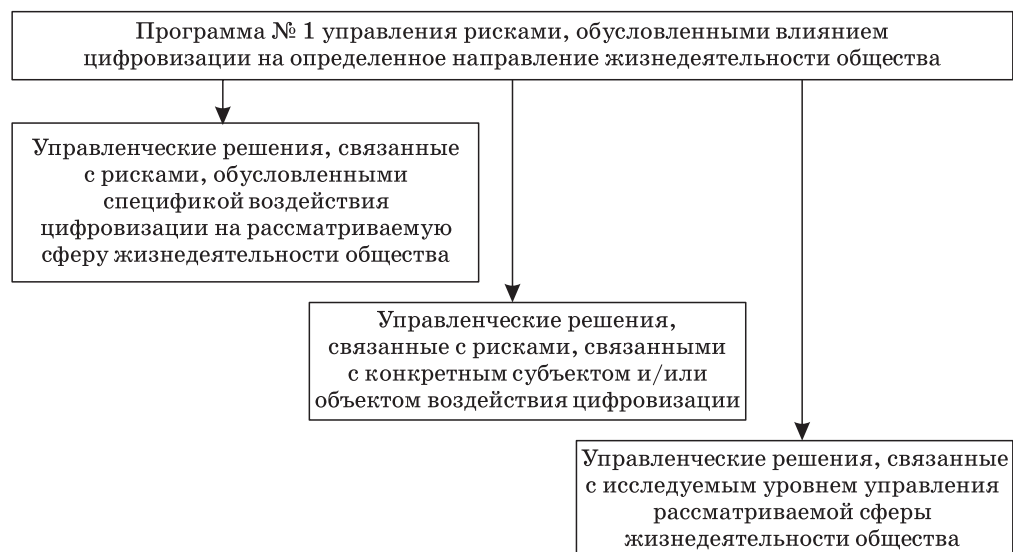

Рис. 3. Структура Программы № 1 управления рисками, обусловленными влиянием цифровизации на определенное направление жизнедеятельности общества

Fig. 3. Structure of the Program N 1 for managing risks caused by the impact of digitalization on a certain area of society's life

Влияние цифровизации на общественное развитие через основные продукты цифровизации

Как уже отмечалось выше, цифровизация оказывает влияние на развитие общества через ее продукты.

Поэтому взаимосвязь соответствующих понятий и терминов, используемых для отражения возможного отрицательного воздействия цифровизации, обусловленного использованием основных продуктов цифровизации, схематично может быть представлена следующим образом (рис. 5).

Схематичное представление взаимосвязи терминов и понятий, связанных с использованием основных продуктов цифровизации, позволяет выделить самостоятельную программу управления соответствующими рисками — Программу управления рисками № 2, обусловленными применением основных продуктов цифровизации (рис. 6). Содержанием Программы № 2 является перечень управленческих решений по управлению рисками, связанными со спецификой используемых основных продуктов цифровизации. Программа № 2 становится структурным элементом Комплексной программы управления рисками цифровизации, рассматриваемой как тенденция общественного развития (см. рис. 4.).

Рис. 4. Структура Комплексной программы управления рисками цифровизации
Fig. 4. Structure of the Comprehensive Digitalization Risk Management Program

Цифровизация [как тенденция общественного развития, проявляющаяся на определенном направлении жизнедеятельности общества и использующая определенный основной продукт цифровизации] => **вызов цифровизации** [как группа требований, которые необходимо выполнить для того, чтобы при использовании определенного основного продукта цифровизации действительно оказала положительное влияние на функционирование и развитие конкретного субъекта и/или на содержание какого-либо объекта воздействия цифровизации определенного уровня управления рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества] => **угроза** [как возможность появления отрицательных последствий, обусловленных невыполнением требований соответствующего вызова] => **отрицательное последствие** [как вариант реализации угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова] => **риск** [как описание возможного отрицательного последствия, связанного с реализацией угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова]

Рис. 5. Схема взаимосвязи понятий, отражающих возможные отрицательные последствия цифровизации, которые (последствия) обусловлены невыполнением требований вызова, связанного с использованием определенного основного продукта цифровизации
Fig. 5. Scheme of the relationship of concepts reflecting the possible negative consequences of digitalization, which (consequences) are caused by failure to meet the requirements of the challenge associated with the use of a certain main product of digitalization

Рис. 6. Структура Программы № 2 управления рисками, обусловленными применением основных продуктов цифровизации
Fig. 6. Structure of the Program N 2 for managing risks caused by the use of main digitalization products

Примером содержания такой программы являются управленческие решения, связанные с использованием платформ. Известно, что любая платформа объединяет усилия различных пользователей по использованию цифровой информации. Это означает возможность появления и реализации такого риска как сбой в работе платформы, обусловленный влиянием каких-либо факторов, внешних или внутренних. Именно поэтому необходимо выделение рисков, специфических для различных продуктов цифровизации — в данном случае рисков, являющихся специфическими именно для платформ.

Информационные риски

Важнейшим ресурсом современного развития общества является информация. Поэтому в целях обеспечения положительного воздействия цифровизации на развитие общества необходимо выделить риски цифровой информации, а также риски любой информации, так или иначе связанной с цифровизацией.

Информация и информационные вызовы. В общем случае информация, связанная с цифровизацией, может быть разделена на три вида:

- информация, связанная с воздействием цифровизации как тенденции общественного развития на то или иное направление жизнедеятельности общества, т. е. информация, используемая для описания субъекта и/или объекта воздействия цифровизации определенного уровня управления рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества;
- информация, связанная с использованием основных продуктов цифровизации;
- информация, связанная с понятием цифровизации в узком смысле, т. е. связанная хотя бы с одним из следующих процессов:

Рис. 7. Схема возможных вызовов любой и цифровой информации

Fig. 7. Scheme of possible calls to any and digital information

- ◆ перевод любой информации в цифровую форму,
- ◆ использование цифровой информации,
- ◆ перевод цифровой информации в другую форму ее представления.

Известно, что любая информация оценивается как качественная, если она является своевременной, достоверной, достаточной, надежной, корректной, адресной, актуальной. Ее правильная организация обеспечивает комплектность системы информации, дает перспективу многократного использования, высокую скорость ее сбора, обработки и передачи, а также возможность кодирования.

Для соблюдения перечисленных свойств информации любого вида и, в том числе цифровой информации, обязательным является соблюдение соответствующих требований — информационных вызовов (рис. 7¹).

Киберриски — риски цифровой информации. Отличительной чертой цифровизации как тенденции общественного развития является то, что ее рассмотрение в узком смысле является обязательной составляющей цифровизации, рассматриваемой в широком смысле. Несмотря на многообразие направлений влияния цифровизации на общественную жизнь, общий перечень всех возможных требований к цифровой информации, обусловленной процессами перевода любой информации в цифровую форму, использованием цифровой информации, переводом цифровой информации в любую другую форму, является единым. При этом отличие списка реальных требований для того или иного субъекта и/или объекта воздействия цифровизации от общего перечня возможных рисков, связанных с цифровой информацией, обусловлено различием в содержании и протекании функционирования

¹ Источник рисунка: Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 28–41.

или развития этого субъекта либо объекта определенного уровня управления конкретной сферы общественной жизни.

Взаимосвязь понятий и терминов, используемых для отражения возможного отрицательного воздействия цифровизации, рассматриваемой в узком смысле, т. е. воздействия, обусловленного переводом любой информации в цифровую форму, использованием цифровой информации и переводом ее в другую форму, схематично может быть представлена в следующем виде (рис. 8).

Примером вызова цифровизации, понимаемой в узком смысле, и отвечающей ему угрозы, является ее вызов о создании условий по недопуску несанкционированного использования цифровой информации. В случае невыполнения требований этого вызова возникает угроза появления отрицательных последствий цифровизации, например, в виде цифрового мошенничества, которое может обернуться для соответствующего субъекта воздействия цифровизации потерей его финансовых ресурсов.

Представленная взаимосвязь терминов и понятий, связанных с цифровой информацией (см. рис. 8), определяет целесообразность создания самостоятельной программы управления киберрисками, учитывающей названные особенности их появления и возможной реализации, — Программы управления киберрисками № 3 (рис. 9). Содержанием Программы № 3 является перечень управленческих решений по управлению рисками, связанными с проведением операций, отвечающих цифровизации, понимаемой в узком смысле — с проведением операций перевода любой информации в цифровую форму, с использованием цифровой информации, переводом цифровой информации в любую другую форму ее представления. Программа № 3 становится структурным элементом Комплексной программы управления рисками цифровизации, рассматриваемой как тенденция общественного развития (см. рис. 4).

Цифровая информация, используемая на уровне субъекта и/или объекта воздействия цифровизации конкретного уровня управления определенной сферы жизнедеятельности общества, является частью информации, используемой на уровне этого субъекта и/или объекта воздействия цифровизации, но не являющейся цифровой. Соотношение между объемами и значимостью общей (нецифровой) и цифровой частью информации может быть самым разным.

Цифровизация [понимаемая в узком смысле, т. е. понимаемая по крайней мере как один из процессов трансформации любой информации в цифровую форму, использования цифровой информации, перевода цифровой информации в любую другую форму ее представления] => **кибервызов** [как группа требований, которые необходимо выполнить при работе с цифровой информацией для того, чтобы цифровизация, понимаемая в широком смысле, обеспечила положительное воздействие на определенное направление жизнедеятельности общества] => **киберугроза** [как возможность появления отрицательных последствий, обусловленных невыполнением требований кибервызова при работе с цифровой информацией] => **отрицательное последствие** [как возможный вариант реализации киберугрозы, обусловленной невыполнением требований кибервызова при работе с цифровой информацией] => **киберриск** [как параметр описания возможного отрицательного последствия, связанного с реализацией киберугрозы, обусловленной невыполнением требований кибервызова при работе с цифровой информацией]

Рис. 8. Схема взаимосвязи понятий, отражающих возможные отрицательные последствия невыполнения требований при работе с цифровой информацией

Fig. 8. Scheme of the relationship of concepts reflecting the possible negative consequences of failure to comply with requirements when working with digital information

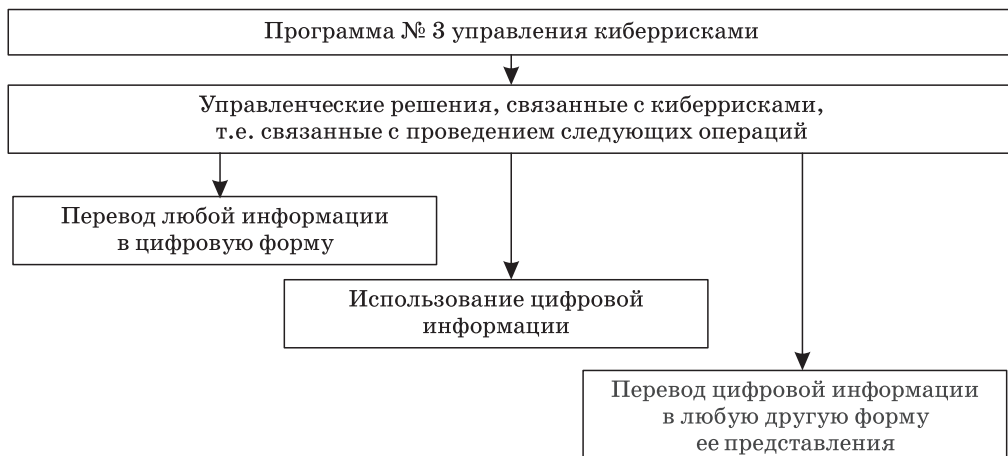

Рис. 9. Структура Программы № 3 управления киберрисками
Fig. 9. Structure of Cyber Risk Management Program N 3

Именно поэтому наряду с программами управления рисками цифровизации, обусловленными понятием ее в узком смысле (учитываются риски по переводу любой информации в цифру, по использованию цифровой информации и по переводу цифровой информации в любую другую форму), субъект и/или объект воздействия цифровизации, зачастую, формирует общую программу управления информационными рисками¹ — Программу управления информационными рисками № 4, в которую Программа управления цифровыми рисками № 3 входит как обязательный элемент (см. рис. 4).

Далее. Все киберриски условно могут быть разделены на следующие две группы:

- те, появление которых носит случайный характер:
 - ◆ случайная потеря данных,
 - ◆ временная случайная невозможность доступа к данным и/или объекту,
 - ◆ случайный выход из строя объекта и т. д.
- Группа этих киберрисков описывает киберугрозу, реализация которой носит случайный характер, например, киберугроза как возможность появления отрицательных последствий цифровизации, связанных со случайной потерей данных. В этом случае вероятность появления отрицательных последствий определяется случайностью потери этих данных;
- те, появление и реализация которых обусловлены преднамеренными причинами. Это:
 - ◆ риски целенаправленного (преднамеренного) действия по
 - нарушению корректного функционирования объекта,
 - краже данных;
 - изменению/подмене данных;
 - утрате/уничтожению данных;
 - внесению или проникновению в компьютеры, серверы, сети и т. д., используемые человеком, отдельной организацией, отраслью или государством,

¹ Информационная безопасность [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Информационная_безопасность:~:text=Ин-формационная%20безопасность%20-%20практика%20предотвраще-ния,применяется%20вне%20зависимости%20от%20формы:) (дата обращения: 09.03.2024).

различных вирусов, шпионских программ и т.д., которые зачастую сами являются продуктом цифровизации;

- ♦ риски хакерских атак и т.д.

Группа этих киберрисков описывает киберугрозу, реализация которой носит преднамеренный характер, например, киберугроза как возможность появления отрицательных последствий цифровизации, связанных с преднамеренной кражей/уничтожением данных. Естественно, что при этом вероятность появления отрицательных последствий становится более высокой, чем при случайной потере данных.

Факторы формирования и реализации целенаправленных, преднамеренных киберугроз условно могут быть разделены на:

- внешние, влияющие на деятельность отдельной организации, например, фактор использования цифровой информации другими экономическими субъектами, использующие ее недобросовестно;
- внутренние, например, связанные с некорректным поведением своих сотрудников компании.

Обратите внимание!

1. Все киберриски могут быть разделены на две группы — появление которых носит случайный характер (первая группа киберрисков) и появление которых связано с целенаправленными, преднамеренными действиями третьих лиц, направленными на невыполнение требований соответствующих кибервызовов (вторая группа киберрисков).
2. При преднамеренном создании условий для невыполнения требований кибервызова значение вероятности как параметра киберриска, описывающего киберугрозу, будет выше, чем при случайном невыполнении этих требований.

Программы управления процессами цифровизации на уровне отдельного субъекта и/или объекта цифровизации

Как было показано выше, управление процессами цифровизации, рассматриваемой как тенденция общественного развития, оказывающая воздействие на деятельность субъекта и/или на содержание объекта определенного уровня управления конкретной сферы жизнедеятельности общества, может быть реализовано на основе совокупности Программ управления рисками № 1, 2, 3 (№ 1, 2, 4), формирующих Комплексную программу управления рисками (см. рис. 4):

- Программа № 1 управления рисками, обусловленными влиянием цифровизации как тенденции общественного развития на определенное направление жизнедеятельности общества;
- Программа № 2 управления рисками, обусловленными применением основных продуктов цифровизации;
- Программа № 3 управления киберрисками, или Программа управления информационными рисками № 4, часть которой представляет управление киберрисками. Включение в Программу управления рисками цифровизации № 4 помимо управленческих решений, связанных с цифровой информацией (содержание Программы № 3), остается за лицом, принимающим решение (ЛПР). Решение, как правило, формируется с учетом того, что другие информационные риски — не связанные с цифровой информацией, могут быть, во-первых, очень существенными и значимыми сами по себе, и, во-вторых, они либо становятся причиной появления рисков цифровой информации (киберрисков), либо существенно связаны с ними как причина их появления.

Естественно, что все эти Программы управления, направленного на снижение возможных отрицательных последствий цифровизации, формируются субъектом воздействия цифровизации определенного уровня управления конкретной сферы

общественной жизни самостоятельно, например, страховой компанией как субъектом страхового рынка уровня отдельного страховщика. При этом субъект самостоятельно несет свою ответственность как за составление таких программ, их реализацию, так и за результаты внедрения.

Однако необходимо отметить следующее. С учетом все возрастающей значимости процессов цифровизации, а также увеличивающейся потребности в снижении или нивелировании рисков цифровизации, общество берет на себя такую функцию как регулирование процессов цифровизации, понимаемой как в узком, так и в широком смысле.

Регулирование процессов цифровизации

Целью регулирования является разработка правовых норм, определяющих деятельность по работе с информацией (в том числе с цифровой), соблюдение которых становится обязательным для всех тех, для кого эти нормы предназначены. Соблюдение требований нормативных правовых актов, национальных и межгосударственных стандартов¹ заведомо будет означать снижение рисков, обусловленных цифровизацией, рассматриваемой как в широком, так и в узком смысле.

С учетом отмеченного, в каждой из Программ управления рисками № 1, 2, 3 (№ 1, 2, 4) условно можно выделить два блока:

- блок 1 — управленческие решения, за разработку и внедрение которых субъект воздействия цифровизации отвечает самостоятельно, — они охватывают риски цифровизации, нерегулируемые обществом;
- блок 2 — управленческие решения, за разработку и внедрение которых субъект воздействия цифровизации несет ответственность в рамках тех полномочий, которые предусмотрены правовыми нормами по регулируемым рискам. Управленческие решения этого блока охватывают риски цифровизации, регулируемые обществом.

Следует понимать, что регулирование совсем необязательно покрывает все аспекты воздействия цифровизации на деятельность субъекта и/или на содержание объекта воздействия цифровизации определенного уровня управления рассматриваемой сферы жизнедеятельности общества.

Например, в Программе № 1 управления рисками цифровизации, обусловленными влиянием цифровизации как тенденции общественного развития на определенное направление жизнедеятельности общества, под регулирование может попадать деятельность только тех субъектов и/или объектов воздействия цифровизации, которые имеют очень высокую значимость для всего Российского государства, например, деятельность государственных информационных систем².

В Программе № 2 управления рисками, обусловленными применением основных продуктов цифровизации, под нормативное правовое регулирование подпадают риски лишь тех основных продуктов цифровизации, которые, с позиций общества, являются чрезвычайно высокими или таковыми становятся. Примером являются риски нарушения безопасности информационных технологий³. Регулирование ими предполагает соблюдение требований национальных и международных стандартов

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2023/08/prilozhenie-6.pdf> (дата обращения: 09.03.2024); [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational> (дата обращения: 09.03.2024); [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 09.03.2024).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2023/08/prilozhenie-6.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2023/08/prilozhenie-6.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-1-2012¹.

Другим примером регулирования рисков, связанных с основными продуктами цифровизации, является обязательность соблюдения требований национальных стандартов по направлению «искусственный интеллект ГОСТ Р 24669-2022»².

В Программе № 3 управления киберрисками регулирование, предусмотренное законодательством, прежде всего присутствует в отношении киберриска нарушения безопасности цифровой информации.

Выбор именно этого киберриска как объекта регулирования обусловлен следующим. С одной стороны, любой киберриск может быть описан значениями двух параметров — вероятность его реализации и размер возможного ущерба. При этом реализация этого киберриска в общем случае должна иметь случайный характер, что должно находить отражение в значении вероятности реализации этого риска. С другой стороны, появление и реализация киберриска нарушения безопасности цифровой информации зачастую связаны с целенаправленными, противоправными действиями в форме компьютерных атак, что очень резко повышает значение вероятности реализации этого риска. Именно поэтому управление данным риском является чрезвычайно важным не только для отдельного субъекта и/или объекта воздействия цифровизации, но и для всего общества в целом³. Этой причиной и вызвано регулирование риска нарушения безопасности цифровой информации, реализуемого на базе компьютерных атак⁴. Оно осуществляется на базе нормативных правовых актов в области создания государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (указы Президента Российской Федерации, приказы ФСБ России, документы по субсидированию на создание центров ГосСОПКА, постановления Правительства Российской Федерации, приказы Минцифры России). Регулирование направлено на борьбу с кибератаками, т.е. направлено на предотвращение или уменьшение ущерба, обусловленного преднамеренными, противоправными действиями третьих лиц.

Так как киберриски могут рассматриваться вместе с другими связанными с ними информационными рисками, управление ими (киберрисками) может быть частью управления всеми информационными рисками, которые подпадают под регулирование в Программе управления информационными рисками № 4.

Помимо регулирования рисков нарушения безопасности цифровой информации (они могут быть учтены в Программах № 3 и/или № 4), в Программе № 4 под регулирование обязательно подпадают другие риски нарушения информационной безопасности.

Это риски⁵:

- различных субъектов и/или объектов экономики —

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational> (дата обращения: 09.03.2024).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 09.03.2024).

³ См., например: Кибератаки и кибертеррор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/477173-pochti-50-rossijskih-vedomstv-podverglis-kiberatakam> (дата обращения: 09.03.2024); Кибератаки и кибертеррор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/477173-pochti-50-rossijskih-vedomstv-podverglis-kiberatakam> (дата обращения: 21.04.2023); Киберпреступления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.calltouch.ru/blog/kiberbezopasnost-v-2022-godu-novye-metody-prestupnikov/> (дата обращения: 06.04.2023).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2023/08/prilozhenie-6.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2023/08/prilozhenie-6.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

- ◆ государственных информационных систем (федеральные законы Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы и иные документы федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации),
- ◆ автоматизированных систем управления технологическим процессом (федеральные законы Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы ФСТЭК России),

а также

- персональных данных (федеральные законы Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы и иные документы федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации),
- биометрических персональных данных (федеральные законы Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы Минцифры России).

Программа № 4 также может содержать управленческие решения и меры, связанные с определенным видом деятельности или с каким-либо его аспектом, которые, за счет управления риском нарушения информационной безопасности, должны обеспечивать необходимый уровень информационной безопасности, в том числе безопасности цифровой информации. Такое регулирование в настоящее время существует в отношении рисков¹:

- в области криптографии (постановления Правительства Российской Федерации, приказы ФСБ России),
- использования электронной подписи (федеральные законы Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы ФСБ России, приказы Минцифры России),
- сертификации средств защиты информации (постановления Правительства Российской Федерации, приказы ФСТЭК² России, иные документы по сертификации),
- лицензирования деятельности по технической защите конфиденциальной информации (федеральные законы Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы ФСТЭК России),
- в области образования специалистов по информационной безопасности и иных специалистов (приказы Минобрнауки России, приказы Минтруда России),
- банковской деятельности (положения Банка России, указания Банка России, стандарты Банка России, рекомендации по стандартизации, методические рекомендации).

Обратите внимание!

1. Регулирование процессов цифровизации охватывает:

- те или иные аспекты таких характеристик направления воздействия цифровизации, как рассматриваемая сфера жизнедеятельности общества, субъект и/или объект воздействия цифровизации; уровень управления субъектом и/или объектом рассматриваемой сферы;
- особенности различных применяемых продуктов цифровизации;
- содержание операций по цифровизации, понимаемой в узком смысле, т. е. содержание операций перевода любой информации в цифровую форму, использования цифровой информации, перевода цифровой информации в любую другую форму.

2. Регулирование киберрисков нарушения безопасности цифровой информации зачастую является частью регулирования вопросов обеспечения всей информационной безопасности.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2023/08/prilozhenie-6.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

² Федеральная служба по техническому и экспортному контролю.

Особенностью содержания всех действующих в настоящее время нормативных правовых норм, стандартов и сертификатов, связанных с цифровизацией, является то, что они формулируют разные требования к информации различных субъектов и/или объектов экономики и видов их деятельности в зависимости от значимости и важности этой информации. Выполнение этих требований по смыслу означает проведение превентивных мероприятий, направленных на снижение рисков нарушения информационной безопасности, в том числе на снижение рисков нарушения безопасности цифровой информации.

Выводы

Термин «цифровизация» в настоящее время используется в узком и в широком смысле. В узком смысле цифровизация представляет собой процессы перевода любой информации в цифровую форму, использования цифровой информации, перевода цифровой информации в любую другую форму ее представления. В широком смысле цифровизация представляет собой тенденцию общественного развития, проявляющуюся через определенное направление жизнедеятельности общества, описываемое конкретной сферой общественной жизни, субъектом и/или объектом воздействия цифровизации, уровнем управления, на котором воздействие цифровизации проявляется.

Цифровизация будет оказывать положительное воздействие на рассматриваемое направление общественного развития лишь в том случае, если будут выполняться ее требования, выставляемые обществу как вызов. В случае, когда эти требования не выполняются, возникает угроза появления отрицательных последствий влияния цифровизации, которая может быть представлена риском. Последний описывается вероятностью реализации угрозы — вероятностью появления отрицательного последствия и размером возможного ущерба.

Решение задачи появления, уменьшения или нивелирования отрицательных последствий цифровизации возможно на основе построения и реализации Комплексной программы управления цифровизацией, включающей Программу № 1 управления рисками, характерными для рассматриваемого направления воздействия цифровизации на общественную жизнь; Программу № 2 управления рисками, характерными для используемых при этом продуктов цифровизации; Программу № 3 управления цифровыми рисками (киберрисками). В ряде случаев вместо Программы № 3 или в дополнение к ней в Комплексную программу управления цифровизацией может входить Программа управления информационными рисками № 4.

Высокая значимость проблемы снижения киберрисков нарушения безопасности цифровой информации и других рисков нарушения информационной безопасности приводит к целесообразности регулирования вопросов, связанных с решением этой проблемы и, как следствие, приводит к обязательному выполнению требований нормативных правовых актов, национальных и межгосударственных стандартов в области информационной безопасности.

Обязательное выполнение требований нормативных правовых актов, национальных и межгосударственных стандартов в области информационной безопасности приводит к тому, что в структуре Программ № 1–4, формирующих Комплексную программу управления процессами цифровизации, обязательно присутствует 2 блока: первый включает управленческие решения и меры, разрабатываемые субъектом воздействия цифровизации самостоятельно, второй — управленческие решения и меры, предусмотренные государственным регулированием.

Литература

1. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 28–41.
2. Цифровая трансформация экономики: тенденции, поведение акторов, модели процессов : монография / Д. Н. Верзилин, А. А. Волкова, С. А. Калайда [и др.] / под ред. В. В. Трофимова, С. И. Шаныгина. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. 283 с.

Об авторах:

Халин Владимир Георгиевич, профессор кафедры информационных систем в экономике Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; v.halin@spbu.ru

Чернова Галина Васильевна, профессор кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; g.chernova@spbu.ru

Калайда Светлана Александровна, доцент кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; s.kalayda@spbu.ru

References

1. Khalin V. G., Chernova G. V. Digitalization and cyber risks // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 7. P. 28–41.
2. Digital transformation of the economy: trends, behavior of actors, process models. Monograph / D. N. Verzhilin, A. A. Volkova, S. A. Kalajda [et al.] / ed. V. V. Trofimov, S. I. Shanygin. Saint Petersburg : Publishing house of Saint Petersburg State Economic University, 2023. 283 p.

About the authors:

Vladimir G. Khalin, Professor of the Chair of Information Systems in Economics of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; v.halin@spbu.ru

Galina V. Chernova, Professor of the Chair of Risk management and Insurance of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; g.chernova@spbu.ru

Svetlana A. Kalayda, Associated Professor of the Chair of Risk management and Insurance of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Associated professor; s.kalayda@spbu.ru

Развитие подходов к реализации региональной политики в России

Елсуков М. Ю. *, Москаленко В. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elsukov-my@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы становления региональной политики в России. Обосновывается необходимость ее последовательной реализации в любых общественно-политических и социально-экономических условиях. Проводятся сопоставления практики разработки и реализации региональной политики в начале рыночных преобразований в современных условиях. Обосновывается принципиально важная роль государства в решении проблем устранения диспропорций регионального развития. Рассматриваются виды и направления региональной политики России, а также способы ее ресурсного финансового обеспечения. Дана характеристика наиболее актуальных мер финансового регулирования процессов регионального развития, связанных с обеспечением сбалансированного развития территорий, реализацией крупномасштабных проектов, возможности привлечения заемных средств и вовлечения населения в процессы принятия решений о распределении ресурсов для решения социально значимых проблем развития регионов.

Ключевые слова: регион, диспропорции, региональная политика, государственное регулирование, кризис, ресурсы, финансовое обеспечение

Для цитирования: Елсуков М. Ю., Москаленко В. Н. Развитие подходов к реализации региональной политики в России // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 86–96.

Development of Approaches to the Implementation of Regional Policy in Russia

Mikhail Yu. Elsukov *, Valery N. Moskalenko

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation; *elsukov-my@ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the issues of the formation of regional policy in Russia. The need for its consistent implementation in any socio-political and socio-economic conditions is substantiated. Comparisons are made between the practice of developing and implementing regional policy at the beginning of market transformations and modern conditions. The fundamentally important role of the state in solving the problems of eliminating imbalances in regional development is substantiated. The types and directions of Russian regional policy, as well as methods of its financial resource support, are considered. The characteristics of the most relevant measures of financial regulation of regional development processes related to ensuring the balanced development of territories, the implementation of large-scale projects, the possibility of attracting borrowed funds and involving the population in decision-making processes on the allocation of resources to solve socially significant problems of regional development are given.

Keywords: region, imbalances, regional policy, government regulation, crisis, resources, financial support

For citation: Elsukov M. Yu., Moskalenko V. N. Development of Approaches to the Implementation of Regional Policy in Russia // Administrative Consulting. 2024. N 3. P. 86–96.

Введение

Диспропорции неравномерного хозяйственного освоения территории усиливаются в периоды кризисов, что вполне объяснимо, так как именно в это время возникает необходимость отвлечения внимания на решение острых проблем социально-экономического развития, происходит сокращение ресурсных финансовых возможностей по устранению межрегиональных дисбалансов. В настоящее время экономика Российской Федерации переживает сложный период. Среди многих неблагоприятных факторов, провоцирующих кризисные процессы в России, особое место занимают последствия политики государств, с которыми еще в недавнем прошлом Российская Федерация выстраивала партнерские отношения. Антироссийские санкции после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. приобрели беспрецедентный характер. Осуществляется попытка выдавливания России на периферию мировой экономики, международной политики и деловой жизни.

Казалось бы, в этих условиях вопросы региональной политики должны отойти на второй план. Но эта позиция является в корне ошибочной. Санкционное давление рано или поздно будет сокращаться. Мировоззательные связи перестроятся на иные форматы взаимодействия, а проблематика региональной политики в России не исчезнет.

Вопросы разработки и реализации региональной политики не теряют своего значения в любых общественно-политических условиях. Для каждого периода развития общества характерны свои особенности, что требует проведения исследований, посвященных вопросам актуализации и корректировки мер регулирования и управления процессами социально-экономического развития территорий, определения наиболее эффективных мер его ресурсного финансового обеспечения.

Материалы и методы исследования

Региональная политика представляет собой системно взаимосвязанные мероприятия, включающие в себя меры законодательного регулирования, административного воздействия и финансово-экономический инструментарий, которые реализуются на всех уровнях управления и направлены на решение задач комплексного социально-экономического развития территорий. Именно такое толкование содержится в современных нормативных правовых документах, в том числе в указах Президента Российской Федерации¹. Данное понимание в практику управления пришло не сразу. И причины этого кроются в особенностях становления государственности и управления процессами социально-экономического развития.

Очевидно, что региональная политика касается регионов, следовательно, объектами и субъектами такой политики выступают регионы страны. Логика подсказывает, что в корневой основе термина «регион» заложен термин *regio*, который в переводе с латинского подразумевает определенную территорию, ограниченную на местности.

На практике эти ограничения могут быть представлены, во-первых, — границами административно-территориального деления, во-вторых, — определенными признаками, распространение которых позволяет обособить определенную территорию. Второе из названных толкований подразумевает довольно разнообразные интерпретации. Так, в СССР широко использовалось для нужд планирования социально-экономического развития экономическое районирование. В настоящее

¹ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 и др.

время для нужд управления выделяются макрорегионы, разнообразные территории с особыми условиями хозяйствования, например — сухопутные территории Арктической зоны России и др.

Среди многих существующих интерпретаций понятия регион в настоящей работе, в которой затрагивается проблематика ресурсного финансового обеспечения реализации региональной политики, выбрана подразумевающая наличие территориальных органов управления процессами социально-экономического развития России. А именно, регионы в нашем анализе — это субъекты Российской Федерации.

Результаты

Наличие органов управления территорией в федеративном государстве предполагает закрепление части управленческих полномочий, в том числе и путем их делегирования. В процессе реализации полномочий органов управления, наделенных определенной самостоятельностью в принятии решений, неизбежным является возникновение разнообразия видения того, в каком направлении территории должны развиваться. Это видение оказало существенное влияние в России после провозглашения независимости и с началом рыночных преобразований в первой половине 90-х гг. XX в. По сути, предполагалось выстраивание новых отношений между федеральным центром и регионами — субъектами Российской Федерации. В этом процессе возникли разные понимания того, что собой представляют регионы в общем социально-экономическом развитии и государственном устройстве.

Академик А. Г. Гранберг отмечал появление новых парадигм и концепций, которые внедрялись в практику управления [1]. Традиционное рассмотрение региона предполагает его характеристику как социально-экономической системы, являющейся составной частью народнохозяйственного комплекса. Но в начале рыночных преобразований оказалось допустимым представить регион как квазигосударство, которое сосредоточивает максимальное количество функций управления, преобразуя в перспективе федеративное государство в конфедерацию. Особой интерпретацией стало представление региона как рынка. Регион, с указанных позиций формирует определенный предпринимательский климат, является объектом интереса предпринимательских структур в качестве поставщика ресурсов и места реализации продукции. В соответствии с другой концепцией регион представлялся в качестве квазикорпорации. Сторонники этого видения усматривали перспективы переноса взглядов корпоративного менеджмента на государственное управление. Основное внимание предполагалось уделять повышению конкурентоспособности региона в сопоставлении с другими регионами в борьбе за распределение ресурсов, привлечение на свою территорию новых налогоплательщиков и пр. Каждый из названных подходов по-своему интерпретирует понимание объекта, субъекта, цели и метода государственного управления и планирования, а следовательно, и понимание ресурсной финансовой базы развития территорий.

В этот период становления региональной политики самостоятельность регионов рассматривалась в нашей стране как часть государственного устройства. Допускалось разнообразие уровня самостоятельности. Как следствие, считалось неизбежным возникновение разногласий между центральными органами власти и региональными органами власти, которые должны были разрешаться путем компромисса. Процесс выработки паллиативных решений, собственно, и представлялся как процесс региональной политики.

На заре рыночных преобразований была распространена точка зрения возможности саморегулирования процессов регионального развития. Основным финансовым источником развития регионов должны были стать частные инвесторы,

а функции органов власти, по сути, сводились к тому, чтобы создать максимально комфортные условия ведения бизнеса. Однако ответ на вопрос о том, как привлечь частные инвестиции в регионы, оказавшиеся в неблагоприятных стартовых условиях развития, т. е. те регионы, которые в наибольшей степени нуждаются в привлечении инвестиций, так и не получил ответа. Как следствие, диспропорции регионального развития только усиливались.

Региональная политика социально-экономического развития и региональная экономика в этот период нередко в работах исследователей рассматривались и как синонимы, и как термины, находящиеся в определенной соподчиненности друг к другу. Чаще всего региональная политика социально-экономического развития преподносилась как сфера деятельности более масштабная, чем региональная экономика. Но и допускались интерпретации того, что эти термины находятся в различных предметных областях исследований. При такой неразберихе толкований крайне сложно было выработать непротиворечивую методологическую основу, при которой было бы возможно использовать инструменты ресурсного финансового обеспечения социально-экономического развития регионов [4].

Региональная политика — это прежде всего составная часть политики органов государственной власти. Частный бизнес не способен справиться с решением проблем устранения межрегиональных диспропорций и это, пожалуй, главный вывод из экспериментов в данной сфере начала рыночных преобразований. Данная точка зрения является самой распространенной в работах современных исследователей. Этим позиций придерживается и текущая практика работы органов государственной власти. Цели и задачи государственной региональной политики определяют основы, на которых разрабатывается система мер по ресурсному финансовому обеспечению развития регионов.

Исходя из реалий настоящего времени и действующего в нормативных правовых документах понимания региональной политики, можно заключить следующее. На федеральном уровне в рамках региональной политики в сфере социально-экономического развития предполагается достижение цели создания равных условий проживания населения, качества его жизни, а также возможностей ведения экономической деятельности в регионах России, реализации прав, указанных в Конституции Российской Федерации. Межрегиональные контрасты могут привести к серьезным последствиям: обострению социальной напряженности, усилению межрегиональных и межнациональных конфликтов и, наконец, замедлению темпов социально-экономического развития [5].

Достижение этой цели предполагает решение следующего комплекса вопросов:

- недопущение дезинтеграции единого экономического и правового пространства государства;
 - обеспечение защиты национальных интересов в регионах страны;
 - реализация предметов совместного ведения органов государственной власти и полномочий местного самоуправления. Учитывая разнонаправленный характер региональной политики, разнообразие форм и методов ее реализации, в современной научной литературе и практике управления различают разнообразные ее классификации и виды [6]. Так, в зависимости от ее направленности оправдано обособление следующих ее разновидностей:
- 1) экономическая. Данный тип региональной политики говорит о целенаправленном воздействии на экономическое развитие территории. В ее состав входит налоговая и бюджетная политика; создание и реализация целевых программ; политика развития региональных комплексов; контрольно-аналитическая деятельность и др.;
 - 2) инновационно-инвестиционная (также ее называют «научно-техническая»). Политика опирается на научно-технические достижения и призвана обеспечить

- конкурентоспособность продукции, выпускаемой в регионе, инвестиционную привлекательность регионов и национальной экономики в целом;
- 3) социальная региональная политика. Она направлена на улучшение качества и уровня жизни населения, а также на предотвращение очагов социального напряжения в регионах;
 - 4) экологическая региональная политика. Она направлена на нейтрализацию и предотвращение вреда, наносимого окружающей среде хозяйственной деятельностью человека в регионах страны;
 - 5) гуманитарная. Данный тип региональной политики связан с духовным развитием общества, его моральным и физическим здоровьем;
 - 6) экистическая (поселенческая) региональная политика. Данное направление ставит своей целью обеспечение комплексного развития территории регионов, недопущения чрезмерной концентрации населения и экономической деятельности в ограниченном количестве поселений. Объектами управления в данном случае выступает система расселения населения, которая развивается, опираясь на систему градообразующих производств, коммуникаций и других объектов жизнедеятельности [8].

Существуют и другие критерии классификации региональной политики [3]. Следует различать политику, проводимую федеральной властью, и политику, осуществляемую региональными властями субъекта Федерации. В настоящее время выделяются два основных подхода к реализации региональной политики федерального центра. В основе первого заложены методы реализации «политики выравнивания» или сглаживания посредством распределения финансовых ресурсов тех диспропорций, которые неизбежно возникают в процессе социально-экономического развития. Основу второго образует так называемая «теория полюсов роста». Если первый подход направлен на обеспечение относительно равных условий жизни населения и хозяйствования, обеспечение равных подходов ко всем территориям государства, то второй предусматривает выделение финансовых ресурсов и поддержку территорий, которые имеют явные конкурентные преимущества и могут оказать положительное воздействие на развитие экономики соседних регионов [2].

Политика выравнивания имеет варианты реализации.

1. Социальный. В данном случае имеется в виду оказание помощи бюджетам регионов для обеспечения их средствами, необходимыми для выполнения возложенных на них социально значимых обязательств. С этой целью разрабатываются и используются минимальные стандарты, на основе которых реализуются финансовые решения политики выравнивания.

2. Инвестиционно-экономический. Данное направление обеспечивает стимулирование экономического роста в неблагополучных регионах. Финансовый инструмент ориентирован на формирование новых центров экономического развития территорий, как и поддержка существующих. Этот сценарий широко используется в условиях общего подъема экономики, присутствия очевидных интересов со стороны инвесторов [7].

Основанием же для существования концепции «полюсов роста» служит следующее утверждение: рассредоточенное и неупорядоченное распределение экономического потенциала по территории государства приводит к формированию перспективных к развитию производственных комплексов в субъектах Российской Федерации. Эта ситуация принимается как данность. Отстающие регионы испытывают сложности, проигрывая конкуренцию более развитым территориям. Финансовый инструмент концепции «полюсов роста» предполагает создание межрегиональных экономических систем, которые служат проводниками движения труда и капитала из развитых регионов в регионы отстающие.

На практике ни один из названных подходов в чистом виде не реализуется. Можно утверждать о применении в реальной практике третьего — смешанного подхода к реализации региональной экономической политики. Именно он присущ Российской Федерации. Данный подход предполагает сочетание мер, предусмотренных как политики выравнивания, так и концепции «точек роста».

Таким образом, существует три подхода реализации региональной политики: «политика выравнивания», «теория полюсов роста» и третий — «смешанный» подход. То, что в России характерен именно третий подход, в целом неудивительно. Развитие субъектов Российской Федерации происходит неравномерно. И при всем понимании необходимости обеспечения сопоставимого качества жизни населения по всей территории России следует принимать решения для создания условий прорывных решений, создания условий реализации возможностей регионов, располагающих повышенным потенциалом экономического роста.

При проведении региональной политики используется весь арсенал методов регулирования регионального развития. В том числе имеющих прямой и косвенный характер воздействия. Финансовые инструменты реализации региональной политики, бесспорно, имеют свое собственное и вполне конкретное содержание, преследуют свои цели и задачи, формы организации. Но нельзя не признать, что в них находят конкретизацию определенные текущими потребностями направления развития народного хозяйства. Эта конкретизация требует учета выбранного варианта развития экономики, поскольку без этого невозможно адекватным образом определить приемлемые ресурсы реализации, источники финансирования.

Крайне важным является учет организационных условий применения финансовых инструментов. В процессе государственного строительства происходит формализация методов государственного регулирования и возникшие при этом формы могут содержать в себе такие методы управления, которые с течением времени утрачивают эффективность и не позволяют найти адекватные решения в изменившихся условиях.

Весьма показательным выступает опыт преодоления кризисов последних лет. В период пандемии COVID-19 регионы оказались в условиях невозможности наращивать не только потенциал внешнеэкономических связей и сотрудничества, но и даже тот потенциал, который заложен на уровне межрегионального взаимодействия внутри страны. Многие отрасли экономики, особенно связанные со сферой услуг и производственной инфраструктуры, оказались в крайне сложном положении, были вынуждены резко сворачивать свои долгосрочные планы развития. В этих условиях именно общегосударственная политика и меры финансово-экономического содержания оказались единственным ресурсом, позволившим избежать не только банкротства отдельных предприятий, но и краха экономики отдельных отраслей и регионов.

Вторым ударом по экономике России оказались масштабные санкционные воздействия со стороны так называемого «коллективного Запада» после начала специальной военной операции в феврале 2022 г. Это воздействие еще больше усугубило разрыв внешнеэкономических связей и послужило причиной радикальной трансформации всей системы мировой экономики и финансов. Региональная политика России опять-таки оказалась в условиях необходимости усиления государственной поддержки. Механизмы рыночного саморегулирования не позволяют рассматривать состояние отдельных отраслей в традиционных для развития рыночной экономики условиях. Если ранее органы государственной власти стремились к формированию среды, в которой свободные хозяйствующие субъекты, конкурируя друг с другом, принимали решение о перспективных для них направлениях развития, то после событий 2022 г. государственная поддержка стала условием существования отдельных отраслей и регионов России.

Российский бизнес и органы управления территориями — субъекты Российской Федерации и местное самоуправление, находятся в зависимости от решений высших органов государственной власти, которые формируют основы условий ведения хозяйственной деятельности в будущем. С точки зрения региональной политики принимаемые меры помимо решения органов власти должны содержать в себе ответы на вопросы формирования определенного режима работы региональных экономик. Искомый режим предполагает положительную динамику показателей уровня и качества жизни населения в регионах страны. Он содержит в себе механизмы устойчивого развития экономики, соблюдение сбалансированности роста национальной экономики и экономики регионов, решение социальных задач, задач обеспечения безопасных условий проживания, не ухудшения состояния природной среды, состояния природных ресурсов и пр. [4]. Иными словами, решения всех тех вопросов, которые были актуальны до наступления кризиса в нашей стране последних лет.

При всей уникальности текущего положения Российской Федерации не следует рассматривать проблематику региональной политики вне контекста ее изначальных функций в системе государственного регулирования и управления. Генеральные цели региональной политики остаются неизменными и предусматривают формирование устойчивых региональных систем, обеспечивающих стабильный поступательный рост качества жизни населения в целом [9].

При сопоставлении с практикой целеполагания, которая была распространена в начале рыночных преобразований, текущие генеральные цели предполагают недопущение ситуации, при которой развитие одной территории страны осуществлялось бы в ущерб развитию других ее территорий, предусматривало бы усиление неравномерности развития территории государства.

События последних лет поставили сложные задачи в сфере социально-экономического развития и региональной политики Российской Федерации. Пандемия COVID-19, санкции в отношении России со стороны США и их союзников в качестве реакции на события, происходящие на Украине, высокая волатильность на финансовых и сырьевых рынках, односторонний пересмотр договоренностей во внешнеэкономических связях России со стороны зарубежных партнеров не могли не сказаться на возможностях применения финансовых инструментов в региональной политике. Возникла необходимость использования режима ручного управления, что потребовало корректировки значительного количества документов стратегического планирования в отношении отраслей и регионов России.

В свете происходящих событий вопросы расстановки приоритетов при реализации антикризисной политики на текущий период времени в целом остались прежними [10]. Это — обеспечение общей финансовой стабильности в Российской Федерации, осуществление мер секторального и отраслевого воздействия по поддержанию финансовой устойчивости, а также мер обеспечения должного качества и условий жизни населения за применением финансовых механизмов сбалансированности региональных бюджетов.

Обсуждение

Действующими нормами законодательства России субъектам Российской Федерации предоставляется возможность установления льгот и преференций по ряду налогов. Предоставление пониженных ставок, льгот и преференций ведет к выпадению части средств из доходов в консолидированные бюджеты. Использование налоговых льгот является одним из хорошо изученных механизмов стимулирования экономического развития. Для поиска наибольших эффектов от применения данного механизма следует подробно исследовать вопросы установления перечня

налогов, льготы по которым будут являться стимулом к развитию экономики, размеры устанавливаемых льгот и категории их получателей. Не теряющим актуальность является вопрос оценки эффективности использования льгот.

К сожалению, сложилась практика замалчивания информации о результатах политики предоставления преференций. Без решения этого вопроса в виде обязательного условия получения права на предоставление льготы со стороны органов власти добиться положительных результатов стимулирования социально-экономического развития не удастся.

В тесной взаимосвязи с налоговыми находятся трансфертные инструменты. И решения о передаче прав по предоставлению льгот должны сопоставляться с возможностями решения вопросов территориального развития путем передачи (субвенции, дотации, субсидии) средств между уровнями бюджетной системы. Фундаментальным противоречием функционирования системы региональных финансов является неравномерность распределения средств между регионами размещения производственных мощностей предприятий и организаций и регионами, в которых зарегистрированы эти компании, в пределах которых уплачиваются налоги и платежи. Эти же проблемы существуют во взаимодействии не только при рассмотрении федерального и регионального уровней государственного управления, но и внутри субъектов Российской Федерации, при сопоставлении динамики социально-экономического развития муниципальных образований в пределах регионов.

Теоретически достижению целей региональной политики могли бы послужить создание специализированных фондов для решения определенного комплекса узловых системообразующих проблем территорий. Однако применение этого инструмента в практике управления весьма ограничено. В практике управления действенными механизмами этой группы являются только целевые бюджетные фонды, в том числе резервные, инвестиционные и дорожные фонды.

Следует отметить финансовый инструментарий, связанный с привлечением заемных средств путем выпуска региональных и муниципальных облигаций, а также привлечение банковских и бюджетных кредитов. Но кредиты ориентированы только на погашение кассовых разрывов и покрытие дефицита бюджетов и условия их получения в малой степени зависят от заемщика. С точки зрения обеспечения социально-экономического развития следует обратить внимание на региональные и муниципальные ценные бумаги. Пока этот ресурс можно рассматривать как недостаточно вовлеченный в практику работы органов власти. Тому есть немало причин, которые носят системный характер, и устранение их требует серьезных структурных трансформаций экономики.

Инструменты, предполагающие вовлечение населения в процессы принятия решений о распределении ресурсов для решения социально значимых проблем, можно рассматривать в контексте возможности самообложения населения. Действительно, возможности использования этого инструмента участия населения в обустройстве и социально-экономическом развитии территории существуют. Есть интересный зарубежный опыт, накопленный в странах с высоким средним уровнем доходов населения. Но повсеместность его применения сомнительна. Даже в экономически развитых странах присутствуют регионы, в которых реальные располагаемые доходы населения невысоки. Именно в этих регионах наблюдаются наиболее острые социальные проблемы, требующие скорейшего разрешения. И здесь без участия органов власти не обойтись.

В России применяется практика самообложения граждан. Возможность ее использования предусмотрена законодательством о местном самоуправлении, и именно на этом уровне она чаще всего применяется для решения конкретных вопросов местного значения. Применение методов самообложения граждан весьма ограничено как в объемах привлекаемых средств, так и в территориальном срезе.

Такой подход уже позволяет привлекать в более полном объеме практики инициативного (партисипаторного) бюджетирования¹, которые получили распространение в России в последние годы. Эти практики заключаются в организации наиболее тесного взаимодействия власти и населения в рамках бюджетного процесса. В данном случае предполагается, что население принимает участие не только в оценке конечных результатов бюджетирования, но и на стадии формирования направлений расходования бюджетных средств.

Российская Федерация включилась в процессы развития технологий инициативного бюджетирования и открытого бюджета относительно недавно. Реализация проектов происходит при непосредственном участии Министерства финансов Российской Федерации. Технологии инициативного бюджетирования получили в России несколько иное наименование — инициативное бюджетирование. Меры, принимаемые Минфином России в отношении открытости бюджета, достаточно категоричные. Установлены требования не просто открытости данных о бюджете на местах, но и представление его в форме, доступной для ознакомления лицам, не имеющим специальной подготовки, — проект «Бюджет для граждан».

Следует отметить, что помимо рекомендованных Минфином России, в текущей работе многие проекты реализуются на инициативной основе, внедряются при содействии международных организаций. В Российской Федерации накоплен довольно разнообразный опыт применения принципов инициативного бюджетирования, который требует изучения.

Заключение

В процессе становления региональной политики в России происходила смена подходов к пониманию ее содержания, целей и механизмов реализации. Устранение диспропорций социально-экономического развития регионов невозможно без участия государственной власти. События последних лет поставили сложные задачи в сфере социально-экономического развития и региональной политики Российской Федерации. В настоящее время региональная политика реализуется на практике через совокупность разнообразных мер. Меры финансового регулирования, в данном случае, выступают в качестве ресурсного обеспечения формирования институтов региональной экономики. Из всего разнообразия финансовых инструментов региональной политики в современных условиях необходимо выделить следующие:

- во-первых, меры по обеспечению сбалансированного развития территорий, перераспределения фискальной нагрузки и осуществления затрат для насыщения территорий достаточным количеством средств;
- во-вторых, сосредоточение финансовых ресурсов для выполнения крупномасштабных проектов, как правило, связанных с развитием инфраструктуры территории;
- в-третьих, формирование на территории условий для привлечения заемных средств и централизованного решения комплексных проблем социально-экономического развития;
- в-четвертых, инструменты, предполагающие вовлечение населения в процессы принятия решений о распределении ресурсов для решения социально значимых проблем, наиболее важных для создания комфортных условий проживания.

¹ Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации (в ред. от 05.12.2023). Министерство финансов Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/proactive_bud?id_65=305101 (дата обращения: 20.01.2024).

Литература

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов. 3-е изд. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 492 с.
2. Елсуков М. Ю. Территориально-отраслевая структура экономики: подходы к изучению и к управлению // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 3(15). С. 104–112.
3. Климанов В. В. Региональные системы и региональное развитие в России. Изд. 2-е, стер. М. : УРСС, 2004. 293 с.
4. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы = State and regions: теория и практика государственного регулирования территориального развития. 6-е изд., стер. / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. М. : URSS, 2012. 366 с.
5. Региональная политика: институты, субъекты, технологии : монография / А. В. Федякин, И. В. Федякин, В. В. Наугольных [и др.] ; под общ. ред. проф. А. В. Федякина. М. : Социально-политическая мысль, 2021. 346 с.
6. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период: монография / С. С. Артоболевский [и др.] ; под общ. ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. 316 р.
7. Сурилов М. Н. Формирование региональной инновационной политики в условиях пространственной интеграции Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2020. 158 с.
8. Территориальное планирование на уровне субъектов России : монография / А. И. Чистобаев, О. В. Красовская, С. В. Скатерщиков. СПб. : Инкери, 2010. 295 с.
9. Ходачек В. М. Стратегическое планирование и государственное регулирование экономики на региональном уровне. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2000. 130 с.
10. Экономика и финансы региона. Современные тенденции : монография / М. М. Богданова, И. Н. Воблая, Н. А. Гаража [и др.] ; под общ. ред. И. К. Мищенко. М. : ИНФРА-М, 2023. 227 с.

Об авторах:

Елсуков Михаил Юрьевич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент, elsukov-my@ranepa.ru

Москаленко Валерий Николаевич, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), vmoskalenko-18-01@edu.ranepa.ru

References

1. Granberg A. G. Fundamentals of regional economics : textbook. for universities. 3rd ed. M.: State University Higher School of Economics, 2003. 492 p.
2. Elsukov M. Yu. Territorial-sectoral structure of the economy: approaches to study and management // Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPa [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2014. T. 5. N 3(15). P. 104–112.
3. Klimanov V. V. Regional systems and regional development in Russia. Ed. 2nd., erased. M.: URSS, 2004. 293 p.
4. Leksin V. N., Shvetsov A. N. State and regions = State and regions: theory and practice of state regulation of territorial development / V. N. Leksin, A. N. Shvetsov. 6th ed., erased. M.: URSS, 2012. 366 p.
5. Regional policy: institutions, subjects, technologies : monograph / A. V. Fedyakin, I. V. Fedyakin, V. V. Naugolnykh and others ed. prof. A. V. Fedyakina. M.: Socio-political thought, 2021. 346 p.
6. Regional development and regional policy of Russia in the transition period : monograph / S. S. Artobolevsky [et al.] / under the general ed. of I. K. Mishchenko. S. S. Artobolevsky, O. B. Glezer. M.: Publishing house of MSTU im. N. E. Bauman, 2011. 316 p.
7. Surilov M. N. Formation of regional innovation policy in the conditions of spatial integration of the Russian Federation : dis. ... candidate of economic sciences : 08.00.05. M., 2020. 158 p.
8. Territorial planning at the level of constituent entities of Russia: monograph / A. I. Chistobaev, O. V. Krasovskaya, S. V. Skaterschikov. St. Petersburg: Inkeri, 2010. 295 p.

9. Khodachek V.M. Strategic planning and state regulation of the economy at the regional level. St. Petersburg: Publishing house SZAGS, 2000. 130 p.
10. Economics and finance of the region. Modern trends: monograph / M. M. Bogdanova, I. N. Voblaya, N.A. Garazh [et al.] ; under the general ed. of I.K. Mishchenko. M.: INFRA-M, 2023. 227 p.

About the authors:

Mikhail Yu. Elsukov, Associate Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor; elsukov-my@ranepa.ru

Valery N. Moskalenko, graduate student of the Department of Economics, North-West Institute of Management RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation); vmoskalenko-18-01@edu.ranepa.ru

Анализ взаимосвязи инновационного потенциала и уровня развития инновационной инфраструктуры

Лосев Е. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; LE1986@mail.ru

РЕФЕРАТ

Успешное развитие экономики в современных условиях во многом определяется ее способностью воспроизводить инновации. В этой связи особое внимание и в научных исследованиях, и на практике уделяется развитию инновационного потенциала на различных уровнях экономики (макро-, мезо-, микро-) с тем, чтобы создать предпосылки для устойчивого инновационного развития. Реализация этого потенциала и его величина зависят от многих факторов. В статье анализируется взаимосвязь инновационного потенциала и уровня развития инновационной инфраструктуры экономики. Показано, что эти два элемента не только тесно связаны, но и оказывают друг на друга стимулирующее воздействие. Выявленные эффекты взаимного влияния инновационного потенциала и инновационной инфраструктуры могут быть учтены при реализации экономической политики, ориентированной на ускорение инновационного развития российской экономики.

Ключевые слова: экономическая система, экономическое развитие, инновационное развитие, инновационная система, инновационная инфраструктура

Для цитирования: Лосев Е. А. Анализ взаимосвязи инновационного потенциала и уровня развития инновационной инфраструктуры // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 97–105.

Analysis of the Relationship of Innovation Potential and the Development of Innovation Infrastructure Level

Evgeniy A. Losev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation; LE1986@mail.ru

ABSTRACT

The successful development of the economy in modern conditions is largely determined by its ability to reproduce innovations. In this regard, special attention both in scientific research and in practice is paid to the development of innovative potential at various levels of the economy (macro, meso, micro) in order to create the prerequisites for sustainable innovative development. The realization of this potential and its magnitude depend on many factors. The article analyzes the relationship between innovation potential and the level of development of the innovation infrastructure of the economy. It is shown that these two elements are not only closely related, but also have a stimulating effect on each other. The identified effects of the mutual influence of innovation potential and innovation infrastructure can be considered when implementing economic policies aimed at accelerating the innovative development of the Russian economy.

Keywords: economic system, economic development, innovative development, innovation system, innovation infrastructure

For citing: Losev E. A. Analysis of the Relationship of Innovation Potential and the Development of Innovation Infrastructure Level // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 97–105.

Введение

Развитие любой системы базируется на использовании совокупности обеспечивающих это развитие элементов, которые обобщенно именуются «инфраструктура» [2]. В частности, инновационная инфраструктура, являясь важным элементом инновационного потенциала экономики, обеспечивает условия развития инновационной системы. В этой связи можно предположить, что существует связь между уровнем развития инновационной инфраструктуры и величиной инновационного потенциала. В дальнейшем исследовании мы проверим корректность этой гипотезы.

Для начала определимся с понятийным аппаратом. Инновационный потенциал представляет собой совокупность возможностей экономической системы к инновационному развитию. Он, как мы описывали ранее [9], определяет способность организаций, регионов или страны в целом разрабатывать и внедрять разные типы инноваций (продуктовых и процессных). Инновационная инфраструктура представляет собой систему институтов, которые позволяют успешно протекать процессам инновационной деятельности, начиная от инициации инноваций до их коммерциализации и диффузии.

Материалы и методы

Российские исследователи рассматривают инновационные системы, как правило, на двух уровнях: национальные инновационные системы; региональные инновационные системы. Проведенный мониторинг публикаций по рассматриваемой теме [1, 3, 6, 12–14] показал, что развитая инновационная инфраструктура (например, наличие технологических платформ, квалифицированных кадров, реализация мер поддержки, доступ к финансовым ресурсам и т. д.) позволяет увеличивать инновационный потенциал на всех уровнях — организации регионов, страны. В этой связи изучение взаимосвязи между инновационным потенциалом и уровнем развития инновационной инфраструктуры является актуальной задачей.

Цель исследования — изучение взаимосвязи между инновационным потенциалом и уровнем развития инновационной инфраструктуры в контексте стремления к повышению конкурентоспособности экономики. Понимание такой взаимосвязи позволит выявить факторы, способствующие росту инновационного потенциала, определить требуемый размер инвестиций в инновационную деятельность, сформировать благоприятные условия для разработки новых или усовершенствованных товаров (работ, услуг), сформировать предпосылки устойчивого роста инновационной активности и создать благоприятную среду для прогрессивного экономического роста инновационного типа.

Результаты и обсуждение

Чтобы определить влияние инновационной инфраструктуры на инновационный потенциал экономических систем различного уровня, следует определить содержание соответствующих концепций инновационных систем. Гипотеза национальной инновационной системы получила развитие в 1980-х гг. В ее основе лежит положение о развитии и распространении инноваций и технологий первоначально в пределах государственных границ, в рамках национального государства. Инновационная среда и инновационные сети рассматриваются внутри страны — наряду с анализом деятельности национальных акторов [8, с. 104].

Один из основоположников концепции национальной инновационной системы — К. Фримен — предложил понимать под ней «сеть институтов в государственном и частном секторах, чья активность и взаимодействие создают, импортируют,

модифицируют и распределяют новые технологии» [18]. Понятие институтов в данном определении имеет двойственный смысл — и как общественные отношения, нормы, правила, и как экономические субъекты (организации).

Развитие эта концепция получила в трудах Б. Лундвалла, который определил национальную инновационную систему как элементы и связи, взаимодействующие в процессе производства, распространения и использования нового и экономически полезного знания [19]. Это определение оставляет открытым вопрос о том, какой смысл вкладывал автор в понятие «элементов». Кроме того, отсутствуют четкие критерии отнесения знания к экономически полезному.

Н. Иванова определяет национальную инновационную систему как совокупность организаций частного и государственного секторов экономики, ведущих НИР, осуществляющих производство и реализацию высокотехнологичной продукции (университеты и академии, крупные и мелкие компании, федеральные центры и региональные технопарки), а также управление и финансирование инновационной деятельностью. Не менее важная часть национальной инновационной системы — институциональная среда, т. е. совокупность законодательных актов, норм, правил и ведомственных инструкций, определяющих формы, методы и интенсивность взаимодействия всех субъектов рынка, занятых инновационной деятельностью, с другими сегментами национальной экономики [7]. Это определение согласуется с заложенным К. Фрименом смыслом и детализирует состав включаемых в национальную инновационную систему институтов.

В. В. Цветцых и Ю. В. Федорова предлагают следующее определение национальной инновационной системы: «Комплекс законодательных, структурных и функциональных элементов, которые непосредственно принимают участие в процессе формирования и внедрения научных знаний и технологий, обеспечивая тем самым экономические, организационные, социальные и правовые условия, обеспечивающие динамичное инновационное развитие» [16].

Концепция региональных инновационных систем отказывается от трактовки национальной инновационной системы как гомогенной среды. К. Омае указывает, что в условиях глобализации государство «не представляет никакой истинной общности экономических интересов» [19].

В границах одного государства фиксируется дифференциация уровня промышленного развития, инновационной мощности и степени интеграции в глобальный поток знаний отдельных регионов. Это позволяет утверждать, что инновационные системы могут формироваться на региональном уровне. Здесь необходимо уточнить, что исследователи вкладывают в термин «регион» различный территориальный смысл: от интеграционных группировок стран до частей стран [17], отдельных городов и даже городских районов. Для российских исследователей типичен подход к регионам как административным образованиям [20].

Д. Морган и Ф. Кук рассматривают в качестве региональных инновационных систем «регионы, которые обладают полным набором инновационных организаций, погруженных в институциональную среду ... где системные связи и интерактивное общение между инновационными субъектами являются нормой, к ним подходит обозначение региональной инновационной системы» [19, р. 37].

Э. А. Диваева определяет региональную инновационную систему по аналогии с национальной инновационной системой как «комплекс (совокупность) организаций, иницирующих и осуществляющих производство новых знаний, их распространение и использование, способствующие финансово-экономическому, правовому и информационному обеспечению инновационных процессов и функционирующих в едином социокультурном пространстве, взаимосвязанных между собой и имеющих постоянно устойчивые взаимоотношения» [5, с. 37].

Близкой позиции придерживается К. Л. Жихарев, представляющий региональную инновационную систему как национальную со всеми ее признаками и характеристиками, но меньшим географическим «ареалом обитания» [6].

В целом отечественными учеными региональная инновационная система рассматривается как сегмент и необходимое условие существования национальной инновационной системы. Это позволяет рассматривать место инфраструктурного компонента в региональных и национальных инновационных системах на основе аналогичных методологических подходов с обязательным учетом специфики регионального инновационного процесса.

В инновационных системах можно выделить два макроблока: производство инноваций (ядро); инновационная инфраструктура. Связь между подсистемами региональной инновационной системы, входящими в макроблоки, обеспечивается с помощью потоков знаний, информации и технологий. Механизмы передачи знаний обеспечивают их коммерциализацию, а потоки информации и технологий определяют инновационный процесс.

Г. В. Снегирев и Е. В. Моргунов группируют все многообразие потоков в четыре блока: кооперация предприятий, совместная исследовательская деятельность; взаимодействие университетов и государственных научных учреждений с предприятиями на основе нормативно-правовой базы и ведения совместной исследовательской деятельности; диффузия инноваций (распространение технологий); неявные знания, передающиеся за счет мобильности рабочей силы [11].

Взаимодействие между подсистемами инновационной системы — обязательное условие активизации инновационного процесса, и оно обеспечивается именно инновационной инфраструктурой. Инновационная инфраструктура представляет собой совокупность институтов, организаций и физических лиц, которые обеспечивают условия и возможности для производства и реализации инноваций [10].

Приведенное определение обобщает легальный подход, в соответствии с которым (Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике») инновационная инфраструктура рассматривается как совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг.

Таким образом, инновационная инфраструктура — это специфическая подсистема инновационной системы, обеспечивающая взаимосвязь между остальными подсистемами. Специфика роли инновационной инфраструктуры определяется тем фактом, что она обеспечивает формирование благоприятных условий для развития инновационной деятельности, поддержки участников инновационного процесса. Инновационная инфраструктура инновационной системы не только обеспечивает участникам инновационной деятельности доступ к необходимым услугам и ресурсам, но и способствует достижению эволюционно-синергетического эффекта [4, с. 72].

Инновационная инфраструктура, являясь частью инновационного потенциала, определяет возможности воплощения потенциала в инновационном развитии и влияет на формирование прочих компонентов потенциала путем реализации следующих функций:

- интеграционная. Инфраструктура обеспечивает интеграцию между подсистемами инновационной системы — в частности, между подсистемой получения знания («наука») и подсистемой производства наукоемкой продукции («промышленность»), а также между инфраструктурными элементами, органами власти различного уровня и рынком наукоемких технологий;
- внедренческая. Инновационная инфраструктура требуется для успешного завершения инновационного процесса, состоящего в передаче на рынок (внедрении) научно-технической разработки;

- ресурсообеспечивающая. На инновационную инфраструктуру возлагается решение вопросов обеспечения инновационного процесса как «реальными» (материальными, интеллектуальными, кадровыми), так и финансовыми ресурсами;
- организационно-управленческая. Инновационная инфраструктура должна содержать управляющую структуру, в которую входят специализированные организации, созданные для управления инновациями, отвечающие за разработку и реализацию инновационной политики в инновационной системе, ее координацию и функционирование, нормативно-правовое обеспечение. За счет этого достигается создание упорядоченной совокупности взаимосвязанных инфраструктурных элементов;
- стимулирующая. Благодаря существованию и развитию инновационной инфраструктуры формируются благоприятные условия для реализации инновационного процесса.

Г. Ф. Деттер и И. Л. Туккель указывают [4, с. 73], что в дополнение к основным функциям инновационная инфраструктура обладает специфическими функциями:

- ориентация на решение задач социально-экономического развития страны или региона. Эта функция определяет системообразующую роль инновационной инфраструктуры и тесно связана с ее адаптационными свойствами. Инновационная инфраструктура способствует повышению ответственности региональных органов власти;
- самосовершенствование и самоорганизация инфраструктуры. Реализация этой функции осуществляется за счет формирования адаптирующих и компенсаторных элементов;
- обеспечение напряженности и качества связей элементов инфраструктуры, а также с элементами подсистем социально-экономической системы страны или региона, и внешних связей — основы инновационной среды.

Инновационная инфраструктура не только стимулирует и поддерживает инновационное развитие и наращивание инновационного потенциала, но и способствует снижению рисков частных инвесторов (в частности, за счет обеспечения экспертной и финансовой поддержки), что приводит к активизации инвестиций. Инновационная инфраструктура может быть представлена как система, включающая составляющие, во взаимодействии которых складывается синергетический эффект. Среди исследователей отсутствует единая позиция относительно числа и состава элементов.

По мнению многих авторов, инновационная инфраструктура включает финансовую, экспертно-консалтинговую, материальную, информационную и кадровую подсистемы. Ряд авторов указывают информационный, финансовый, консалтинговый, кадровый, сбытовой, производственно-технологический и другие компоненты [10].

Назначение инвестиционно-финансового компонента состоит в том, чтобы обеспечить доступ к финансовым ресурсам для инновационных организаций. Развитие невозможно без активного инвестирования в инновации как на уровне предприятий, так и на уровне регионов — и не всегда инновационно-активные субъекты имеют достаточный объем собственных средств. В таком случае могут быть задействованы различные денежные инструменты (банковское кредитование, облигации, участие в целевых программах, государственный займ, лизинг и т. д.). К этому компоненту относятся такие организации, как венчурные, страховые, бюджетные фонды и другие финансовые институты.

Кадровый компонент обеспечивает выявление проблем, связанных с подготовкой кадров для инновационной деятельности, и выработку путей нейтрализации подобных негативных состояний. В рамках кадровой составляющей производится развитие системы подготовки кадров по тем направлениям, которые востребованы со стороны инновационной деятельности, а также осуществляются мероприятия

по удержанию специалистов на территории. К этому компоненту относятся высшие учебные заведения (академии, институты, университеты), опытно-конструкторские бюро, специализированные организации по обучению в сфере инноваций.

Роль сбытового компонента состоит в том, чтобы обеспечивать конкурентоспособность инновационной продукции решать проблемы ее продвижения на рынок (через посреднические фирмы, выставки, профессиональные объединения). Ключевые процессы, реализуемые в рамках сбытового компонента: исследование рыночных потребностей; разработка стратегии для поэтапного вывода продукции на рынок; конструирование нового продукта или модернизация существующего в соответствии с выявленными потребностями; разработка методов (тактики) продвижения инновационной продукции.

Экспертно-консалтинговый компонент инновационной инфраструктуры строится на работе организаций, деятельность которых ассоциирована с интеллектуальной собственностью, стандартизацией, сертификацией. Рассматриваемая составляющая функционирует в неразрывной связи с инвестированием и формированием маркетинговых стратегий. Ценность экспертно-консалтинговых ресурсов объясняется тем, что приобретаются они только с опытом. Благодаря тому, что субъекты инновационной деятельности получают доступ к внешним ресурсам такого рода, повышается инновационная культура (за счет внедрения в практическую деятельность знаний о передовом опыте, в том числе международном). Консалтинговые ресурсы выполняют интегрирующую, трансформационную, стимулирующую, идеологическую и институциональную функцию, способствующие достижению целей инновационной системы. Благодаря экспертно-консалтинговому компоненту рационализируется инновационный процесс, оптимизируются комбинации задействованных ресурсов; ускоряется внедрение опыта и знаний в хозяйственную практику, интеллектуальные продукты вовлекаются в экономический оборот; снижаются связанные с использованием информации и объектов интеллектуальной собственности транзакционные издержки субъектов инновационной деятельности; оптимизируется экономическое поведение субъектов инновационной деятельности.

Информационный компонент инновационной инфраструктуры объединяет информационные центры, базы и банки знаний и данных, системы связи, центры хранения, передачи и обработки информации. Деятельность всех организаций, относящихся к этому компоненту, направлена на развитие и повышение эффективности функционирования информационного взаимодействия. Важнейшие блоки информации, доступ к которой должна обеспечивать информационная составляющая инновационной инфраструктуры: сведения о субъектах инновационной деятельности (включая информацию о реализованных проектах); сведения о разработанных инновациях (результатах научных изысканий); сведения об объектах интеллектуальной собственности (патентах, лицензиях).

Важнейшим инструментом информационного взаимодействия выступают современные цифровые информационно-коммуникационные технологии, в том числе сетевые. Интернет-технологии переводят инновационные отношения в электронный формат, отличающийся низкой транзакционной стоимостью и высокой скоростью обмена данными. В качестве примера успешной информационно-технологической системы можно указать CORDIS (The Community Research and Development Information Service — Информационная служба Сообщества по исследованиям и разработкам — общедоступный репозиторий информации о проектах, собранной в Европейской комиссии [15]).

Производственно-технологический компонент инновационной инфраструктуры включает в себя элементы, обеспечивающие доступ субъектам инновационной деятельности к производственным ресурсам — помещениям, оборудованию, научным приборам и т. д. [10, с. 42].

Инновационная инфраструктура может быть представлена как инвариантная модель, обеспечивающая взаимодействие между социальными и производственными звеньями. Инновационная инфраструктура объединяет человеческий капитал (интеллектуальную инфраструктуру), производственно-финансовую, политико-правовую, транспортно-логистическую, научно-образовательную, региональную, социальную, бизнес-маркетинговую инфраструктуры.

Инновационная инфраструктура включает ряд специфичных институтов, каждый из которых реализует определенные функции. К ним относятся бизнес-инкубаторы, определяемые в соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 14.03.2019 № 125, бизнес-акселераторы, индустриальный (промышленный) парк, определяемый в соответствии с Федеральным законом от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» кластеры, наукограды, особые экономические зоны и другие объекты инновационной инфраструктуры.

Заключение

Таким образом, взаимодействие между подсистемами инновационной системы — обязательное условие активизации инновационного процесса, и оно обеспечивается именно инновационной инфраструктурой. Инновационная инфраструктура представляет собой совокупность институтов, организаций и физических лиц, которые обеспечивают условия и возможности для воспроизводства инноваций. Важно разграничивать субъекты инновационной деятельности и организации, входящие в инновационную инфраструктуру. Инновационная инфраструктура — это специфическая подсистема инновационной системы, обеспечивающая взаимосвязь между остальными подсистемами. Инновационная инфраструктура, являясь частью инновационного потенциала, определяет возможности воплощения потенциала в инновационном развитии и влияет на формирование прочих компонентов потенциала.

Литература

1. Бабкин А. В., Васильев Ю. С., Барабанер Х., Здольникова С. В. Инструментарий и организационно-экономический механизм управления инновационным потенциалом интегрированных промышленных структур и комплексов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 4 (34). С. 30–35.
2. Вертакова Ю. В., Леонтьев Е. Д., Плотников В. А. Развитие технической инфраструктуры обеспечения кластерного развития экономики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5–1. С. 322–331.
3. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкерровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 5–20.
4. Деттер Г. Ф., Туккель И. Л. О принципах проектирования региональных инновационных экосистем // Инновации. 2016. № 1 (207). С. 70–78.
5. Диваева Э. А. Региональная инновационная система как объект анализа и оценки // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 12(195). С. 37–42.
6. Жихарев К. Л. Содержание и сущность концепции региональной инновационной системы // Российский экономический интернет-журнал. 2011. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2011/Zhiharev210/pdf> (дата обращения: 26.03.2024).
7. Иванова Н. Национальные инновационные системы в глобальном контексте // Человек и труд. 2004. № 5. С. 62–64.
8. Ковалев Ю. Ю. Инновационный сектор мировой экономики: понятия, концепции, индикаторы развития. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 180 с.
9. Лосев Е. А. Оценка инновационного потенциала Российской Федерации в условиях санкций // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сб. науч. статей 13-й всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2023. С. 100–104.

10. Мищенко И. Г. Оценка развития и устойчивости функционирования региональной инновационной инфраструктуры : дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2023. 238 с.
11. Моргунов Е. В., Снегирев Г. В. Национальная (государственная) инновационная система: сущность и содержание // Собственность и рынок. 2004. № 7. С. 10–21.
12. Мошин А. Ю. Инновационное развитие промышленных предприятий в условиях роста неопределенности внешней среды. М.: Директ-Медиа, 2021. 384 с.
13. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Государственная инвестиционная политика как инструмент преодоления угроз национальной экономической безопасности, вызванных антироссийскими санкциями // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 7. С. 747–762.
14. Соловейчик К. А., Микитась А. В., Аркин П. А. Методологические подходы к определению терминологии в области наукоемкого производства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5(125). С. 9–18.
15. Стратегирование национальных и региональных инновационных систем / под ред. Д. Н. Гнатенко. М.: Бюджет, 2021. 58 с.
16. Цветцых А. В., Федорова Ю. В. Сущность и место бизнес-акселератора в системе инновационной инфраструктуры региона // Решетниковские чтения. 2013. Т. 2, № 17. С. 385–386.
17. De Noronha Vaz E., Maria T., Galindo P. V., Nijcamp P. The Firms Behind the Regions: Analysis of Regional Innovation Performance in Portugal by External Logistic Biplots [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2321155 (дата обращения: 20.02.2024).
18. Freeman Ch. The 'National System of Innovation' in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19, N 1 P. 5–24.
19. Freeman Ch., Clark J., Soete L. Unemployment and Technical Innovation: A Study of Long Waves and Development. London : Frances Pinter, 1982. 214 p.
20. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Theoretical aspects of considering the dynamic characteristics of socioeconomic systems in the management of regional development // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 89–95.

Об авторе:

Лосев Евгений Алексеевич, соискатель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; LE1986@mail.ru

References

1. Babkin A.V., Vasiliev Yu.S., Barabaner Kh., Zdolnikova S.V. Toolkit and organizational and economic mechanism for managing the innovative potential of integrated industrial structures and complexes // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2017. N 4 (34). P. 30–35. (In Russ.)
2. Vertakova Yu.V., Leontyev E. D., Plotnikov V.A. Development of technical infrastructure to support cluster economic development // News of the Tula State University. Economic and legal sciences [Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki]. 2014. N 5–1. P. 322–331. (In Russ.)
3. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Strategy for innovative development of Russia: management problems of implementation // Drucker Bulletin [Drukerovskii vestnik]. 2020. N 1 (33). P. 5–20. (In Russ.)
4. Detter G.F., Tukkel I.L. On the principles of designing regional innovation ecosystems // Innovations [Innovatsii]. 2016. N 1 (207). P. 70–78. (In Russ.)
5. Divaeva E.A. Regional innovation system as an object of analysis and assessment // Regional economics: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2011. N 12 (195). P. 37–42. (In Russ.)
6. Zhikharev K.L. Content and essence of the concept of a regional innovation system // Russian Economic Internet Journal [Rossiiskii Ekonomicheskii Internet Journal]. 2011. N 2 [Electronic resource]. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2011/Zhiharev210/pdf> (accessed: 03.26.2024).
7. Ivanova N. National innovation systems in a global context // Man and work [Chelovek i trud]. 2004. N 5. P. 62–64. (In Russ.)

8. Kovalev Yu.Yu. Innovative sector of the world economy: concepts, concepts, development indicators. Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2016. 180 p. (In Russ.)
9. Losev E.A. Assessing the innovative potential of the Russian Federation under sanctions // Research of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development. Collection of scientific articles of the 13th All-Russian scientific and practical conference with international participation. Kursk, 2023. P. 100–104. (In Russ.)
10. Mishchenko I.G. Assessment of the development and sustainability of the functioning of regional innovation infrastructure: dissertation ...cand. econ. sci. Belgorod, 2023. 238 p. (In Russ.)
11. Morgunov E.V., Snegirev G.V. National (state) innovation system: essence and content // Property and Market [Sobstvennost' i rynek]. 2004. N 7. P. 10–21. (In Russ.)
12. Moshin A.Yu. Innovative development of industrial enterprises in conditions of growing uncertainty in the external environment. Moscow: Direct-Media, 2021. 384 p. (In Russ.)
13. Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. State investment policy as a tool for overcoming threats to national economic security caused by anti-Russian sanctions // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2023. Vol. 29. N 7. P. 747–762. (In Russ.)
14. Soloveychik K.A., Mikitas A.V., Arkin P.A. Methodological approaches to defining terminology in the field of knowledge-intensive production // News of the Saint Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2020. N 5 (125). P. 9–18. (In Russ.)
15. Strategizing national and regional innovation systems / ed. D.N. Gnatenko. Moscow : Budget, 2021. 58 p. (In Russ.)
16. Tsvetsykh A.V., Fedorova Yu.V. The essence and place of a business accelerator in the system of innovation infrastructure of the region // Reshetnikov Readings [Reshetnikovskie chteniya]. 2013. Vol. 2, N 17. P. 385–386. (In Russ.)
17. De Noronha Vaz E., Maria T., Galindo P.V., Nijcamp P. The Firms Behind the Regions: Analysis of Regional Innovation Performance in Portugal by External Logistic Biplots [Electronic resource] // SSRN Electronic Journal. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2321155 (accessed: 20.02.2024).
18. Freeman Ch. The 'National System of Innovation' in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19, N 1 P. 5–24.
19. Freeman Ch., Clark J., Soete L. Unemployment and Technical Innovation: A Study of Long Waves and Development. London : Frances Pinter, 1982. 214 p.
20. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Theoretical aspects of considering the dynamic characteristics of socioeconomic systems in the management of regional development // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 89–95.

About the author:

Evgeniy A. Losev, applicant of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation; LE1986@mail.ru

Стратегические возможности перехода к цифровым технологиям в регионах России

Власюк Л.И.^{*}, Новиков А.П.

Московская школа экономики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *lvasyuk@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования — выявить возможности и угрозы цифровизации, оценить влияние цифровых технологий на социально-экономическое развитие регионов и оценить уровень цифрового неравенства в России. В качестве теоретико-методологической базы исследования выбрана теория стратегии и методология стратегирования академика В.Л. Квинта. Согласно методологии стратегирования определяются возможности и угрозы перехода к цифровым технологиям на уровне отдельных регионов и страны в целом. Для оценки цифрового неравенства используется индекс Тейла. В качестве показателя, по которому оценивается неравенство, используется валовая добавленная стоимость в отрасли «Деятельность в области информации и связи». Рассмотрены две составляющие индекса Тейла: внутригрупповая и межгрупповая. Получены оценки индекса за период 2016–2022 гг. по субъектам РФ и по федеральным округам. Установлено, что цифровое неравенство растет, причем при рассмотрении федеральных округов на внутригрупповую компоненту приходится 80% региональной вариации показателя. Выявлена сильная связь между расходами на цифровые технологии и валовой добавленной стоимостью отрасли ИКТ. Проведен OTSW-анализ влияния цифровых технологий на региональную экономику. Выявленные стратегические возможности являются основой для формулирования стратегических приоритетов, сильные стороны — конкурентных преимуществ. Согласованность стратегии регионального развития со стратегическими приоритетами цифровизации позволит нивелировать угрозы и воспользоваться возможностями цифровой экономики для регионального роста и развития.

Ключевые слова: стратегия, цифровые технологии, регион, цифровое неравенство, индекс Тейла, OTSW-анализ, стратегические приоритеты

Для цитирования: Власюк Л.И., Новиков А.П. Стратегические возможности перехода к цифровым технологиям в регионах России // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 106–117.

Strategic Opportunities for the Transition to Digital Technologies in Russian Regions

Lyudmila I. Vlasjuk*, Alexander P. Novikov

Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *lvasyuk@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify the opportunities and threats of digitalization, assess the impact of digital technologies on the socio-economic development of regions and assess the level of digital inequality in Russia. The theory of strategy and methodology of strategizing by academician V.L. Kvint is the theoretical and methodological basis of the study. According to the strategy methodology, the opportunities, and threats of the transition to digital technologies are determined at the level of individual regions and the country as a whole. The Theil index is used to assess the digital divide. The indicator by which inequality is assessed is the gross value added in the Information and Communications Activities sector. Let us decompose the Theil index into two components: intragroup and intergroup. Index estimates were obtained for the period 2016–2022. by constituent entities of the Russian Federation and by federal

districts. It has been established that the digital divide is growing, and when considering federal districts, the intragroup component accounts for 80% of the regional variation in the indicator. A strong relationship was found between digital spending and the gross value added of the ICT industry. An OTSW analysis of the impact of digital technologies on the regional economy was carried out, the identified strategic opportunities are the basis for formulating strategic priorities, and strengths are the competitive advantages. The consistency of the regional development strategy with the strategic priorities of digitalization will make it possible to neutralize threats and take advantage of the opportunities of the digital economy for regional growth and development.

Keywords: strategy, digital technologies, region, digital divide, Theil index, OTSW analysis, strategic priorities

For citing: Vlasjuk L. I., Novikov A. P. Strategic Opportunities for the Transition to Digital Technologies in Russian Regions // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 106–117.

Введение

Развитие информационных технологий, интернета вещей, облачных вычислений, аналитики больших данных и других цифровых технологий оказывает воздействие на различные сферы жизни человека, включая экономику, образование, здравоохранение, транспорт и городскую инфраструктуру. Современная научно-популярная литература значительное внимание уделяет влиянию цифровизации на социально-экономические показатели. Одна из важнейших тем современных региональных исследований — влияние цифровых технологий на региональный экономический рост.

Согласно теории стратегии и методологии стратегирования академика В.Л. Квинта, разработка стратегии любого уровня начинается с анализа трендов — глобальных, национальных, региональных, отраслевых. Переход к цифровым технологиям является глобальным трендом развития, который необходимо учитывать при разработке региональных стратегий.

Кроме того, использование цифровых технологий является фактором, усиливающим межрегиональную социально-экономическую дифференциацию и неоднородность экономического пространства страны, которые, являясь объективными характеристиками экономических систем, нуждаются в государственном управлении и регулировании через долгосрочные стратегические цели.

Понимание механизма и степени воздействия цифровых технологий на экономическую систему региона имеет определяющее значение для разработки и реализации эффективных стратегий регионального развития. Цифровые технологии предоставляют регионам уникальные стратегические возможности, которые позволяют улучшить качество жизни населения, повысить производительность труда, привлечь инвестиции и обеспечить рост конкурентоспособности экономики региона. При этом не менее важно и умение управлять рисками, такими как растущее цифровое неравенство, потеря рабочих мест из-за автоматизации и угрозы кибербезопасности.

В научной литературе рассматриваются различные аспекты цифровизации на региональном уровне. Можно выделить несколько основных направлений публикаций.

Первая группа научных работ связана с оценкой уровня цифровизации и измерением цифрового неравенства регионов. Как правило, для оценки уровня цифровизации предлагаются различные индексы и рейтинги регионов [7, 17, 18]. Что касается цифрового неравенства, то существуют различные концепции и трактовки понятия «цифровое неравенство» [2, 6], но когда речь идет о регионах, то в большинстве исследований неравенство измеряется через уровень доступности Интернета и других цифровых технологий [1].

В работе Л.И. Власюк по данным за 2016–2020 гг. показано, что в региональном разрезе цифровое неравенство растет, несмотря на высокое проникновение цифровых технологий в целом для страны. Кроме того, установлено, что для достаточно однородных по уровню использования цифровых технологий групп регионов (полученных в результате кластерного анализа по 12 показателям) результаты эффективности использования цифровых технологий несопоставимы [2].

Следующая группа научных работ касается выявления механизмов и степени влияния цифровых технологий на предприятия и отрасли. В работе Л.С. Ружанской, М.Г. Кузык, Ю.В. Симачева и А.А. Федюнина изучаются факторы цифровизации промышленных предприятий России [16]. Авторы рассматривали три технологии: робототехника, 3D-печать (аддитивные технологии), искусственный интеллект — и установили, что распространение цифровых технологий зависит от отраслевой принадлежности предприятия, структуры собственности и размера предприятия. Например, участие государства в капитале имеет значение для компаний-инноваторов, внедряющих робототехнику и аддитивные технологии [16, с. 19].

В исследовании В.А. Черкасова, Г.А. Слепушенко оценивается влияние степени цифровизации бизнес-процессов компании на их финансовые показатели [19]. По данным компании McKinsey был рассчитан индекс цифровизации. Авторами установлено, что степень положительного влияния индекса цифровизации на операционную прибыль предприятия зависит от индустрии, возраста и размера предприятия. Сделан вывод, что «наибольший эффект от цифровизации наблюдается среди компаний из области технологий, финансов или связи» [19, с. 138].

Третья группа научных исследований рассматривает цифровые технологии как фактор роста, как стратегический фактор регионального развития [5, 12, 13, 14, 18]. Большинство работ подобного рода также начинаются с расчетов интегральных показателей и индексов цифровизации, которые затем вместе с другими показателями используются в качестве объясняющей переменной в модельных конструкциях и оценках.

Г.П. Литвинцева и И.Н. Карелин в своем исследовании оценили влияние цифровых факторов на показатели благосостояния населения с использованием моделей панельных данных за период 2015–2018 гг. в разрезе субъектов РФ. Для оценки цифровой составляющей качества жизни использовался интегральный показатель, рассчитанный по 34 показателям, объединенным в шесть субиндексов. Авторы пришли к выводу, что уровень цифровизации жизни населения повысился, наибольший отклик на цифровые технологии демонстрируют богатые регионы с развитой экономикой [12].

В работе М.А. Николаева, М.Ю. Махотаева, В.Н. Гусарова оценивалось как влияет цифровизация предприятий в регионе на динамику валового регионального продукта [14]. Авторам не удалось выявить существенной взаимосвязи между уровнем цифровизации бизнеса и динамикой региональных социально-экономических показателей.

В работе Г.А. Унтура были построены индексы цифровизации для домохозяйств и организаций по различным показателям использования ИКТ [18]. На основе модернизированной эмпирической модели А. Барро и Х. Сала-и-Мартина оценивалось влияние затрат на ИКТ и индексов цифровизации на прирост ВРП на душу населения. Автором установлено, что «затраты на ИКТ приводят к приросту ВРП на душу населения на 1 процентный пункт и комплементарны с перетоком затрат на высшее образование» [18, с. 49].

Данная работа направлена на анализ влияния цифровых технологий на региональное развитие с учетом современных тенденций в области цифровизации экономики и общества. В работе будет произведен комплексный анализ возможностей и угроз цифровой трансформации регионов, что позволит выявить ключевые аспек-

ты воздействия цифровых технологий на социально-экономическую систему региона, а также измерить цифровое неравенство регионов РФ по величине эффектов от использования цифровых технологий.

Материалы и методы

Теоретико-методологической базой разработки стратегии регионального развития выбрана теория стратегии и методология стратегирования академика В.Л. Квинта [8, 9, 10, 20], которая универсальна с точки зрения выбора объекта стратегирования, получила международное признание [11, 20].

Разработка стратегии начинается с анализа системы трендов развития объекта стратегирования, включая глобальные, национальные, региональные, отраслевые и корпоративные. Далее в рамках OTSW-анализа, который предлагает В.Л. Квинт, вместо привычного SWOT-анализа, выявляются стратегические возможности, оцениваются угрозы, сильные и слабые стороны объекта стратегирования [8, с. 74–76].

При разработке стратегии регионального развития необходимо учитывать взаимодействия распределенных в пространстве агентов и пространственное распределение ресурсов (конкурентных преимуществ регионального развития), измерять и сопоставлять неравенства регионов, в том числе цифровое неравенство.

Для оценки цифрового неравенства будем использовать классический подход, применяемый для измерения межрегионального неравенства доходов. Для измерения конвергенции или дивергенции, уменьшения или увеличения расстояния между объектами, традиционно используются различные показатели (коэффициент вариации, осцилляции, индекс Тейла, Аткинса, Джини), которые измеряют расстояние между объектами в пространстве выбранного показателя (среднедушевые доходы, ВРП на душу населения и т. д.) [4, с. 50].

В качестве меры оценки цифрового неравенства регионов будем применять индекс Тейла, который используется как для измерения неравенства доходов индивидуумов, так и для оценки неравенства регионов по различным социально-экономическим показателям [3, 15, 21].

Возможности и угрозы влияния цифровой экономики на региональное развитие

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на региональную экономику, привнося в нее ряд перемен и новых возможностей. Воздействие цифровизации на развитие региональной экономики проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, цифровые технологии способствуют повышению производственной эффективности за счет автоматизации и оптимизации производственных процессов. Это значительно снижает затраты на производство, улучшает качество продукции и в итоге увеличивает конкурентоспособность региональных предприятий. Во-вторых, цифровизация расширяет возможности бизнеса благодаря электронной коммерции, онлайн-маркетингу и развитию цифровых платформ. Это позволяет региональным компаниям выходить на новые рынки и привлекать клиентов, создавать уникальные цифровые товары и услуги, что в итоге способствует росту объемов производства и прибыли предприятий.

Кроме того, цифровые технологии содействуют развитию цифровой инфраструктуры, включая высокоскоростные интернет-сети, цифровые платформы для бизнеса и государственных услуг. Это создает благоприятную среду для стимулирования предпринимательства, привлечения инвестиций и улучшения условий жизни жителей региона. Также цифровые технологии могут способствовать созданию новых видов экономической деятельности, таких как разработка программного обеспе-

чения, анализ больших данных, разработка и внедрение систем цифрового управления и многие другие, что создает новые рабочие места и способствует развитию человеческого капитала в регионе. Таким образом, цифровые технологии привносят значительные изменения в региональную экономику, открывая новые возможности для развития бизнеса, улучшения инфраструктуры и создания благоприятной среды для экономического роста.

В табл. 1 приведен OTSW-анализ влияния цифровых технологий на региональную экономику.

Таблица 1

OTSW-анализ влияния цифровых технологий на экономику региона

Table 1. OTSW-analysis of the impact of digital technologies on the regional economy

Возможности	Угрозы
1. Появление новых отраслей экономики. Развитие новых цифровых отраслей, таких как информационные технологии, цифровая медицина, электронная коммерция, может стимулировать развитие инноваций и привлечение инвестиций в регион. 2. Повышение производственной эффективности. Внедрение цифровых технологий в производственные процессы может значительно улучшить эффективность производства, снизить затраты и улучшить качество продукции, что способствует росту экономики. 3. Развитие инфраструктуры и умных городов. Цифровые технологии обеспечивают возможности для создания умных городов, развития широкополосной связи, цифровой транспортной инфраструктуры и других инновационных проектов, что может улучшить качество жизни жителей региона, привлечь новых жителей и бизнес. 4. Новые профессии и рабочие места. Цифровая экономика создает запрос на разнообразные профессии, включая специалистов по аналитике данных, разработчиков программного обеспечения, IT-специалистов, что может способствовать разнообразию и развитию трудовых ресурсов в регионе	1. Риск потери рабочих мест. Автоматизация производственных процессов и цифровая трансформация могут привести к сокращению рабочих мест в традиционных отраслях, что потребует переобучения и переквалификации трудовых ресурсов. 2. Неравенство доступа к цифровым технологиям. Может возникнуть неравенство в доступе к цифровым технологиям из-за различий в инфраструктуре, образовании и бюджетных ресурсах, что приведет к усилению цифрового неравенства. 3. Кибербезопасность и приватность данных. Экономика, основанная на данных, ставит перед регионами вызовы в области кибербезопасности и приватности данных, что требует развития соответствующих нормативно-правовых механизмов и инфраструктуры. 4. Несоответствие устоявшихся бизнес-процессов и моделей цифровым технологиям. Необходимость смены не только организационных и операционных моделей, но и корпоративной культуры, а значит, нужны не только новые технологии, но и новые навыки
Сильные стороны	Слабые стороны
1. Региональный экономический рост. Внедрение цифровых технологий способствует увеличению производительности труда, повышению эффективности предприятий и созданию новых рабочих мест, что может способствовать экономическому росту региона	1. Цифровое неравенство. Неравенство в доступе к цифровым технологиям может привести к увеличению цифрового разрыва между населением региона, что может усилить социальные и экономические проблемы

Сильные стороны	Слабые стороны
2. Улучшение качества жизни. Цифровые технологии способствуют развитию умных городов, цифровых государственных услуг, телемедицины, новых форм образования, что может улучшить качество жизни жителей региона	2. Кибербезопасность и приватность данных. Развитие цифровой экономики создает уязвимости в области кибербезопасности и приватности данных, что может угрожать бизнесу и частным лицам, а также ослабить доверие к цифровым технологиям

Источник: составлено авторами.

Необходимо отметить, что данный OTSW-анализ является достаточно схематичным, применимым к большинству регионов, сосредоточен в большей степени на возможностях и угрозах, которые появляются в процессе цифровой трансформации региональной экономики. Сильные и слабые стороны необходимо конкретизировать при разработке стратегии конкретного региона. Выявленные возможности помогут сформировать систему стратегических приоритетов регионального развития, а обозначенные сильные стороны — конкурентные преимущества.

Оценка цифрового неравенства регионов России

В теме цифровизации экономики одним из самых дискуссионных и по-прежнему нерешенных вопросов является измерение эффектов от перехода к цифровым технологиям на региональном уровне и соотношение затрат на цифровизацию с выгодами для экономических агентов. Как уже было отмечено выше, появились научные работы, где различными методами делаются оценки эффектов как для отдельных предприятий, отраслей, так и регионов в целом. В случае с измерением эффектов для региональной экономики возникают дополнительные сложности, поскольку, даже понимая механизм влияния цифровых технологий на уровне отдельных предприятий или сфер деятельности, уловить влияние цифровых технологий на обобщающие макроэкономические показатели регионального развития (ВРП, ВРП на душу населения и др.) не всегда представляется возможным.

Поскольку при любой концептуализации понятия «цифровая экономика» сектор ИКТ включается в него в качестве базового, было принято решение в качестве показателя, отражающего вклад от использования цифровых технологий, использовать «Деятельность в области информации и связи» (Раздел J) в ВРП регионов. Рассматривались данные по 85 субъектам РФ за период 2016–2022 гг. Были выполнены расчеты степени межрегионального неравенства по данному показателю как для страны в целом, так и по федеральным округам.

В ВВП России (из суммы субъектов РФ) в 2016 г. доля данного показателя составила 2,85% (2109,6 млрд руб.), максимальная доля у данного вида деятельности за период 2016–2022 гг. в структуре ВВП отмечалась в 2020 г., она составляла 3,40% (3213,5 млрд руб.), а в 2022 г. доля деятельности в области информации и связи составила 3,21% (4511,5 млрд руб.) в ВВП. При этом в структуре ВВП в территориальном разрезе растет доля ЦФО, в 2016 г. доля округа составляла 54,0%, в 2020 г. — 57,3%, в 2022 г. — 60,7%. (табл. 2).

В качестве меры оценки цифрового неравенства регионов использовался индекс Тейла, в качестве результирующего показателя (дохода) для расчета индекса Тейла использовалось значение валовой добавленной стоимости (ВДС) отрасли «Деятельность в области информации и связи».

**Индекс Тейла для федеральных округов по показателю
«Деятельность в области информации и связи»**
Table 2. Theil index for federal districts for the indicator «Activities in the field
of information and communications»

Федеральный округ	Количество субъектов РФ в округе	Доля округа в общей сумме		Индекс Тейла для округа	
		2016	2022	2016	2022
ЦФО	18	54,0	60,7	1,11	1,35
СЗФО	11	12,0	11,5	0,16	0,17
ЮФО	8	5,2	3,8	0,03	0,02
СКФО	7	1,7	1,3	0,01	0,01
ПФО	14	11,5	10,0	0,04	0,03
УФО	6	5,9	4,8	0,01	0,01
СФО	10	6,4	5,6	0,02	0,02
ДФО	11	3,3	2,3	0,01	0,01
Всего	85	100,0	100,0	1,39	1,62

Источник: рассчитано авторами.

Формула для расчета индекса Тейла следующая:

$$T = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{y_i}{\mu} \ln \frac{y_i}{\mu},$$
$$\mu = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i$$

где μ — среднее значение показателя y_i , n — число регионов, участвующих в расчете.

Индекс Тейла изменяется от 0 (случай совершенного равенства, доля дохода в общем доходе равна доле регионов в группе) или $1/n$, если речь идет об отдельных регионах до $\ln n$ (случай неравенства, когда все доходы принадлежат одному региону). Индекс Тейла не зависит от среднего значения и количества рассматриваемых объектов [2, 21].

Достоинством индекса Тейла является возможность его разложения на две компоненты, внутригрупповую и межгрупповую

$$T = T_{within} + T_{between}$$

$T_{within} = \sum_{k=1}^K \frac{Y_k}{Y} T_k$, где T_k — внутригрупповое значение индекса Тейла. Внутригрупповое неравенство (T_{within}) представляет собой средневзвешенное значение индекса Тейла внутри группы, причем веса равны долям дохода групп в общем доходе.

$$T_{between} = \sum_{k=1}^K \frac{Y_k}{Y} \ln \frac{Y_k / Y}{n_k / n}.$$

Межгрупповой вклад $T_{between}$ определяется как отношение межгрупповой компоненты к общему индексу Тейла. Расчеты внутригрупповой и межгрупповой компонент представлены в табл. 3.

Индекс Тейла за период 2016–2022 гг. увеличился, что свидетельствует о росте цифрового неравенства между субъектами РФ. Увеличение внутригрупповой и межгрупповой компонент индекса Тейла свидетельствует о росте цифрового неравенства внутри федеральных округов и между ними. На всем периоде индекс внутригруппового неравенства выше индекса межгруппового. На внутригрупповую компоненту приходится около 80% региональной вариации показателя. Но за период вклад внутригрупповой компоненты немного уменьшился, а межгрупповой увеличился. В 2016 г. на внутригрупповую компоненту приходилось 82,1% вариации, на межгрупповую — 17,8%, а в 2022 г. — 79,5% и 20,5% соответственно.

Данные выводы согласуются с расчетами Г.Ю. Гагариной и Р.О. Болотова [3], которые оценивали межрегиональное неравенство по показателям ВРП и ВРП на душу населения за период 2000–2019 гг. Они также отметили увеличение неравенства и констатировали, что на различия между регионами внутри федеральных округов приходится более 80% всей региональной вариации.

Одним из показателей, определяющих вклад отрасли «Деятельность в области информации и связи» в ВРП, являются затраты на использование и внедрение цифровых технологий в регионе. Коэффициент корреляции между этими показателями более 0,8. В табл. 4 представлены регионы с самыми высокими и низкими значениями за 2022 г. по этим показателям.

Таблица 3

**Декомпозиция Индекса Тейла по показателю
«Деятельность в области информации и связи»**

Table 3. Decomposition of the Theil Index according to the indicator
«Activities in the field of information and communications»

Индекс Тейла	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2016–2022
T	1,694	1,677	1,735	1,758	1,850	2,031	2,035	0,341
T_{within}	1,391	1,377	1,417	1,436	1,494	1,609	1,617	0,226
$T_{between}$	0,303	0,300	0,317	0,322	0,356	0,422	0,418	0,115

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 4

**Регионы с самыми высокими и низкими значениями по показателям затрат
на цифровые технологии и их вклада в ВРП региона**

Table 4. Regions with the highest and lowest values in terms of costs for digital technologies and their contribution to the region's GRP

Затраты на внедрение и использование цифровых технологий на душу населения, руб.		ВДС по отрасли «Деятельность в области информации и связи» на душу населения, руб.	
Регионы с самыми высокими значениями показателя			
Москва	182 256,1	Москва	183 297,2
Санкт-Петербург	48 386,2	Санкт-Петербург	74 607,5
Ямало-Ненецкий АО	45 575,0	Ямало-Ненецкий АО	32 245,0
Чукотский АО	40 908,1	Российская Федерация	30 750,5
Ненецкий АО	37 558,0	Новосибирская область	28 218,2
Магаданская область	34 226,5	Нижегородская область	26 525,5

Затраты на внедрение и использование цифровых технологий на душу населения, руб.		ВДС по отрасли «Деятельность в области информации и связи» на душу населения, руб.	
Регионы с самыми высокими значениями показателя			
Российская Федерация	25 494,7	Республика Татарстан	23 371,7
Костромская область	21 995,3	Свердловская область	23 040,5
Республика Саха (Якутия)	21 594,7	Ненецкий АО	22 976,5
Ханты-Мансийский АО — Югра	20 137,0	Калининградская область	21 898,6
Сахалинская область	19 267,4	Пермский край	21 335,9
Регионы с самыми низкими значениями показателя			
Тамбовская область	3347,2	Курская область	6691,8
Ставропольский край	3172,6	Еврейская автономная область	6652,3
Республика Адыгея	2980,1	Республика Тыва	6514,4
Республика Калмыкия	2087,0	Республика Крым	6267,5
Республика Ингушетия	2078,0	Республика Адыгея	5454,9
Карачаево-Черкесская Республика	1925,6	Республика Дагестан	5363,4
Республика Северная Осетия — Алания	1699,5	Карачаево-Черкесская Республика	4565,3
Кабардино-Балкарская Республика	1685,2	Кабардино-Балкарская Республика	4292,0
Чеченская Республика	1249,6	Республика Ингушетия	2803,2
Республика Дагестан	688,6	Чеченская Республика	2777,4

Источник: рассчитано авторами.

В исследованиях, где оценивалось влияние затрат на внедрение и использование цифровых технологий на ВРП, удалось получить статистически значимую связь [18]. Естественно, что связь между затратами и частью ВРП, являющейся доходами отрасли ИКТ, существенна. Финансирование в значительной степени определяет вклад отрасли в ВРП регионов и страны в целом.

Выводы

В теории стратегии и методологии стратегирования к реализации принимаются стратегические приоритеты, которые обеспечены всеми видами необходимых ресурсов. Для того чтобы цифровые технологии создавать и использовать для производства товаров и услуг в регионе, необходимы дополнительные ресурсы. Ресурсами для цифровой экономики, кроме затрат на внедрение и использование цифровых технологий, являются квалифицированные кадры и соответствующая инфраструктура.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что цифровые технологии являются фактором роста, стратегическим фактором долгосрочного развития, остается вопрос, как оценить вклад конкретных технологий или их совокупности на экономический рост и развитие региональной экономики. Кроме того, только глубокий

анализ возможностей и угроз цифровизации, сильных и слабых сторон региональной социально-экономической системы, могут дать ответ о необходимой степени включенности конкретного региона в цифровую трансформацию.

В России имеет место цифровое межрегиональное неравенство; с учетом имеющейся динамики и сложившихся внешних условий можно прогнозировать, что цифровое неравенство будет расти и негативно влиять на общую межрегиональную дифференциацию регионального развития. Среди факторов, влияющих на цифровое неравенство, можно выделить следующие: отсутствие или недостаточное развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, дефицит кадров и отсутствие необходимых цифровых компетенций у работников и в целом населения регионов, недостаточность финансирования на внедрение и использование цифровых технологий, несогласованность стратегических документов и решений между разными уровнями власти, между бизнесом и властью, т. е. несоблюдение важнейших методологических принципов разработки стратегии.

Наличие стратегии регионального развития с включенными в нее стратегическими приоритетами цифрового развития или согласованность стратегии цифровой трансформации и стратегии регионального развития, если они разработаны в качестве отдельных документов, позволят нивелировать угрозы и воспользоваться возможностями цифровой экономики как отдельным регионам, так и стране в целом.

Литература

1. *Архипова М. Ю., Сиротин В. П.* Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 3. С. 670–683. <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>. EDN PJIJXG
2. *Власюк Л. И.* Цифровое неравенство российских регионов: стратегические возможности и угрозы // *Экономика промышленности*. 2023. Т. 16. № 1. С. 59–68. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-59-68>. EDN YIUJES
3. *Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О.* Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 20–34. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-20-34>. EDN SWAFQW
4. *Глуценко К. П.* Структура конвергенции региональных уровней неравенства по доходам в России // *Пространственная экономика*. 2023. Т. 19. № 3. С. 46–62. <https://doi.org/10.14530/se.2023.3.046-062>. EDN VXSOQN
5. *Грачев С. А.* Моделирование влияния цифровизации на развитие социально-экономических систем // *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 2. С. 443–454. <https://doi.org/10.18334/vines.11.2.112224>. EDN CPGUNP
6. *Груздева М. А.* Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Том. 13, № 5. С. 90–104. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5>. EDN GSPBDZ
7. *Казанбиева А. Х.* Оценка уровня цифровизации российских регионов // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 4. С. 369–375. EDN TYZSZA
8. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. 2-е изд. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. (Библиотека «Стратегия Кузбасса».) ISBN 978-5-8353-2844-4. <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>. EDN BUZJFS
9. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. Т. II. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 164 с. : ил. (Библиотека стратега.) ISBN 978-5-89781-655-2; ISBN 978-5-89781-629-3.
10. *Квинт В. Л.* О выборе приоритетов // *Бюджет*. 2016. № 11. С. 78–81. EDN YOWNTH
11. *Козырев А. А.* Концептуальная схема исследований теории и методологии стратегии // *Экономическое возрождение России*. 2022. Т. 27. № 2. С. 110–122. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-110-122>. EDN OKOEAW
12. *Литвинцева Г. П., Карелин И. Н.* Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18, № 3. С. 53–71. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71>. EDN MGVVNF

13. Миролубова Т. В., Радионова М. В. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост // Регионология. 2021. Т. 29. № 3. С. 486–510. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>. EDN FCWDIB
14. Николаев М. А., Махотаева М. Ю., Гусарова В. Н. Анализ влияния процессов цифровизации на экономическое развитие регионов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 4. С. 46–56. <https://doi.org/10.18721/JE.13404>. EDN PRGGYS
15. Пьянкова С. Г., Комбаров М. А. Диспропорции в пространственном развитии России и ее экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 75–90. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.4>. EDN AFRNGS
16. Ружанская Л. С., Кузык М. Г., Симачев Ю. В., Федюнина А. А. Факторы применения сквозных цифровых технологий: вызовы для российских производителей // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 5–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-5-28>. EDN STIQJO
17. Степанова В. В., Уханова А. В., Гоигоришин А. В., Яхьяев Д. Б. Оценка цифровых экосистем регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 73–90. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.4>. EDN TEYRJW
18. Унтура Г. А. Экономика знаний и цифровизация: оценка влияния на экономический рост регионов России // Регион: экономика и социология. 2022. № 4 (116). С. 31–58. <https://doi.org/10.15372/REG20220402>. EDN OQMGYO
19. Черкасова В. А., Слепушенко Г. А. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 2. С. 128–142. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142>. EDN DFHRIY
20. Kvint V. L., Bodrunov S. D. Strategizing Societal Transformation. Knowledge, Technologies, and Noonomy. Palm Bay, Burlington, Abingdon: Apple Academic Press, 2023. 228 p. ISBN 978-1-77491-422-9. EDN ABCYYJ
21. Theil H. The measurement of inequality by components of income. *Economics Letters*, 1979. Vol. 2. Is. 2. P. 197–199.

Об авторах:

Власюк Людмила Ивановна, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; lvlasjuk@mail.ru

Новиков Александр Павлович, магистр кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); sashanovvip@mail.ru

References

1. Arkhipova M.Y., Sirotin V.P. Development of digital technologies in Russia: regional aspects // *Economy of Regions [Ekonomika regiona]*. 2019. Vol. 15, N 3. P. 670–683. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>. EDN PJIJXG
2. Vlasjuk L.I. Digital inequality of the Russian regions: strategic opportunities and threats // *Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]*. 2023. Vol. 16, N 1. P. 59–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-59-68>. EDN YIUJES
3. Gagarina G.Y., Bolotov R.O. Valuation of inequality in the Russian Federation and its decomposition using the Theil index // *Federalizm [Federalizm]*. 2021. Vol. 26. N 4. P. 20–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-20-34>. EDN SWAFQW
4. Gluschenko K.P. Convergence Patterns of Regional Income Inequality Levels in Russia. *Spatial Economics [Prostranstvennaya ekonomika]*. 2023. Vol. 19. N 3. P. 46–62. (In Russ.) <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.3.046-062>. EDN VXSOQN
5. Grachev S.A. Modeling the impact of digitalization on the development of socio-economic systems // *Russian Journal of Innovation Economics [Voprosy innovatsionnoi ekonomiki]*. 2021. Vol. 11. N 2. P. 443–454. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112224>. EDN CPGUNP
6. Gruzdeva M.A. Inclusion of population in digital space: global trends and inequality of Russian regions // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]*. 2020. Vol. 13. N 5. P. 90–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5>. EDN GSPBDZ

7. Kazanbieva A. Kh. Assessment of the level of digitalization of Russian regions // *Innovation & Investment [Innovatsii i investitsii]*. 2023. N 4. P. 369–375. (In Russ.) EDN TYZSZA
8. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. 2nd ed. Kemerovo : Kemerovo State University, 2022. 170 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>. EDN BUZJFS
9. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. Vol. II. Saint Petersburg : NW M RANEPa, 2020. 164 p. (In Russ.) EDN CDMBHK
10. Kvint V. L. On the choice of priorities // *Byudzheth [Byudzheth]*. 2016. N 11. P. 78–81. (In Russ.) EDN YOWNTH
11. Kozirev A. A. Conceptual scheme for research on the theory and methodology of strategy // *Economic Revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]*. 2022. Vol. 27. N 2. P. 110–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-110-122>. EDN OKOEAW
12. Litvintseva G. P., Karelin I. N. Effects of digital transformation of the economy and quality of life in Russia. *Terra Economicus*. 2020. Vol. 18. N 3. P. 53–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71>. EDN MGVVNF
13. Mirolyubova T. V., Radionova M. V. Assessing the Impact of the Factors in the Digital Transformation on the Regional Economic Growth // *Russian Journal of Regional Studies [Regionologiya]*. 2021. Vol. 29. N 3. P. 486–510. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>. EDN FCWDIB
14. Nikolaev M. A., Makhotaeva M. U., Gusarova V. N. Analysis of the influence of digitalization processes on regions' economic development // *Saint Petersburg State Polytechnical University Journal [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU]*. Economics. 2020. Vol. 13. N 4. P. 46–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.18721/JE.13404>. EDN PRGGYS
15. Pyankova S. G., Kombarov M. A. Imbalances in the spatial development of Russia and its economic regions: Choosing an accurate and adequate assessment method and levelling off ways // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremennyye: fakty, tendentsii, prognoz]*. 2022. Vol. 15. N 3. P. 75–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.4>. EDN AFRNGS
16. Ruzhanskaya L. S., Kuzyk M. G., Simachev Yu. V., Fedyunina A. A. End-to-end digitalization factors: Challenges for Russian manufacturers // *Voprosy Ekonomiki [Voprosy ekonomiki]*. 2023. N 9. P. 5–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-5-28>. EDN STIQJO
17. Stepanova V. V., Ukhanova A. V., Grigorishchin A. V., Yakhyaev D. B. Evaluating digital ecosystems in Russia's regions // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremennyye: fakty, tendentsii, prognoz]*. 2019. Vol. 12. N 2. P. 73–90. (in Rus). <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.4>. EDN TEYRJW
18. Untura G. A. The Knowledge Economy and Digitalization: Assessing Their Impact on Economic Growth of Russian Regions // *Region: Economics and Sociology [Region: ekonomika i sotsiologiya]*. 2022. N 4 (116). P. 31–58. (in Rus). <https://doi.org/10.15372/REG20220402>. EDN OQMGYO
19. Cherkasova V. A., Slepushenko G. A. The Impact of digitalization on the financial performance of Russian companies // *Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]*. 2021. Vol. 25. N 2. P. 128–142. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142>. EDN DFHRIY
20. Kvint V. L., Bodrunov S. D. *Strategizing Societal Transformation. Knowledge, Technologies, and Noonomy*. Palm Bay, Burlington, Abingdon : Apple Academic Press, 2023. 228 p. ISBN 978-1-77491-422-9. EDN ABCYYJ
21. Theil H. The measurement of inequality by components of income. *Economics Letters*, 1979. Vol. 2. Is. 2. P. 197–199.

About the authors:

Lyudmila Ivanovna Vlasjuk, Ph.D. in Economic, Docent of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russian Federation), Associate Professor of Economic and Financial Strategy Department; lvlasjuk@mail.ru

Alexander Pavlovich Novikov, master of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russian Federation); sashanovvip@mail.ru

Опыт Вьетнама в формировании и развитии специальных экономических зон

Сафина С. С., Артамонова О. С.*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, *o.artamonova963@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена опыту Вьетнама в создании и развитии специальных экономических зон (СЭЗ). В статье рассмотрены различные типы специальных экономических зон страны. Было выявлено, что во Вьетнаме преобладающим типом являются индустриальные парки (70% от всех зон), прибрежные экономические зоны (20,8%), приграничные экономические зоны (5,0%). Определены 4 ключевые экономические зоны (КЭЗ), выявлена их роль в экономике страны: доля в ВВП, доля в обороте экспорта-импорта, доля в притоке ПИИ. Определены основные инвесторы, регионы и отрасли, наиболее привлекательные для иностранных инвесторов. Проанализированы результаты экономической деятельности первой в стране прибрежной экономической зоны Чулай. Выявлены благоприятные факторы для успешного развития СЭЗ в стране. В статью включены авторские карты, которые иллюстрируют результаты исследования.

Ключевые слова: СЭЗ, Вьетнам, прямые иностранные инвестиции, ключевые экономические зоны (КЭЗ), индустриальные парки, Чулай

Для цитирования: Сафина С.С., Артамонова О.С. Опыт Вьетнама в формировании и развитии специальных экономических зон // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 118–130.

Vietnam's Experience in the Formation and Development of SEZs

Sazhida S. Safina, Olga S. Artamonova*

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; *o.artamonova963@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the experience of Vietnam in the creation and development of special economic zones (SEZ). The article considers various types of special economic zones of the country. It was found that in Vietnam the predominant type is industrial parks (70% of all zones), coastal economic zones (20.8%), border economic zones (5.0%). 4 key economic zones (KEZ) have been identified, their role in the country's economy has been identified: share in GDP, share in export-import turnover, share in FDI inflow. The main investors, regions and industries most attractive to foreign investors have been identified. The results of economic activity of the country's first coastal economic zone Chu Lai are analyzed. Favorable factors for the successful development of SEZs in the country have been identified. The article includes author's maps that illustrate the results of the study.

Keywords: SEZ, Vietnam, foreign direct investment, key economic zones (KEZ), industrial parks, Chu Lai

For citing: Safina S.S., Artamonova O.S. Vietnam's experience in the formation and development of SEZs // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 118–130.

Введение

Специальные экономические зоны (СЭЗ) использовались многими странами как инструмент для индустриализации и экономического развития. Результаты функционирования СЭЗ в развивающихся странах неоднозначны, так как некоторые регионы или страны (например, страны Азиатско-Тихоокеанского региона) более успешны, в то время как другие (например, некоторые страны Африки) все еще не могут сделать СЭЗ функциональными. СЭЗ обычно создают в менее развитых или депрессивных регионах страны, чтобы способствовать их социально-экономическому развитию [3]. В мире существует множество видов СЭЗ, многие страны создают зоны со своими особенностями, например в Индонезии получили развитие халяльные СЭЗ, так как это мусульманская страна, на Филиппинах — экозоны, региональные зоны-коридоры, приравненные в стране к СЭЗ [5]. Во Вьетнаме наиболее развитым типом зон являются индустриальные парки (некоторые страны не включают их в перечень типов СЭЗ).

Вьетнам является страной с развивающейся экономикой, которая стала одной из самых быстрорастущих среди стран АТР. Среднегодовой темп роста ВВП по данным 2021 г. составил 6,5%, что выше среднемирового показателя на 3,2%¹. Правительство страны проводит взвешенную внешнюю политику (например, использует китайско-американскую торговую войну для привлечения большего количества иностранных инвесторов, в том числе и из этих двух стран, а также придерживается нейтралитета в вопросе конфликта России и Украины). СЭЗ оказывают большое влияние на социально-экономическую сферу, благоприятно воздействуют на финансовое положение населения, создавая рабочие места и современную инфраструктуру, поэтому изучение функционирования работы вьетнамских экономических зон является актуальным и для развития зарубежных и российских СЭЗ.

Методы исследования

Для достоверности и обоснованности исследования в статье проанализированы нормативно-правовые акты по созданию и регулированию деятельности СЭЗ во Вьетнаме. В ходе исследования были проанализированы результаты функционирования специальных экономических зон на территории Вьетнама на основе данных Ежегодного статистического сборника (Statistical Yearbook of Vietnam), а также отчетов Foreign Direct Investment and economic Zones in ASEAN и World investment report 2019 (SPECIAL ECONOMIC ZONES). На их основе были выявлены основные инвесторы и регионы, наиболее привлекательные для иностранных инвесторов, определены различия по результатам экономической деятельности для всех ключевых экономических зон КЭЗ. Рассчитан коэффициент географической концентрации ПИИ для ключевых экономических зон в период 2010–2021 гг. Проанализированы экономические показатели деятельности СЭЗ Чулай. В работе использованы методы системного анализа, статистического и логического анализа, картографический метод.

Результаты и обсуждение

Первые СЭЗ в Азиатско-Тихоокеанском регионе появились на территории Тайваня в 1966 г. А уже в 1969 г. СЭЗ появились в Сингапуре и на Филиппинах. Большинство стран Восточной и Юго-Восточной Азии начали создавать СЭЗ в 1970-х и начале 1980-х гг. Успешные проекты СЭЗ в рассматриваемом регионе — это часть стратегии развития, ориентированной на экспорт. Наиболее очевидным примером успешного применения СЭЗ для развития экономики является Китай, где зоны возникли

¹ GDP growth (annual %) [Электронный ресурс] // World Bank: сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2021&start=1985> (дата обращения: 29.04.2023).

в результате проведения политики «реформ и открытости» в начале 1980-х гг. Вьетнам в том числе пытался повторить успех Китая, создавая свои зоны на примере СЭЗ Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньютоу и Сямэнь.

Вьетнамское правительство начало развивать экономические зоны в начале 1990-х гг. с введением политики «Дои Мой» («политика обновления») в 1986 г. на 6-м Национальном конгрессе Коммунистической партии Вьетнама. Первая СЭЗ Таньтхуан во Вьетнаме была создана в 1991 г. в г. Хошимин. Тайваньская Центральная группа по торговле и развитию (CDT) договорилась о создании совместного предприятия с Управлением экспортной зоны Хошимина (HEPZA). HEPZA внесла 30% стоимости совместного предприятия в виде прав землепользования на 300 га болотистых земель, а CDT внесла более 60 млн долл. США в развитие базовой инфраструктуры для зоны Таньтхуан. К 2020 г. на ее территории функционируют 204 компании, из которых 158 иностранные, стоимость экспорта составила около 24 млрд долл. США, а количество рабочих мест — 60 тыс. [6].

Во Вьетнаме в период с 1991 по 2021 г. были созданы 559 СЭЗ различного типа. Согласно рис. 1 в стране преобладают прежде всего индустриальные парки (70,5%, IP) и прибрежные экономические зоны (20,8%, CEZ), доля приграничных экономических зон составляет 5%, BEZ [5]. Индустриальные парки являются самым распространенным типом СЭЗ среди стран-участниц ACEAN (56%) и особенно во Вьетнаме. По состоянию на 2021 г. в стране насчитывается 394 индустриальных парка, 286 из которых действующие и обеспечивают 3,78 млн рабочих мест. Они представляют для правительства Вьетнама наибольший интерес, так как именно в эти индустриальные парки поступает наибольшее количество ПИИ, работает множество ТНК.

В период с 1991 до 2021 г. количество парков выросло с 1 шт. (Таньтхуан) до 394 шт. Одними из самых известных парков в стране являются Вьетнамо-Сингапурские индустриальные парки (ВСИП). По данным 2022 г. их количество составило 10 шт. Одним из наиболее известных и эффективных вьетнамо-сингапурских индустриальных парков является парк Бинь Зьонг-1, расположенный в Южной ключевой экономической зоне. Провинция Бинь Зьонг является наиболее привлекательной для новых парков, на данный момент там расположено три парка с совокупными инвестициями около 8,5 млрд долл. США. Также четыре парка распо-

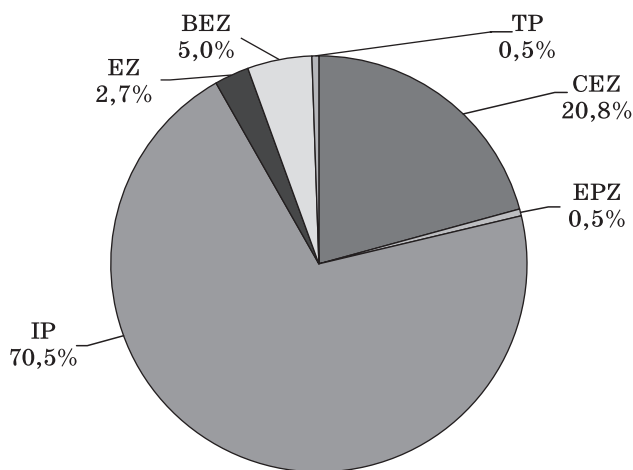

Рис. 1. Основные типы СЭЗ и их доля во Вьетнаме в 2021 г.

Fig. 1. Types of Free Economic Zones and Their Share in Vietnam in 2021

Источник: составлено авторами на основе данных [5].

ложено в Северной КЭЗ, 2 из них — в провинции Бак Нинь. Два парка находятся в Центральной КЭЗ и еще один — в провинции Нге Ань, не входящей в какую-либо КЭЗ. Совокупно ВСИП предоставили работу более 258 тыс. чел.¹

Важной особенностью развития вьетнамских СЭЗ является их размещение: концентрация в четырех ключевых экономических зонах. Они являются движущей силой экономики, привлекая к развитию другие регионы по всей стране. На рис. 2 представлены КЭЗ, которые на данный момент состоят из четырех областей и 24 провинций и 5 городов, находящихся в прямом подчинении центрального правительства: Южная экономическая зона, Центральная экономическая зона, Северная экономическая зона и экономическая зона дельты р. Меконг. Индустриальные парки, а следовательно, и ПИИ, сосредоточены вокруг крупных городов и экономических центров. На севере они расположены вокруг Ханоя, в центральном районе — в Дананге и его окрестностях, а на юге — в районе Хошимина и его окрестностях. Например, в 2021 г. количество проектов с ПИИ в Ханое составило 6700 ед., в Дананге — 889 ед., в Хошимине — 10 365 ед. [12].

В основном иностранные компании инвестируют в промышленное производство, строительство, торговлю, ИТК и сферу развития науки и технологий. Эти сферы составили в 2021 г. 79,4% всех ПИИ в страну. Рис. 3 показывает, что промышленное производство составило большую долю, — 59%.

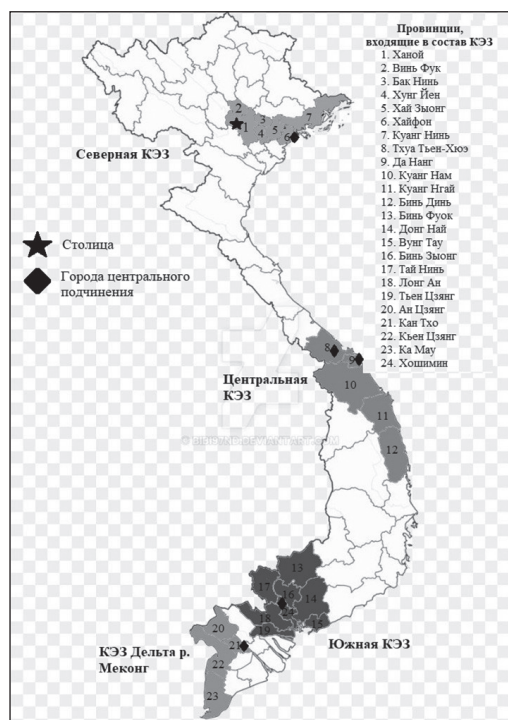

Рис. 2. Ключевые экономические зоны (КЭЗ) Вьетнама
Fig. 2. Key economic zones of Vietnam

Источник: составлено авторами на основе данных [12].

¹ Map — Industrial park, Factory industrial zone [Электронный ресурс] // KLAND REAL ESTATE INVESTMENT CONSULTANCY AND SERVICES JOINT STOCK COMPANY: сайт. URL: <https://kland.vn/en/IndustrialPark/ViewMap> (дата обращения: 19.04.2023).

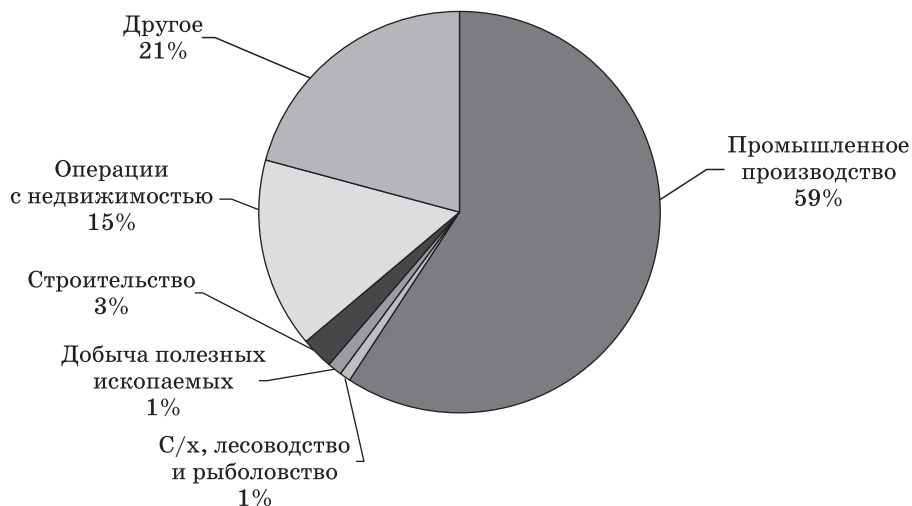

Рис. 3. Распределение ПИИ по видам экономической деятельности в 2021 г.
Fig. 3. Distribution of FDI by type of economic activity in 2021

Источник: составлено авторами на основе данных [12].

Для обоснованности и достоверности результатов в работе рассчитан коэффициент географической концентрации ПИИ с 2010 по 2021 г. в ключевых экономических зонах. Анализируя поступающие ПИИ в СЭЗ, расположенные в четырех КЭЗ, можно сделать вывод, что имеет место географическая концентрация ПИИ на этих территориях. Ее можно рассчитать, используя формулу коэффициента географической концентрации ($K_{гк}$) (1):

$$K_{гк} = \sum_{i=0}^n [Y_i : Y - S_i : S] \geq 0, \quad (1)$$

где Y_i — количественное значение изучаемого признака по i -й ОТЕ (операционные территориальные единицы); Y — суммарное количественное значение изучаемого признака по всем ОТЕ региона; S_i — площадь территории i -й ОТЕ; S — общая суммарная площадь территории всех ОТЕ; N — общее количество ОТЕ изучаемого региона.

Табл. 1 показывает, что, рассчитав коэффициент географической концентрации ПИИ в регионах Вьетнама в период 2010–2021 гг., получили подтверждение того, что имеет место сосредоточение инвестиций в определенных регионах (Северный и Южный КЭЗ), так как коэффициент в 2021 г. был равен 0,766. Южный и Северный регионы сосредоточили 55 и 32% ПИИ соответственно. Отрицательные показатели географической концентрации ПИИ говорят о том, что предприятия и отрасли в этих зонах разрознены, экономика развита недостаточно, чтобы в полной мере конкурировать за инвестиции со столичными регионами, а инфраструктура, особенно дорожная, развита слабо в этих зонах, что в свою очередь мешает их развитию.

Южная КЭЗ сохранила свое общее лидерство в качестве магнита для ПИИ и торгового центра, за ней следует Северная зона. В оставшихся двух регионах дела обстояли не так хорошо, но они по-прежнему интересны для инвесторов, ищущих менее популярные области для расширения своей деятельности. Рис. 4 демонстрирует, что Северная и Южная зоны занимают совокупно около 70% экспорта

Таблица 1

Динамика изменения коэффициента географической концентрации ($K_{гк}$) ПИИ в КЭЗ, 2010 г., 2017–2021 гг.

Table 1. Dynamics of Geographical Concentration Ratio (K_{gc}) of FDI in KEZ, 2010, 2017–2021

Год	Северный	ПИИ, млрд долл. США	Центральный	ПИИ, млрд долл. США	Южный	ПИИ, млрд долл. США	Дельта р. Меконг	ПИИ, млрд долл. США	$K_{гк}$
2010	0,206	38	0,010	14	0,518	93	−0,021	4	0,734
2017	0,282	81	−0,024	15	0,483	145	−0,028	5	0,765
2018	0,293	91	−0,02	17	0,469	153	−0,029	5	0,762
2019	0,291	97	−0,021	18	0,472	164	−0,029	6	0,763
2020	0,295	102	−0,023	18	0,471	172	−0,03	6	0,766
2021	0,301	113	−0,025	19	0,465	185	−0,037	7	0,766

Источник: составлено авторами на основе данных [7, 8, 9, 11, 12].

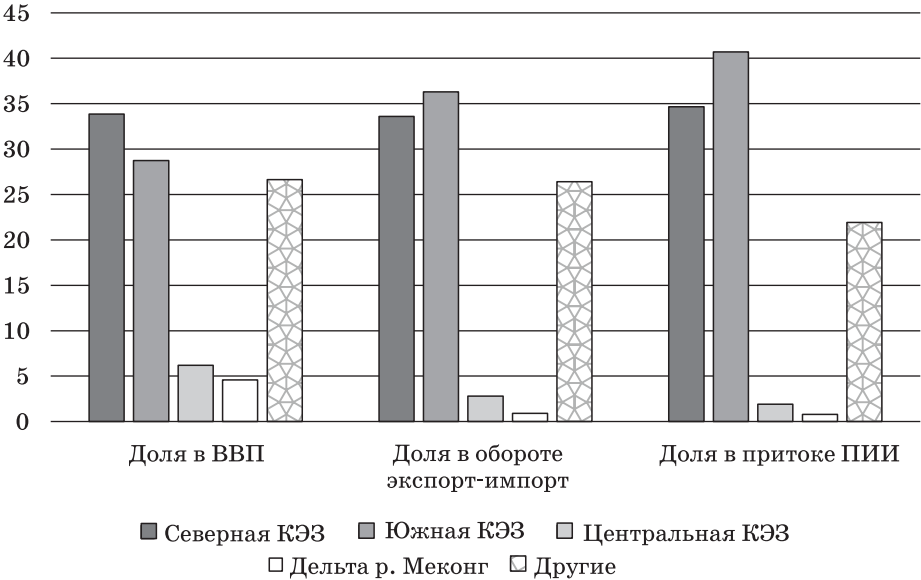

Рис. 4. Распределение основных экономических показателей по КЭЗ Вьетнама, %
Fig. 4. Distribution of the main economic indicators by the KEP of Vietnam, %

Источник: составлено авторами по: Vo Hoai Thuong, Thao Vo. Vietnam's Key Economic Zones: Performance and Investments [Электронный ресурс] // Vietnam Briefing: электрон. газета. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnam-key-economic-zones.html/> (дата обращения: 17.04.2023).

и импорта в стране, в то время как Центральная зона и дельта р. Меконг производят лишь около 5% экспорта-импорта. Также суммарная доля в ВВП страны двух регионов составила около 64%.

Табл. 2 показывает, что основными инвесторами в экономику Вьетнама в 2021 г. стали Республика Корея (19%), Сингапур (16%) и Япония (15%). В работе проанализирована деятельность прежде всего первых двух инвесторов, так как их влияние на развитие ОЭЗ Вьетнама наиболее велико.

Около 5000 южнокорейских компаний инвестировали во Вьетнам за последние 32 года. Вьетнамские фирмы с корейскими инвестициями обеспечивают около 700 тыс. рабочих мест внутри страны. В 2021 г. южнокорейские инвестиции составили 20% от общего объема ПИИ. На производственный сектор пришлось больше 80% инвестиций. Электрическое и электронное производство составляло наибольшую часть производственно-обрабатывающего сектора > 65%, за ними следует производство текстиля и тканей >20% [12]. Основными корейскими инвесторами являются Samsung и LG. Samsung производит более 50% мировых поставок телефонных аппаратов на вьетнамских промышленных парках. Стоимость экспорта компании в 2021 г. достигла 65,5 млрд долл. США. К концу 2021 г. общий накопленный инвестиционный капитал Samsung в стране достиг 18 млрд долл. США¹. LG также создал производственный центр во Вьетнаме для производства смартфонов и телевизоров. В настоящее время в компании работают более 27 тыс. сотрудников. В 2020 г. выручка от продаж составила 5,98 млрд долл. США².

Таблица 2

Основные инвесторы в экономику Вьетнама в 2021 г.
Table 2. The main investors in the Vietnamese economy in 2021

Основные инвесторы	ПИИ, %
Республика Корея	19
Сингапур	16
Япония	15
Тайвань	9
Гонконг	7
Виргинские острова	5
Китай	5
Нидерланды	3
Таиланд	3
Малайзия	3
США	3
РФ	0,23
Другие	12,00

Источник: составлено авторами на основе данных [12].

¹ Samsung Vietnam's 2021 revenue exceeds 74.2 billion USD [Электронный ресурс] // Vietnam Plus: электрон. газета. URL: <https://en.vietnamplus.vn/samsung-vietnams-2021-revenue-exceeds-742-billion-usd/220982.vnp> (дата обращения: 19.04.2023).

² LG Display Vietnam adding US\$750 million in investment to Hai Phong's project [Электронный ресурс] // Vietnam Insider: электрон. газета. URL: <https://vietnaminsider.vn/lg-display-vietnam-adding-us750-million-in-investment-to-hai-phongs-project/> (дата обращения: 15.04.2023).

Отдельно следует рассмотреть СЭЗ Чулай, созданную на территории провинции Куанг Нам Центральной КЭЗ в соответствии с решением премьер-министра № 1831/QĐ-TTg от 5 июня 2003 г.¹ Чулай представляет собой гигантский многоотраслевой экономический комплекс, включающий 4 индустриальных парка, морской порт, международный аэропорт, зону дьюти фри, туристскую зону и городскую территорию. Зона имеет выгодное расположение, удобное транспортное сообщение с городом центрального подчинения Да Нанг, городским районом Дьен-Нам-Дьен-Нгок и нефтехимическим промышленным парком Дунг-Кват в провинции Куанг Нгай.

На 2022 г. в зоне реализуется 156 инвестиционных проектов с общим уставным капиталом более 3,7 млрд долл. США, в том числе 43 проекта ПИИ на сумму более 666 млн долл. США. Уже введено в эксплуатацию 149 проектов, в том числе 33 проекта с ПИИ, с общим уставным капиталом более 42,5 трлн донгов [4]. С 2015 г. Чулайская открытая экономическая зона обеспечивает около 65% доходов бюджета провинции. Зона создала более 25 000 рабочих мест, 90% из которых заняты местными рабочими.

Помимо высококачественной инфраструктуры, Чулай является потенциально важным транзитным пунктом для иностранных инвесторов из-за разнообразия его транспортных маршрутов и услуг. Помимо перевозки товаров, порт также предоставляет услуги по буксировке и спасению, учету и хранению, причальным услугам и другим сопутствующим судовым услугам, предоставляя инвесторам полный пакет услуг.

На территории СЭЗ Чулай расположены 4 индустриальных парка: Северный Чулай, Там Ань, Там Хиеп и Там Тханг (табл. 3). На их территории функционируют различные компании с преобладанием иностранного капитала. Зоной с наибольшей суммой ПИИ является индустриальный парк Там Тханг (470 млн долл. США). Парк Там Ань является парком, специализирующимся исключительно на южнокорейских инвестициях, единственный инвестор на данный момент — компания C&N VINA Co., Ltd. [4].

Таблица 3

Экономические показатели деятельности индустриальных парков СЭЗ Чулай

Table 3. Industrial parks of the Chu Lai SEZ

Парк	ПИИ, млн долл. США	Внутренние инвестиции, млн долл. США	Количество проектов
Северный Чулай	77	176	30 (7 вьетнамских, 23 иностранных)
Там Тханг	470	14,3	20 (4 вьетнамских, 16 иностранных)
Там Хиеп	317	...	26 (3 иностранных, 23 вьетнамских)
Там Ань	22	—	1 (100% южнокорейские ПИИ)
Всего	886	190	77

Источник: составлено авторами.* Map — Industrial park, Factory industrial zone [Электронный ресурс] // KLAND REAL ESTATE INVESTMENT CONSULTANCY AND SERVICES JOINT STOCK COMPANY: сайт. URL: <https://kland.vn/en/IndustrialPark/ViewMap> (дата обращения: 19.04.2023).

¹ Decision of The Prime Minister N 1831/QĐ-TTg dated 05.06.2003 «Establishing Chu Lai open economic zone, Quang Nam province, and promulgating its operation regulation» [Электронный ресурс] // Van Ban Phap Luat: сайт. URL: <https://vanbanphapluat.co/decision-no-108-2003-qd-ttg-of-june-05-2003-establishing-chu-lai-open-economic-zone-quang-nam-province-and-promulgating-its-operation-regulation> (дата обращения: 18.04.2023).

Рис. 5 показывает, что за 21 год ВРП провинции Куанг Нам, где расположена зона, вырос примерно в 7 раз. Наиболее быстрый рост показателя пришелся на период после 2005 г., что соответствует созданию зоны Чулай и началу ее функционирования. Следовательно, можно говорить о положительном влиянии зоны на развитие экономики провинции и страны в целом.

Табл. 4 демонстрирует основные статистические показатели деятельности провинции Куанг Нам в период с 2000 по 2021 г. За 21 год городское население выросло почти в 2 раза, количество проектов с иностранным участием увеличилось с 3 ед. в 2000 г. до 221 ед. в 2021 г. Основная их доля приходится на ОЭЗ Чулай, где функционирует около 150 проектов с участием иностранных компаний. Также

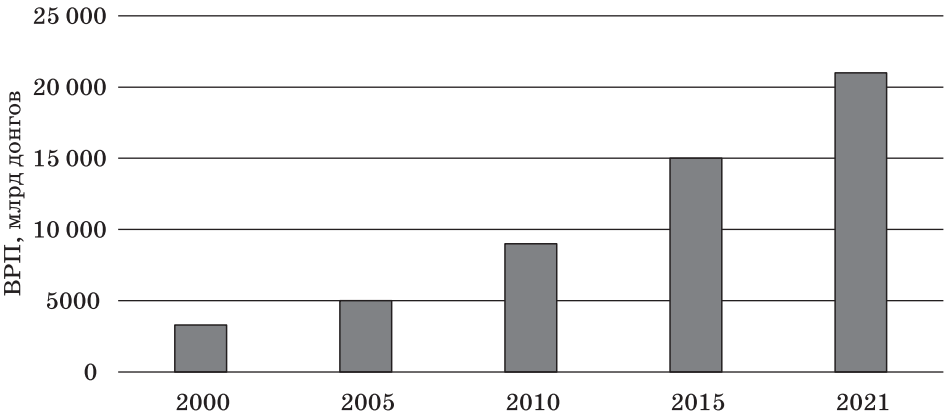

Рис. 5. Динамика роста ВРП провинции Куанг Нам в 2000–2021 гг.
Fig. 5. GRP Growth Dynamics of Quang Nam Province in 2000–2021

Источник: составлено авторами на основе данных [7, 8, 12].

Таблица 4

Основные статистические показатели деятельности провинции Куанг Нам в 2000–2021 гг.

Table 4. The main statistical indicators of the activity of Quang Nam province in 2000–2021

Год	Городское население, тыс. чел.	Проекты с иностранным участием, ед.	Количество школ, ед.	Доля занятого населения, %	Среднемесячная заработная плата, тыс. донгов
2000	206,9	3	459	45	406,3
2005	239	41	513	51,3	550,6
2010	270,6	73	531	55,7	1185,7
2015	359,9	136	544	57,8	1784
2021	401,3	221	508	52	3653

Источник: составлено авторами на основе данных [7, 8, 12].

на 7% выросла доля занятого на предприятиях населения, а среднемесячная заработная плата выросла в 8,9 раз. Количество школ в провинции также увеличилось, хотя и незначительно. Все эти показатели свидетельствуют о положительном влиянии ОЭЗ Чулай на развитие всей провинции.

До создания ОЭЗ Чулай этот район не обладал ни инфраструктурой, ни рабочей силой, поэтому был непривлекателен для инвесторов, но теперь он превратился в крупную экономическую зону, в которой размещено 156 промышленных проектов, из которых 149 введено в эксплуатацию. Были созданы рабочие места для 26 тыс. местных жителей, а также благодаря созданию зоны активно развивается инфраструктура порта, аэропорта и автомобильные дороги. Правительство провинции стремится привлечь больше иностранных и национальных инвесторов для превращения зоны в многоотраслевой центр. Для этого они применяют различные льготы для инвесторов.

Рассмотрим благоприятные условия, которые способствовали успешному развитию СЭЗ во Вьетнаме. Главным преимуществом Вьетнама является его географическое положение: Вьетнам обладает морским побережьем протяженностью 3200 км, что позволяет легко экспортировать товары в другие страны. Более короткие сроки доставки являются значительным преимуществом. Кроме того, города на севере Вьетнама находятся на расстоянии около 800 км от самого крупного китайского города-производителя — Шэньчжэня, а эксплуатационные расходы почти на 30% меньше, чем в китайских провинциях¹. В сочетании с международными морскими путями Вьетнам является одним из наиболее географически удобных мест для инвестиций.

Вьетнам быстро модернизирует свою инфраструктуру, инвестируя миллиарды долларов в развитие автомагистралей, железных дорог и морских портов. В стране развитая разветвленная железнодорожная сеть протяженностью 2600 км, предназначенная для грузовых перевозок и быстрой перевозки товаров с севера на юг².

Главное преимущество Вьетнама перед Китаем, основным соперником, — низкая стоимость рабочей силы. Например, минимальная месячная заработная плата во Вьетнаме в некоторых регионах может составлять от 140 долл. США по данным 2021 г.³ Во многих китайских городах минимальная заработная плата превышает 350 долл., а в некоторых невозможно нанять рабочих менее чем за 500 долл. в месяц⁴.

Вьетнам политически стабилен, не вовлечен в международные или внутренние конфликты. Кроме того, страна делает упор на развитие и дружелюбие, облегчая иностранным инвесторам открытие и ведение бизнеса. Вьетнам ведет внешнюю политику в соответствии с концепциями независимости, автономии, мира, дружбы, сотрудничества и развития, диверсификации и многосторонности в международных отношениях [2].

Что касается пандемии, во Вьетнаме рабочие сохранили свои места на заводах. Правительство поставило условие предоставить сотрудникам компаний ночлег на рабочем месте или трансфер до дома. Более того, иностранным работникам было

¹ James Kenner Manufacturing in China Vs. Vietnam Guide [Электронный ресурс] // Vietnam and China Sourcing Pros and Cons / Cosmo sourcing: сайт. URL: <https://www.cosmosourcing.com/blog/china-vs-vietnam-manufacturing-sourcing-pros-and-cons> (дата обращения: 16.04.2023).

² GDP growth (annual %) [Электронный ресурс] // World Bank: сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2021&start=1985> (дата обращения: 29.04.2023).

³ Vietnam Minimum Wages [Электронный ресурс] // Trading economics: сайт. URL: <https://tradingeconomics.com/vietnam/minimum-wages?continent=europe> (дата обращения: 18.04.2023).

⁴ China Minimum Monthly Wages [Электронный ресурс] // Trading economics: сайт. URL: <https://tradingeconomics.com/china/minimum-wages?continent=asia&continent=asia/survey> (дата обращения: 18.04.2023).

позволено продолжать работать в экономических зонах при условии прохождения двухнедельного карантина.

Заключение

В ходе исследования было выявлено влияние СЭЗ на социально-экономическое развитие Вьетнама. Вьетнам заинтересован в использовании СЭЗ для всестороннего развития. Опыт Вьетнама свидетельствует о важной роли использования СЭЗ для потребностей страны и ее экономического роста. СЭЗ стали полигоном для испытаний новой политики и реформ, ускорителем развития страны в разных направлениях. За рассматриваемый период ВВП Вьетнама вырос в 16,5 раза с момента функционирования первых зон в стране. Наиболее распространенным типом СЭЗ в стране стали индустриальные парки (70,5%), прибрежные экономические зоны (20,8%), приграничные экономические зоны (5%). Преобладание данных типов СЭЗ связано с благоприятным географическим положением — протяженным морским побережьем, что позволяет легко экспортировать товары в другие страны; близостью к крупному промышленному городу КНР Шэньчжэню. В сочетании с международными морскими путями Вьетнам является одним из наиболее географически удобных мест для инвестиций.

Однако главными преимуществами стали стабильная политическая обстановка, дешевая рабочая сила, быстро развивающаяся инфраструктура, а также развитая система доставки и хранения товаров. Вьетнам предоставляет обширную систему льгот для привлечения компаний со всего мира, особенно для инвесторов в регионы с особенно сложными социально-экономическими условиями.

Во Вьетнаме действует четыре ключевые экономические зоны, в которых сконцентрировано большинство производственных и человеческих ресурсов. В них же расположилось большинство СЭЗ, их доля в ВВП Вьетнама составила 73% в 2022 г. Явным лидером среди КЭЗ является Южная, где сосредоточены основные производственные мощности и расположен самый крупный морской порт в стране. В Северной и Южной КЭЗ сконцентрировано большинство проектов с участием иностранных инвестиций.

Иностранные инвестиции играют важную роль в развитии экономики Вьетнама, более 50% экспорта товаров происходит из предприятий, находящихся на территории СЭЗ. За 34 года было создано 38 349 проектов с участием ПИИ на сумму более 523 млрд долл. США. Важными игроками являются южнокорейские компании, которые принесли более 100 млрд долл. США во Вьетнам.

Положительным эффектом работы экономической зоны Чулай является ее влияние на развитие экономики провинции Куанг Нам. До создания зоны этот район не обладал ни инфраструктурой, ни рабочей силой, поэтому был непривлекателен для инвесторов, но теперь он превратился в крупную экономическую зону, в которой размещено более 150 промышленных проектов. Были созданы рабочие места для 26 тыс. местных жителей, а также благодаря созданию зоны активно развивается транспортная инфраструктура: морской порт, аэропорт и автомобильная сеть. Правительство провинции стремится привлечь больше иностранных и национальных инвесторов для превращения зоны в многоотраслевой центр.

Опыт формирования и развития вьетнамских СЭЗ может быть полезным для Российской Федерации. Ведь в большинстве случаев деятельность отечественных СЭЗ не является удовлетворительной: объем фактически привлеченных инвестиций и количество созданных рабочих мест малы. Все СЭЗ на территории РФ малоэффективны, а в условиях сложной политической ситуации в мире излишнее доверие иностранным инвестициям со стороны нашей страны приносит риски в развитие зон.

Литература

1. Костюнина Г.М. Свободные экономические зоны в практике Вьетнама [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. I. 2018. № 2 (39). 15 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35425586> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Ле Минь Хоанг Фам. Новое содержание внешней политики Социалистической Республики Вьетнам на XIII съезде Коммунистической партии Вьетнама [Электронный ресурс] // Молодой ученый: сайт научного журнала. 2021. № 53 (395). С. 37–40. URL: <https://moluch.ru/archive/395/87433/> (дата обращения: 19.04.2023).
3. Хандуев П. Опыт организации особых экономических зон [Электронный ресурс] // официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. 2006. URL: http://egov-buryatia.ru/zak/documents/inf_vestnik/3/6.html (дата обращения: 17.04.2023).
4. Chu Lai. Open Economic Zone Actively Capturing New Opportunities [Электронный ресурс] // Vietnam Business Forum, 2019. URL: <https://vccinews.com/news/37100/chu-lai-open-economic-zone-actively-capturing-new-opportunities.html> (дата обращения: 18.04.2023).
5. Foreign Direct Investment and economic Zones in ASEAN [Электронный ресурс] // UNCTAD ASEAN Investment Report — 2018. URL: https://unctad.org/system/files/officialdocument/unctad_asean_air2017d1.pdf (дата обращения: 16.04.2023).
6. Keyi Tang. Lessons from East Asia: Comparing Ethiopia and Vietnam's Early — Stage Special Economic Zone Development [Электронный ресурс] // Washington, DC: China Africa Research Initiative, School of Advanced International Studies. Johns Hopkins University, 2019. Working Paper N 2019/26. URL: <http://www.sais-cari.org/publications> (дата обращения: 15.04.2023).
7. Statistical yearbook of Vietnam [Электронный ресурс] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2000. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2020/02/statistical-yearbook-2000/> (дата обращения: 19.04.2023).
8. Statistical yearbook of Vietnam [Электронный ресурс] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2010. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/10/NGTK-2010-pdf.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).
9. Statistical yearbook of Vietnam [Электронный ресурс] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2017. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/10/Nien-giam-2017-pdf.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).
10. Statistical yearbook of Vietnam [Электронный ресурс] // ежегодный статистический сборник. Hanoi : General Statistics Office, 2018. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/10/Nien-giam-2018-1.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).
11. Statistical yearbook of Vietnam [Электронный ресурс] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2020. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2021/07/Sach-NGTK-2020Ban-quyen.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).
12. Statistical yearbook of Vietnam [Электронный ресурс] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2021. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2022/08/Sach-Nien-giam-TK-2021.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).

Об авторах:

Сафина Сажиды Сарваровна, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук; safina.sazhida@mail.ru

Артамонова Ольга Сергеевна, студентка кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), направление — зарубежное регионоведение; o.artamonova963@gmail.com

References

1. Kostyunina G.M. Free economic zones in the practice of Vietnam [Electronic resource] // Southeast Asia: actual problems of development. [Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya]. Vol. I. 2018. N 2 (39). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35425586> (accessed: 19.04.2023). (In Russ.)
2. Le Minh Hoang Pham. New content of the foreign policy of the Socialist Republic of Vietnam at the XIII Congress of the Communist Party of Vietnam [Electronic resource] // Young scientist: site of a scientific journal. 2021. N 53 (395). P. 37–40. URL: <https://moluch.ru/archive/395/87433/> (accessed: 19.04.2023). (In Russ.)

3. Khanduev P. Experience in organizing special economic zones [Electronic resource] // official portal of state authorities of the Republic of Buryatia. 2006. URL: http://egov-buryatia.ru/zak/documents/inf_vestnik/3/6.html (accessed: 17.04.2023). (In Russ.)
4. Chu Lai. Open Economic Zone Actively Capturing New Opportunities [Electronic resource] // Vietnam Business Forum, 2019. URL: <https://vccinews.com/news/37100/chu-lai-open-economic-zone-actively-capturing-new-opportunities.html> (accessed: 18.04.2023).
5. Foreign Direct Investment and economic Zones in ASEAN [Electronic resource] // UNCTAD ASEAN Investment Report — 2018. URL: https://unctad.org/system/files/officialdocument/unctad_asean_air2017d1.pdf (accessed: 16.04.2023).
6. Keyi Tang. Lessons from East Asia: Comparing Ethiopia and Vietnam's Early — Stage Special Economic Zone Development [Electronic source] // Washington, DC: China Africa Research Initiative, School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, 2019. Working Paper N 2019/26. URL: <http://www.sais-cari.org/publications> (accessed: 15.04.2023).
7. Statistical yearbook of Vietnam [Electronic resource] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2000. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2020/02/statistical-yearbook-2000/> (accessed: 19.04.2023).
8. Statistical yearbook of Vietnam [Electronic resource] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2010. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/10/NGTK-2010-pdf.pdf> (accessed: 16.04.2023).
9. Statistical yearbook of Vietnam [Electronic resource] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2017. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/10/Nien-giam-2017-pdf.pdf> (accessed: 16.04.2023).
10. Statistical yearbook of Vietnam [Electronic resource] // ежегодный статистический сборник. Hanoi : General Statistics Office, 2018. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/10/Nien-giam-2018-1.pdf> (accessed: 16.04.2023).
11. Statistical yearbook of Vietnam [Electronic resource] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2020. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2021/07/Sach-NGTK-2020Ban-quyen.pdf> (accessed: 16.04.2023).
12. Statistical yearbook of Vietnam [Electronic resource] // Annual statistical collection. Hanoi : General Statistics Office, 2021. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2022/08/Sach-Nien-giam-TK-2021.pdf> (accessed: 16.04.2023).

About the authors:

Sazhida S. Safina, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences; safina.sazhida@mail.ru

Olga S. Artamonova, Bachelor of the Department of Regional Economics and Nature Management, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation); o.artamonova963@gmail.com

Стратегические направления развития электронной отрасли промышленности России

Шацкая И.В.

ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет», Москва, Российская Федерация; shatskaya@mirea.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность. Беспрецедентная санкционная политика в отношении России вынуждает задумываться о направлениях развития отечественной экономики. Одним из приоритетных направлений является развитие отечественной электронной отрасли промышленности — самой наукоемкой отрасли машиностроения, структурного ядра постиндустриальной волны в соответствии с волновой концепцией Э. Тоффлера. Именно электронная продукция, включая компоненты и изделия из них, чрезвычайно дифференцирована и, в том числе, служит комплектующим к иным промышленным и потребительским товарам. Значит без развития электронной отрасли промышленности затруднительным становится развитие других сфер и отраслей экономики.

Цель. Определить базовую стратегию развития электронной отрасли промышленности России.

Задачи. Обозначить стратегическую роль инноваций в электронике и микроэлектронике в достижении Россией технологического суверенитета.

Методология. В основе статьи лежит общая теория стратегии и методология стратегирования академика, иностранного члена РАН В.Л. Квинта, разработанная в Центре стратегических исследований института математических исследований сложных систем и кафедрой экономической и финансовой стратегии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Результаты. В статье содержится обзор глобальных инновационных тенденций и стартапов, которые сегодня трансформируют электронную отрасль промышленности. В дополнение к обзору автор приводит статистическую информацию об уровне освоения этих технологий в России.

Выводы. Стратегия развития электронной отрасли промышленности России должна быть основана на переориентации на инновационные изделия и компоненты, а также на инновационные способы производства.

Ключевые слова: электронная отрасль промышленности России, стратегия развития, глобальные тенденции, микроэлектроника, производство полупроводников, технологии производства электронных изделий и компонентов

Для цитирования: Шацкая И.В. Стратегические направления развития электронной отрасли промышленности России // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 131–140.

The Strategic Directions for the Development of the Electronic Industry in Russia

Irina V. Shatskaya

MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russian Federation; shatskaya@mirea.ru

ABSTRACT

Topicality. The unprecedented sanctions policy against Russia forces us to think about the directions of development of the domestic economy. One of the priority directions is the development of the domestic electronic industry — the most knowledge-intensive branch of mechanical engineering, the structural core of the post-industrial wave in accordance with the wave concept of E. Toffler. It is electronic products, including components and products made from them, that are extremely differentiated and, among other things, serve as components for other industrial and consumer goods. This means that without the development of the electronic industry, the development of other spheres and sectors of the economy becomes difficult.

Aim. To determine the basic strategy for the development of the electronic industry in Russia.

Tasks. To identify the strategic role of innovations in electronics and microelectronics in Russia's achievement of technological sovereignty.

Methods. The article is based on the general theory of strategy and methodology of strategizing by academician, foreign member of the Russian Academy of Sciences V.L. Kvint, developed at the Center for Strategic Studies of the Institute for Mathematical Research of Complex Systems and the Department of Economic and Financial Strategy of Lomonosov Moscow State University.

Results. The article provides an overview of global innovation trends and startups that are transforming the electronic industry today. In addition to the review, the author provides statistical information on the level of development of these technologies in Russia.

Conclusions. The strategy for the development of the electronic industry in Russia should be based on a reorientation towards innovative products and components, as well as innovative production methods.

Keywords: electronic industry of Russia, development strategy, global trends, microelectronics, semiconductor manufacturing, technologies for the production of electronic products and components

For citing: Shatskaya I.V. The Strategic Directions for the Development of the Electronic Industry in Russia // Administrative Consulting. 2024. N 3. P. 131–140.

Электронная отрасль промышленности, сосредоточенная на производстве электронных компонентов и изделий, является самой наукоемкой отраслью машиностроения. Безпрецедентный всплеск глобального развития и роста электронной промышленности наряду с изменением потребительских предпочтений за последние 20 лет привел к изобилию разнообразного электронного оборудования. Независимо от зафиксированного в прошедшее десятилетие спад производства электронных компонентов и изделий, с 2020 г. в мире вновь наметилась позитивная тенденция и по прогнозам специалистов глобальный объем рынка электроники к 2030 г. составит 790 млрд долл.¹

Подъем электронной отрасли промышленности был обеспечен благодаря ряду макроэкономических факторов, включая ускорившееся проникновение смартфонов на развивающиеся рынки, вызванный пандемией COVID-19 рост спроса на электротехнические товары, включая носимую электронику, распространение цифровых технологий в промышленной среде (например, робототехника и умные фабрики), электрификация и электронизация сферы мобильной связи и усовершенствования телекоммуникационной инфраструктуры (например, 5G).

В научной литературе появляются работы, в которых электронная отрасль промышленности рассматривается в качестве важнейшего компонента стратегии построения индустриальной экономики. Например, Э. Браун делает акцент на структурном ядре глобальной индустриальной системы в ходе волны индустриализации, рассматривая в качестве него стелелитейную промышленность и характеризуя ее как фундамент, на котором построены другие отрасли. На этапе постиндустриального развития, по мнению Э. Брауна, уже электронная отрасль промышленности становится символом промышленных достижений в силу своих особенностей²:

- электронная продукция, включая компоненты и изделия из них, чрезвычайно дифференцирована и, в том числе, служит комплектующим к иным промышленным и потребительским товарам;

¹ The Electronics Industry of Today and Tomorrow [Электронный ресурс]. URL: <https://emag.directindustry.com/2023/02/20/the-electronics-industry-of-today-and-tomorrow/> (дата обращения: 20.01.2024).

² Braun E. Electronics and Industrial Development [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/43541605.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

- современная микроэлектроника и вычислительная техника считаются главными достижениями научной эры.

Анализируя электронную отрасль промышленности, следует принять во внимание, что она состоит из множества разрозненных подотраслей: бытовой электроники, промышленной электроники, телекоммуникаций и производства компьютеров. Каждая из этих подотраслей, в свою очередь, может быть разделена на еще более мелкие подотрасли. Производство электронных компонентов, к примеру, включает изготовление активных компонентов, которые в настоящее время в основном изготавливаются из полупроводниковых материалов (полупроводниковая промышленность), и пассивных компонентов, таких как резисторы, конденсаторы и печатные платы.

По некоторым оценкам, до 2022 г. в отечественной отрасли электронной промышленности было задействовано около 3000 предприятий, из которых 500 находились под государственным контролем и выполняли госзаказ, остальные — частные предприятия, включая российские отделения международных корпораций, в большинстве своем сконцентрированные на производстве товаров потребительского спроса¹. В 2022 г. часть иностранных предприятий — производителей электроники покинули российский рынок. Невзирая на это, по данным Ассоциации российских разработчиков и производителей электроники (АРПЭ)², опубликованным в феврале 2024 г., производство электронного оборудования в нашей стране в 2023 г. увеличилось на 20% по сравнению с 2022 г. Главными причинами роста стали приход на российский рынок электроники частных инвесторов и выход на проектную мощность новых заводов, занятых производством электронного оборудования. Кроме того, по прогнозам экспертов, до конца 2024 г. производство электронного оборудования в России увеличится на 10–15% по отношению к 2023 г.³

Как отмечается в исследовании Центра современной электроники⁴, сегмент отечественного рынка электроники, пользующийся самым высоким спросом, — это производство электронных изделий и компонентов военной и аэрокосмической техники (39% общего объема рынка). За ним следуют сегмент промышленной электроники (20%), оборудование для связи (10%), системы безопасности (9%), светотехника и табло (8%), торговое оборудование и медицинская электроника (по 4% рынка на каждый сегмент), потребительская и автомобильная электроника (по 3% рынка соответственно).

Одной из основных проблем российского рынка электроники, сохраняющихся в 2024 г., является высокая зависимость от импорта, при этом имеющиеся в наличии отечественные производственные мощности не могут покрыть всей потребности страны. Развитие же отечественной электроники сдерживает недостаточно развитое производство электронной компонентной базы. В дополнение к этому Россию покинули многие иностранные поставщики электронных компонентов.

Будущее российской экономики — за техническим и технологическим перевооружением производства [2, с. 34]. Например, А.Г. Аганбегян, Б.Н. Порфирьев

¹ Обзор электронной промышленности России [Электронный ресурс]. URL: <https://expoelectronica.ru/ru/news/2020/january/23/industry-review/> (дата обращения: 20.01.2024).

² Электронная промышленность (рынок России) [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F.%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%28%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%29 (дата обращения: 20.01.2024).

³ Там же.

⁴ Обзор электронной промышленности России [Электронный ресурс]. URL: <https://expo-electronica.ru/ru/news/2020/january/23/industry-review/> (дата обращения: 20.01.2024).

и А.А. Широв придерживаются мнения, что «к 2035 г. (через 15 лет) нужно поставить задачу приближения к технологическому уровню развитых стран. Для этого, в первую очередь, должен быть обеспечен подъем и техническая реконструкция машиностроительных предприятий, с тем чтобы техническое перевооружение во многом базировалось на отечественном оборудовании мирового уровня» [4, с. 206].

Только в 2024 г.¹ в интересах поддержки отрасли Правительство России выделяет 210 млрд руб. Из них 770 млн руб. — на развитие отрасли микроэлектроники в части производства материала для микрочипов. Для этой цели осенью 2023 г. Министерство промышленности и торговли в рамках программы «Развитие электронного машиностроения на период до 2030 года» разработало проект по производству компаунда². Проект должен быть реализован до окончания 2025 г.

Здесь следует отметить, что тенденция, связанная с налаживанием собственного производства изделий микроэлектроники, распространяется не только на Россию, но и на США и страны Евросоюза. В течение многих лет мировой рынок полупроводников зависел от Азии, где производится почти 2/3 чипов, особенно на Тайване, в Китае и Южной Корее. Сбои последних лет, в особенности в период пандемии COVID-19, заставили американских и европейских производителей осознать, что для борьбы с дефицитом необходима большая автономия. Закон о европейских чипах³, о котором было объявлено в феврале 2022 г., предусматривает выделение 43 млрд евро до 2027 г. на развитие европейской полупроводниковой экосистемы. Схожий по своим целям Закон о чипах и науке в США предусматривает выделение на их реализацию 280 млрд долл. США; Южная Корея, Япония и Индия объявили о крупномасштабных инвестиционных программах, налоговых льготах и специальных программах по расширению своего производственного присутствия.

Министерство промышленности и торговли России в рамках Форума «Микроэлектроника — 2023» представило Дорожную карту развития отечественной микроэлектроники. По планам Министерства, в ближайшие годы микроэлектронные предприятия смогут «производить продукцию по топологическим нормам 130 нм. В 2026 г. топология составит 65 нм, в 2027 г. — 28 нм, в 2030 г. — 14 нм»⁴. Это, в самом деле, может стать грандиозным достижением отечественной микроэлектроники и открывает широкие перспективы для развития самых разных сегментов электронной отрасли промышленности России. Для сравнения, крупнейший производитель и экспортер микроэлектроники в России АО «Микрон» «выпускает различные виды продукции, например, банковские и транспортные карты на чипах типоразмером 180 нм»⁵. При этом, как отмечает академик РАН, научный руководитель Института проблем проектирования в микроэлектронике РАН А.Л. Стемковский, «уровень 180 нм (мировыми — прим. авт.) лидерами был достигнут более 20 лет назад, 90 нм — более 10 лет, а сейчас они вышли на 7 нм и даже 3 нм. Это совсем другая микроэлектроника

¹ Электронная промышленность (рынок России) [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%28%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%29 (дата обращения: 20.01.2024).

² Компаунд — специальный материал, используемый для производства микроэлектроники.

³ The Electronics Industry of Today and Tomorrow [Электронный ресурс]. URL: <https://emag.directindustry.com/2023/02/20/the-electronics-industry-of-today-and-tomorrow/> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Российская микроэлектроника перейдет на топологию 28 нм. Много это или мало? [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-10-11_rossijskaya_mikroelektronika (дата обращения: 20.01.2024).

⁵ Как Россия может осуществить прорыв в микроэлектронике [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/10/18/svoj-chip-v-golove.html> (дата обращения: 20.01.2024).

ника. Чтобы ее создавать, нужны принципиально новая электронная промышленность, новые заводы, новые САПР»¹.

На фоне стремительной цифровой трансформации экономики другая задача, стоящая перед отечественной отраслью электронной промышленности, — использование глобальных новейших технологических достижений в производственных процессах и проектировании компонентов в целях ускорения роста отрасли. Основные тенденции мировой электронной промышленности включают использование передовых материалов, органическую электронику и миниатюризацию. Кроме того, прорывные технологии, такие как искусственный интеллект и интернет вещей, позволяют внедрять на промышленных предприятиях интеллектуальные методы производства. Рассмотрим глобальные инновационные тенденции и стартапы, которые сегодня трансформируют электронную отрасль промышленности²:

- производство передовых электронных материалов. В течение нескольких десятилетий полупроводниковая промышленность зависела от кремния, но имеется предел возможностям литографии и нанесения рисунка на кремниевый материал. Поэтому инновации для повышения производительности интегральных схем основаны на новых материалах и архитектурах. Мировые стартапы сосредоточены на создании альтернатив кремнию и другим полупроводниковым материалам или композитам, таким как графен и наноматериалы, для обеспечения высокой производительности и экономичности. В России коммерческим производством и внедрением графена, самого тонкого материала в мире, занимается ограниченное число предприятий, к примеру, «Русграфен», «Графенокс», «Нанотехцентр», «Актив-нано», ПКФ «Альянс», «АкКО Лаб», «Граф-СК», «Графсенсорс». Вместе с тем, на сегодняшний день в нашей стране до сих пор отсутствует государственная программа развития графеновых технологий;
- производство гибкой электроники и органической электроники, очевидными преимуществами которой перед неорганической являются экономичность, гибкость, оптическая прозрачность, экологичность. Разработка схем с микробиологическими компонентами или производство устройств из биоразлагаемых и перерабатываемых материалов рассматривается как следующий тренд в производстве электроники. «Основные устройства органической электроники — солнечные батареи, светодиоды, транзисторы»³.

Следует отметить, что гибкая электроника — динамично растущая отрасль. Мировой объем выпуска печатной, гибкой и органической электроники по прогнозам IDTechEx к 2030 г. составит 74 млрд долл. в год. В то же время российский рынок гибкой электроники пока находится в стадии становления. В 2020 г. при «ТехноСпарке» в г. Троицк начал работу Российский центр гибкой электроники (РЦГЭ) — компания мирового уровня, проектировщик и производитель ключевых компонентов микроэлектроники и фотоники на базе тонкопленочных транзисторных матриц⁴. Центр специализируется на производстве гибких органических TFT-матриц и иных микроэлектронных технологий последнего поколения. Одним из достижений Центра является технология, которая регулирует прозрачность пленки стекла за доли секунды: «теперь такое стекло планируется встраивать в фары, окна и люки отече-

¹ Там же.

² Top 10 Electronics Industry Trends & Innovations in 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/electronics-manufacturing-trends/> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Органическая электроника — сказка или реальность? [Электронный ресурс]. URL: [https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2016/06\(122\)-2016/25255/](https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2016/06(122)-2016/25255/) (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Официальный сайт Российского центра гибкой электроники [Электронный ресурс]. URL: <https://rcge.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

ственных автомобилей, а в дальнейшем и в обычные очки с диоптриями, превращая их по щелчку переключателя в солнцезащитные»¹;

- решения на базе искусственного интеллекта. Искусственный интеллект влияет на рост производства полупроводников двумя способами: во-первых, за счет увеличения спроса на инновационные электронные компоненты с поддержкой искусственного интеллекта; во-вторых, за счет совершенствования процессов производства и проектирования изделий. Традиционные методы имеют ограничения в плане изменения циклов разработки продукта, улучшения процессов проектирования продукта и уменьшения количества дефектов. Но применение искусственного интеллекта устраняет все эти ограничения²;
- интернет вещей, который пересматривает производственный процесс и управляет практиками, которых, как оказалось, трудно достичь с помощью традиционных подходов. На «умных» фабриках, применяющих интернет вещей, электронные промышленные устройства самостоятельно обрабатывают и хранят данные при цифровом подключении. Специалистами подсчитано, что применение технологии интернета вещей промышленными предприятиями позволяет сократить себестоимость их производства на 25%, операционные расходы — на 30%³.

По данным экспертов⁴, в 2023 г. объем российского рынка промышленного интернета вещей вырос на 8% по сравнению с 2022 г. и достиг 144,4 млрд руб. Аналитики считают, что прирост объема рынка в 2025–2026 гг. составит 11% и к концу этого периода достигнет 188,9 млрд руб.

Вместе с тем, по данным российской ИТ-компании САТЕЛ⁵, только 27% предприятий в России используют технологию интернета вещей, в то время как в США — 69%;

- производство встраиваемых систем — процессорных плат и периферийных модулей различных форматов, которые определяют скорость, безопасность, размер и мощность электронного устройства. Глобальный сектор проектирования и производства таких систем претерпевает многочисленные инновации, направленные на повышение производительности, безопасности и возможностей подключения. Кроме того, на предприятиях по производству электроники эти системы полезны для улучшения управления и мониторинга оборудования. В тройку мировых лидеров по производству встраиваемых систем входят корпорация «Атмель», корпорация Intel, Техас Инструменты⁶. Все эти компании — американские. Помимо США глобальное лидерство по производству встраиваемых систем принадлежит Европе.

Следует отметить, что российские производители электроники GS Group и Fplus

¹ Там же.

² Top 10 Electronics Industry Trends & Innovations in 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/electronics-manufacturing-trends/> (дата обращения: 20.01.2024).

³ В России только 27% предприятий используют технологии промышленного интернета вещей [Электронный ресурс]. URL: https://www.idexpert.ru/news/V-Rossii-tolko-27--predpriyatiy-ispolzuyut-tekhnologii-promyshlennogo-interneta-veshchey/?sphrase_id=15610566 (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Подсчитан объем рынка интернета вещей в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rspectr.com/infographics/eksperty-podschitali-obem-rynka-interneta-veshhej-v-rf> (дата обращения: 20.01.2024).

⁵ Там же.

⁶ Доля рынка встраиваемых систем растет в среднем на 7,20% к 2025 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrowdru.com/2022/11/22/%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8F-%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BA%D0%B0-%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D1%85-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC-%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5/> (дата обращения: 20.01.2024).

расширяют мощности по выпуску материнских плат. Так, GS Group в феврале 2024 г. в связи с ростом числа заказов на 28% запустила дополнительную производственную линию, благодаря которой ожидается удвоение мощности до 1 млн плат в год¹. Примечательно, что если раньше выпускаемые материнские платы применялись для ноутбуков, то сейчас компанией налажено производство сложных серверных плат и устройств для телекоммуникационного оборудования;

- миниатюрная электроника как результат тенденции ощутимого уменьшения размеров приборов и устройств, свойственного цифровой экономике [7, с. 114], которая дает возможность расширить области применения продукции электронной отрасли промышленности. К примеру, приложения для здравоохранения и автомобильной промышленности имеют ограничения по пространству с точки зрения реализации конкретных устройств. Теперь же появляются инновации, позволяющие сделать электронные компоненты как можно меньше при сохранении скорости, надежности и эффективности. Другим важным аспектом миниатюризации является интеграция все большего количества функций в один компонент. Например, датчики naponet и ножи для вилочных погрузчиков — это несколько недавних разработок в области миниатюрных электронных компонентов.

В 2022 г. Государственная корпорация «Ростех» сделала доклад² об успешном производстве холдингом «Росэлектроника» первого в России миниатюрного микродисплея на органических электролюминесцентных светодиодах (OLED-дисплея). Диаметр дисплея сопоставим с монетой Банка России номиналом 10 руб. Отмечается, что такой дисплей можно применять в очках виртуальной, дополненной и смешанной реальности, а также для установки в фото- и видеокамерах, специальной тепловизионной технике. По данным «Ростех», в мире насчитывается всего пять стран, обладающих такой технологией создания дисплеев.

Обзор глобальных инновационных технологий в электронной отрасли промышленности, а также отечественных стартапов, позволяет сделать вывод о том, что производство электроники в России развивается. В некоторых сферах это происходит ускоренными темпами, и российские технологии и изделия ни в чем не уступают зарубежным. В чем-то, к примеру, в микроэлектронике, производстве полупроводников, Россия значительно отстала от других стран и в ближайшие несколько лет должна сделать практически невозможное — догнать их в целях обеспечения гарантированного технологического суверенитета. В соответствии с теорией стратегии академика В.Л. Квинта, основателя научной школы стратегирования МГУ им.М.В. Ломоносова, «процесс формирования технологической независимости не является одномоментным и краткосрочным. Бесспорно, он имеет долгосрочный характер и затрагивает широкий спектр факторов, придавая ему стратегическое значение» [6, с. 59]. Реализация этого процесса требует разработки стратегий развития не только национального уровня, но также и регионального, отраслевого и даже корпоративного [5]. Причем технологический суверенитет не является самоцелью, ради достижения которой разрабатывается стратегия, напротив, он должен учитывать обеспечение «общественной полезности через повышение всех характеристик качества жизни населения, что и предопределяет целесообразность новаторских научно-технологических разработок» [6, с. 59].

Как отмечает В.Л. Квинт по вопросу формирования стратегических приоритетов промышленного развития нашей страны, «концепция целостной национальной стра-

¹ Расширение производства плат [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-01-26_v_rossii_narashchivaetsya_proizvodstvo (дата обращения: 20.01.2024).

² «Ростех» показал первый в России миниатюрный OLED-дисплей [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/658861/> (дата обращения: 20.01.2024).

тегии является такой интеллектуальной инновацией, которая при внедрении позволит выстроить экономическую деятельность государства таким образом, чтобы предотвратить резкие падения экономических показателей» [4, с. 277]. Обзор государственных программ и проектов позволил авторам сделать вывод о том, что «среди приоритетов, вышедших на первый план и приобретающих статус стратегических, стала промышленная политика государства, направленная на восстановление и расширение собственного производства с переориентацией на инновационные товары и способы производства» [4, с. 280]. Схожего мнения придерживается Ж. Майер, акцентирующий внимание на том, что «инновационная политика страны, которая придает приоритетное значение развитию внутренних инноваций, существенно увеличивают потенциал индустриализации как стратегии развития в цифровую эпоху» [11, с. 2515].

Безусловно, стратегия развития электронной отрасли промышленности России, основанная на переориентации на инновационные изделия и компоненты, а также на инновационные способы производства является абсолютно верной. Нашей страной накоплен огромный потенциал в части развития электроники, в том числе кадровый. Помимо упомянутых в данной статье технологий наша страна занимается развитием, к примеру, печатной электроники. Здесь следует отметить, что печать электронных компонентов на полупроводниковой подложке является наиболее эффективным способом снижения общей стоимости производственного процесса. Другое направление развития российской электроники — 3D-печать. Аддитивное производство в электронной отрасли промышленности устраняет необходимость в плоских печатных платах¹. Это позволяет создавать новые инновационные конструкции и формы, которые невозможно изготовить обычными способами. 3D-принтеры также изготавливают электронные компоненты как единую непрерывную деталь, эффективно создавая полнофункциональную электронику, которая практически не требует сборки. Следовательно, внедрение этой тенденции в производстве электроники ускоряет создание прототипов, обеспечивает массовую кастомизацию и децентрализует производство деталей. В конечном итоге это обеспечит предприятиям снижение себестоимости производства и дополнительную доходность: «эффективное использование ресурсов ... зависит от технологического фактора, который является основополагающим условием максимизации прибыли и рентабельности» [10]. Причем, по оценкам Ж.К. Галиева, Н.В. Галиевой и А.Д. Тупикова, «основным условием признания технологических решений инновацией должно являться снижение себестоимости единицы продукции не менее 15%» [3, с. 192], что служит хорошим стимулом для развития российской электронной отрасли промышленности.

Задача инновационного развития отечественного производства, включая производство комплектующих изделий, — одна из приоритетных задач российской экономики. Для решения этой задачи требуется внедрить на предприятия электронной отрасли промышленности самое современное технологическое оборудование для крупносерийного производства [9, с. 44], обеспечить профессиональную подготовку большого количества инженерных кадров. По некоторым оценкам, дефицит квалифицированных инженеров в отрасли электроники сегодня 20 тыс. чел. Нельзя забывать и то, что технологическое перевооружение производства не только связано с «развитием производств, использующих результаты научных исследований и создающих продукцию с высокой добавленной стоимостью» [8, с. 149], но должно также сопровождаться развитием цифровой среды и повышением цифровой активности, ведь именно цифровые технологии, как мы наблюдаем в последнее десятилетие, «способствуют глобальному экономическому росту и социальному

¹ Top 10 Electronics Industry Trends & Innovations in 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/electronics-manufacturing-trends/> (дата обращения: 20.01.2024).

прогрессу» [12, с. 518], а это еще один приоритетный вопрос, который ложится на плечи нашего государства и бизнеса.

Вместе с тем решение этих и других задач жизненно необходимо нашей стране. Использование при этом научно обоснованной стратегии развития электронной отрасли промышленности — важный фактор экономической устойчивости России в столь сложный для нее период.

Литература

1. Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н., Шилов А.А. О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 193–213.
2. *Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России* / под ред. Е. Б. Ленчук. СПб. : Алетей, 2015. 285 с.
3. Галиев Ж.К., Галиева Н.В., Тупиков А.Д. Экономикотеоретические аспекты эффективного функционирования предприятий в рыночной среде // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2016. № 5. С. 187–194.
4. Гринев С.А., Квинт В.Л. Формирование стратегических приоритетов промышленного развития РФ как инновационный фактор преодоления кризисных периодов // Экономика промышленности. 2023. № 6 (3). С. 275–283. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-3-275-283
5. Квинт В.Л. Концепция стратегирования : монография. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. — 170 с.
6. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К., Сасаев Н.И. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 57–67. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67
7. Мыльникова Л.А. Инновации и цифровизация российской экономики // Экономический журнал. 2019. № 1. С. 107–119.
8. Назаренко Т.С., Новикова И.В. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 2. С. 140–157. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-2-140-157
9. Филиппов А.А. Современное состояние и основные тенденции развития радиоэлектронной промышленности в Российской Федерации // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). СПб. : Заневская площадь, 2014. С. 40–45.
10. Ilyin S.Y., Krasnyanskaya O.V., Shatskaya I.V., Beketova O.N. Business sustainability management in the current scientific and technical climate // E3S Web of Conferences. 2020. N 1. P. 03034.
11. Mayer J. Development strategies for middle-income countries in a digital world — Insights from modern trade economics // The World Economy. 2021. Vol. 44. Is. 9. P. 2515–2546.
12. Shing H. Doong, Shu-Chun Ho. The impact of ICT development on the global digital divide // Electronic Commerce Research and Applications. 2012. Vol. 11. Is. 5. P. 518–533. DOI: 10.1016/j.elerap.2012.02.002

Об авторе:

Шацкая Ирина Вячеславовна, заведующий кафедрой экономики МИРЭА — Российского технологического университета (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5292-3382; shatskaya@mirea.ru

References

1. Aganbegyan A.G., Porfiriev B.N., Shirov A.A. On overcoming the current crisis and ways of developing the Russian economy // Scientific works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2021. Vol. 227. N 1. P. 193–213. (In Russ.)
2. The foreign economic dimension of the new industrialization of Russia / ed. by E.B. Lenchuk. Saint Petersburg : Aleteya, 2015. 285 p. (In Russ.)
3. Galiev Zh.K., Galieva N.V., Tupikov A.D. Economic and theoretical aspects of the effective functioning of enterprises in a market environment // Mining information and analytical bulletin

- (scientific and technical journal) [Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)]. 2016. N 5. P. 187–194. (In Russ.)
4. Grinev S.A., Kvint V.L. Formation of strategic priorities of industrial development of the Russian Federation as an innovative factor in overcoming crisis periods // The economics of industry [Ekonomika promyshlennosti]. 2023. N 16 (3). P. 275–283. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-3-275-283 (In Russ.)
 5. Kvint V.L. The concept of strategizing: a monograph. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 170 p. (In Russ.)
 6. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K., Sasaev N.I. Strategizing technological sovereignty of the national economy // Managerial consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 9. P. 57–67. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67
 7. Mylnikova L.A. Innovations and digitalization of the Russian economy // The Economic Journal [Ekonomicheskii zhurnal]. 2019. N 1. P. 107–119.
 8. Nazarenko T.S., Novikova I.V. Digital transformation of public administration as a strategic public good // Strategizing: theory and practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2023. Vol. 3. N 2. P. 140–157. (In Russ.) DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-2-140-157
 9. Filippov A.A. The current state and main trends in the development of the radioelectronic industry in the Russian Federation / Problems and prospects of economics and management: proceedings of the III International Scientific Conference (Saint Petersburg, December 2014). Saint Petersburg : Zanevskaya Square, 2014. P. 40–45 (In Russ.)
 10. Ilyin S.Y., Krasnyanskaya O.V., Shatskaya I.V., Beketova O.N. Business sustainability management in the current scientific and technical climate // E3S Web of Conferences. 2020. N 1. P. 03034.
 11. Mayer J. Development strategies for middle-income countries in a digital world — Insights from modern trade economics // The World Economy. 2021. Vol. 44. Is. 9. P. 2515–2546.
 12. Shing H. Doong, Shu-Chun Ho. The impact of ICT development on the global digital divide // Electronic Commerce Research and Applications. 2012. Vol. 11. Is. 5. P. 518–533. DOI: 10.1016/j.elerap.2012.02.002

About the author:

Irina V. Shatskaya, Head of the Department of Economics MIREA — Russian Technological University (Moscow, Russian Federation), Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor; ORCID: 0000-0001-5292-3382; shatskaya@mirea.ru

Категоризация профессиональных предпочтений в IT-сфере

Хлобыстова А. О.¹, Абрамов М. В.^{1, *}, Тулупьева Т. В.^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mva@dscs.pro

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель исследования заключается в разработке опросника, интегрирующего традиционные методики профориентации и категоризацию IT-профессий за счет анализа существующих классификаций и интервьюирования IT-специалистов. **Методы.** Для достижения поставленной цели был произведен выбор традиционной методики профориентации путем анализа существующих и выбора из них той, которая наилучшим образом соответствует цели исследования. Разработана система категоризации IT-специальностей за счет анализа существующих классификаций и интервьюирования IT-специалистов. **Результаты.** Среди существующих традиционных методик профориентации был выбран тест Голланда, как имеющий потенциал для адаптации к IT-сфере. Анализ существующих классификаций IT-специальностей показал отсутствие единства, в связи с этим была разработана собственная категоризация, включающая пять основных категорий: разработка, QA-специалисты, работа с данными и исследования, менеджмент, дизайн. **Выводы.** По результатам исследования была выдвинута гипотеза о существовании различий по степени выраженности социально-профессиональных типов Голланда среди различных IT-специальностей. А также приведено предполагаемое соответствие различных категорий IT-направлений и преобладающего типа Голланда. Исследование закладывает основу для разработки программного продукта, направленного на помощь людям в определении наиболее подходящих для них IT-специальностей.

Ключевые слова: профориентация, социальные сети, IT-специальности, карьера в IT, категоризация, тест Голланда

Для цитирования: Хлобыстова А. О., Абрамов М. В., Тулупьева Т. В. Категоризация профессиональных предпочтений в IT-сфере // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 141–153.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 23-21-00338 — Модель компетентностно-ориентированного скоринга для IT-сферы.

IT Job Preference Categorization

Anastasiia O. Khlobystova¹, Maxim V. Abramov^{1, *}, Tatiana V. Tulupyeva^{1, 2}

¹ St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; *mva@dscs.pro

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The aim of the study is to develop a questionnaire integrating traditional career guidance techniques and categorization of IT professions by analyzing existing classifications and interviewing IT specialists. **Methods.** In order to achieve the objective, we selected a traditional career guidance methodology by analysing the existing ones and selecting the one that best corresponds to the research objective; we also selected a system of categorisation of IT spe-

cialties by analysing the existing classifications and interviewing IT specialists. Results. Among the existing traditional career guidance techniques, the Holland Test was selected as having the potential to be adapted to the IT field. The analysis of the existing classifications of IT specialties showed the lack of unity, in this context our own categorisation was developed, including five main categories: development, QA specialists, working with data and research, management, design. Conclusions. Based on the results of the study, it was hypothesised that there are differences in the degree of expression of the Holland types among the different IT professions. Also, the presumed correspondence between different categories of IT professions and the predominant Holland types is given. The study forms the basis for the development of a software product that will help people to identify the most suitable IT professions for them.

Keywords: career guidance, social media, IT specialties, IT career Landscape, categorization, RIASEC

For citing: Khlobystova A. O., Abramov M. V., Tulupyeva T. V. IT job preference categorization // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 141–153.

Gratitude. The work was supported by an RNF grant, project N 23-21-00338 — A model of competence-based scoring for the IT sector.

Введение

IT-сфера предоставляет уникальные возможности для оптимизации управленческих процессов и принятия обоснованных стратегических решений. Так, например, современная коммуникация непредставима без использования систем видеоконференцсвязи, облачные технологии позволяют работать с документами с любой точки мира, IT-технологии широко применимы для автоматизации рутинных бизнес-процессов, а различные системы аналитики, обрабатывающие большие объемы данных, предоставляют возможность принятия более обоснованных решений. Вместе с тем развитие IT-индустрии тесно связано с развитием кадрового потенциала.

В настоящий момент существует огромное множество вариантов выстраивания карьеры в данной сфере¹, включая как специальности, напрямую связанные с написанием программного кода, так и виды деятельности, носящие сопроводительный характер, например, организацию процесса работы, разработку дизайна, тестирование и т.д. Растущая популярность IT-индустрии, быстрый прогресс и развитие технологий, множество вариантов специализации и сложности в сопоставлении себя (своих интересов, личностных особенностей) и подходящей профессии — все это усложняет процессы принятия решений при построении карьеры в данной сфере. Вместе с тем существует проблема отсутствия комплексной методики для оценки профориентационных склонностей в IT-сфере. Данная проблема обусловлена сразу рядом причин. Во-первых, данная сфера деятельности очень разнообразна и многогранна, в ней существует множество карьерных путей и специализаций, нуждающихся в категоризации. Во-вторых, IT-индустрия характеризуется собственной терминологией и требует определенных знаний, которые могут осложнить процесс разработки такой методики. Наконец, IT — относительно молодая сфера деятельности, еще нуждающаяся в исследовании различного рода вопросов.

Таким образом, разработка современных инструментов для профориентации в IT-сфере является нетривиальной, но в то же время важной задачей, которая может быть отнесена к задачам многоклассовой классификации. Такого рода за-

¹ Кадровый голод. России не хватает миллиона IT-специалистов. На кого пойти учиться, чтобы обеспечить себе будущее? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/07/27/golod/?ysclid=I3v2z6c3sa> (дата обращения: 11.07.2023).

дачи зависят от качества и размера обучающих данных. Для их сбора необходимо разработать опросник, который будет сочетать существующую теорию профессионального выбора и особенности IT-сферы, включая ее разнообразие и специфическую терминологию.

Цель исследования заключается в разработке опросника, интегрирующего традиционные методики профориентации и категоризацию IT-специальностей за счет анализа существующих классификаций и интервьюирования IT-специалистов с учетом особенностей IT-индустрии, классификации по областям знаний, навыкам и/или конкретным профессиональным путям.

Собранные при помощи опросника данные планируется проанализировать с использованием методов искусственного интеллекта для выявления паттернов и взаимосвязей между психическими особенностями и предпочтениями в IT-сфере. Это ляжет в основу программного продукта, направленного на помощь людям в определении наиболее подходящих для них IT-специальностей и карьерных путей. Значимость исследования заключается в улучшении процесса профориентации в IT-сфере, повышении эффективности подбора персонала и внесения вклада в развитие IT-индустрии. Исследование обладает новизной: разработка новой специфической методики с учетом особенностей IT-индустрии является новаторским подходом и вносит вклад в область профориентации.

Релевантные работы

Предсказание личностных характеристик пользователей по социальным медиа при помощи методов искусственного интеллекта является актуальной тематикой в современных исследованиях [1–4, 9, 10, 14]. Так, в [4, 14] описывается разработка моделей машинного обучения, позволяющих предсказывать выраженность черт «Большой пятерки» на основе публикуемого пользователями контента в социальных сетях. В [1, 3, 9] анализируются посты пользователей в социальных сетях с целью предсказания результатов психологических тестов. Также существуют работы, в которых демонстрируются возможности предсказания психологических особенностей на основе сообществ [10], фотографий [2] и используемых эмоджи [12]. Данные публикации подтверждают перспективность исследований, связанных с анализом профиля пользователя в социальных сетях для построения его личностного портрета.

Как отмечалось ранее, вопрос автоматизации оценки степени выраженности личностных характеристик и построения рекомендаций в области профориентации по информации из профиля пользователя в социальных медиа является относительно новой, неизученной темой. Вместе с тем, существуют работы, основывающиеся на информации, загружаемой о себе человеком самостоятельно. Так, авторы [8] создали базу знаний о навыках и должностях, основанную на сведениях с сайта по поиску работы Великобритании и базы O*NET (США); а также автоматический анализатор pdf-резюме, который позволяет извлекать технические навыки. Для нетехнических навыков пользователя предлагается заполнить анкету из 24 вопросов. После чего полученная информация при помощи методов искусственного интеллекта анализируется и проецируется на граф рабочих ролей, узлы которого — это специальности, а дуги свидетельствуют об их схожести друг с другом. Также среди аналогичных работ можно выделить различные системы для помощи обучающимся в выборе курсов в университете, основывающиеся на результатах прохождения ими профориентационного тестирования [7, 13, 15].

Среди научных работ, в которых встречается категоризация IT-специальностей, можно выделить [5, 11]. В [11] исследуется выбор специальности и карьерные устремления студентов бакалавриата по информационным технологиям в одном

из австралийских университетов. Для выбора системы категоризации использовался анализ статей, размещенных от лица карьерных и онлайн-платформ, а также интервьюирование различных IT-специалистов. В работе [5] автор выделяет 9 направлений в IT-индустрии: разработка, работа с данными, кибербезопасность, компьютерная криминалистика, исследования, инфраструктура, техническая поддержка, интернет-вещей (IoT), около IT-специальности. В [6] исследуются факторы, которые влияют на пребывание в должности IT-директора. Для достижения цели исследования были проанализированы резюме 384 IT-директоров, проведено интервью с 19 из них. В результате были определены 9 факторов, имеющих решающее значение для успеха. Хотя данные работы проясняют некоторые аспекты категоризации IT-специальностей, однако для создания полной и детальной картины необходимо дополнительное исследование.

Материалы и методы

В настоящий момент не существует общепризнанных или широко используемых опросников по профориентации, специально разработанных для IT-сферы. Поэтому в качестве методик для профориентации были рассмотрены общие опросники:

- 1) тест Климова направлен на выявление предрасположенности человека к определенным типам профессий: человек — природа, человек — техника, человек — человек, человек — знаковый образ, человек — художественный образ. В ходе тестирования респонденту предлагается в каждой из 20 пар предлагаемых видов деятельности выбрать наиболее предпочтительный;
- 2) тест Йоваши направлен на выявление предпочтений и интерес человека к шести сферам профессиональной деятельности: искусство, технический интерес, работа с людьми, умственный труд, физический труд, материальные интересы (планово-экономическая). Опросник состоит из 24 вопросов с 3 вариантами ответов в каждом. По результатам определяется степень выраженности к той или иной профессиональной склонности;
- 3) тест Голланда: методика основана на шести типах личности и шести основных профессиональных областях (реалистичный, исследовательский, художественный, социальный, предприимчивый и конвенциональный). Каждый тип личности соответствует определенным профессиональным интересам и предпочтениям. Хотя модель Голланда не относится исключительно к области IT, предполагается, что типы личности могут быть соотнесены с различными IT-ролями. Для прохождения теста респонденту предлагается в каждой из 42 пар профессий выбрать наиболее привлекательную для него;
- 4) якоря карьеры: методика, разработанная Эдгаром Шейном, предполагает, что у каждого человека есть несколько ярко выраженных якорей (профессиональных ценностей). Среди таких якорей Э. Шейн выделяет: предпринимательство, профессиональную компетентность, менеджмент, автономию, стабильность рабочего места, стабильность места проживания, интеграцию стилей жизни человека, служение, вызов. Опросник состоит из 41 суждения, каждому из которых нужно дать оценку привлекательности по десятибалльной шкале;
- 5) карта интересов Голомштока — методика для определения сферы интересов. Опросник включает 174 вопроса, отражающих направленность интересов в 29 сферах деятельности, по каждому из которых необходимо отметить один из четырех вариантов: очень нравится, нравится, не нравится, очень не нравится.

Среди перечисленных вариантов был выбран тест Голланда, потому что данный тест обладает высокой степенью универсальности и может быть адаптирован к широкому спектру профессиональных областей, включая IT-сферу.

Выбор системы категоризации IT-специальностей

В качестве информационных источников для разработки системы категоризации IT-специальностей были проанализированы следующие онлайн-ресурсы: сообщество IT-специалистов¹, сервисы для поиска работы^{2,3} и платформы онлайн-образования^{4, 5, 6, 7, 8}. Так, согласно данным крупнейшего IT-сообщества профессии в данной сфере могут быть разделены на 13 групп: разработка программного обеспечения, тестирование, информационная безопасность, администрирование, дизайн, менеджмент, аналитика, поддержка, маркетинг, продажи, контент, кадры, офис². Сервисы по поиску работы используют более мелкое разделение⁴, выделяя 25 различных специальностей. Вместе с тем, стоит отметить, что часть профессий из IT-раздела представлена и в других, например, руководитель отдела аналитики отнесен и в менеджмент, что подтверждает необходимость внутренней категоризации. Другое hr-агентство предлагает укрупненное разделение на 3 группы: программирование, управление, системное администрирование, однако данное разделение не учитывает профессии, связанные с дизайном IT-продукта или исследовательскую деятельность в данной сфере³. Одна из онлайн-платформ IT-образования приводит категоризацию из 5 направлений: разработка программного продукта, маркетинг, дизайн, администрирование, около IT⁸. Специалисты⁹ выделяют более 30 основных IT-профессий, которые можно разделить на 8 направлений. Согласно данным еще одного образовательного ресурса в команде выделяются 8 ролей, которые могут быть разделены на три группы: Technical-роли, координация команды и бизнес-менеджмент⁵. Описаны 14 основных IT-специальностей, однако все они представляют только технические роли⁷. Источник⁶ также описывает 8 специальностей, связанных непосредственно с процессом разработки без учета сопровождающих процессов. Таким образом, единой категоризации среди различных кадровых агентств, онлайн-платформ не существует, однако могут быть выделены пересекающиеся категории, такие как: разработка программного обеспечения, тестирование, менеджмент и аналитика.

Также для составления категоризации было проведено интервьюирование 18 специалистов, работающих на разных позициях в данной области. Результаты интервьюирования приведены в табл. 1. Гистограмма распределения ответов представлена на рисунке.

С учетом контекста исследования, а именно того, что опрос должен быть направлен на выявление различий между психологическими особенностями специалистов разных позиций и не фокусироваться на профессиональных навыках и знаниях, полученные результаты могут быть обобщены следующим образом:

¹ Специализации и квалификации [Электронный ресурс] // Хабр Карьера. URL: https://career.habr.com/info/divisions_and_qualifications (дата обращения: 11.07.2023).

² Сервис для поиска работы [Электронный ресурс] // HeadHunter. URL: <https://hh.ru> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Обзор профессий в IT-сфере [Электронный ресурс] // BGStaff. URL: <https://bgstaff.ru/news/Obzor-professij-v-IT-sfere-Skolko-im-platyat-i-za-cto/> (дата обращения: 28.06.2023).

⁴ 8 ключевых ролей в команде разработки [Электронный ресурс] // ITExpert. URL: <https://itexpert.work/ru/chtoby-rely-soshlis-v-odnoj-tochke-8-klyuchevyh-rolej-v-komande-razrabotki/> (дата обращения: 11.07.2023).

⁵ Гайд: как определить, какое направление в IT тебе подходит [Электронный ресурс] // SkyPro. URL: <https://sky.pro/media/napravleniya-v-it/> (дата обращения: 28.06.2023).

⁶ Главные профессии в IT: от Тестирования до дата-сайентиста [Электронный ресурс] // SkillFactory. URL: <https://blog.skillfactory.ru/kto-est-kto-v-it/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁷ IT-профессии: список, требования к специалистам, варианты получения образования [Электронный ресурс] // GeekBrains. URL: <https://gb.ru/blog/it-professii/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁸ Как начать карьеру в IT: пошаговое руководство [Электронный ресурс] // Яндекс-Практикум. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/kak-nachat-kareru-v-it/> (дата обращения: 28.06.2023).

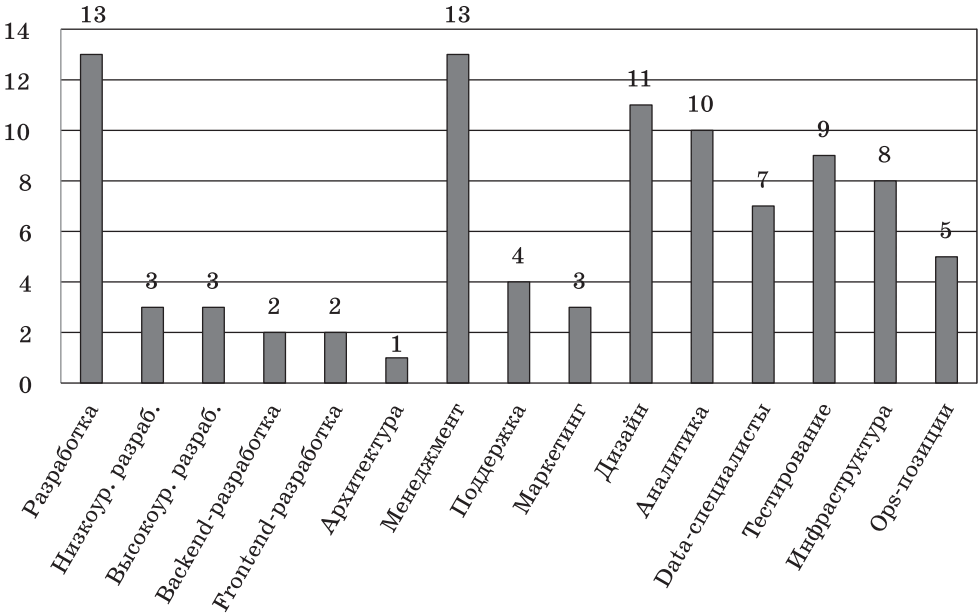
Результаты опроса IT-специалистов
Table 1. Results of the survey of IT specialists

Специальность	Категория					
	1	2	3	4	5	6
Project Managment	Разработка	Инфраструктура ¹	Дизайн	Менеджмент	Аналитика	Маркетинг
Руководитель группы мобильной разработки	Разработка	Ops-позиции	Дизайн	Поддержка	Архитектура	Рекрутинг
Senior C инженер-программист	Backend-разработка	Тестирование	Frontend-разработка	Менеджмент	Аналитика	Инфраструктура
Junior Backend-разработчик	Разработка	Поддержка	Дизайн	Менеджмент	Data-специалисты	Рекрутинг
Middle инженер-программист	Разработка	Тестирование	Дизайн	Поддержка	Аналитика	Ops-позиции ²
Middle Python программист	Низкоуровневая разработка	Кибербезопасность	Высокоуровневая разработка	Около IT	Аналитика	Инфраструктура
Middle Backend-разработчик	Разработка	Тестирование	Дизайн	Бизнес-IT	Аналитика	Инфраструктура
Middle full-stack разработчик	Разработка	Сопровождение	Дизайн	Менеджмент	Data-специалисты	Ops-позиции
Middle Data Engineer	Backend-разработка	Тестирование	Frontend-разработка	Аналитики	Data-специалисты	Инфраструктура
Senior Java инженер-программист	Разработка	Тестирование	Проектирование системы	Менеджмент	Инфраструктура	Маркетинг
Junior ML-engineer	Низкоуровневая разработка	Высокоуровневая разработка	Аналитика	Менеджмент	Data-специалисты	Инфраструктура
Middle automation QA	Разработка	Тестирование	Аналитика	Менеджмент	Ops-позиции	Поддержка
Junior Data Scientist	Низкоуровневая разработка	Высокоуровневая разработка	Дизайн	Менеджмент	Data-специалисты	Инфраструктура
Project Managment	Разработка	Около IT	Дизайн	Менеджмент	Data-специалисты	Ops-позиции

Окончание табл. 1

Специальность	Категория					
	1	2	3	4	5	6
Project Management	Разработка	Инфраструктура ¹	Дизайн	Менеджмент	Аналитика	Маркетинг
Middle Data Scientist	Разработка	Тестирование	Дизайн	Менеджмент	Аналитика	Маркетинг
Project Management	Разработка	Тестирование	Дизайн	Менеджмент	Аналитика	—
Senior Data Scientist	Разработка	Тестирование	Дизайн	Менеджмент	Аналитика	—
Senior MLOps	Разработка	—	—	Менеджмент	Data-специалисты	—

Примечание: ¹ Инфраструктура — к данной категории относили специалистов, отвечающих за настройку операционной системы, работу с зависимостями, внутренними сетями, процессами, сбор конфигураций (пример: системный администратор). ² DevOps-специалисты — IT-профессионалы, которые объединяют в себе знания и навыки разработки программного обеспечения (Development) и операционной деятельности (Operations). Занимаются задачами, связанными с улучшением и упрощением процесса разработки, развертывания и поддержки приложений, работают над автоматизацией инфраструктуры и управлением конфигурациями для обеспечения стабильности и масштабируемости системы.

Гистограмма ответов по интервьюированию IT-специалистов
Histogram of answers on interviewing IT-specialists

- низкоуровневая разработка, высокоуровневая разработка, backend-разработка, frontend-разработка, архитектура объединены в категорию «Разработка». Сюда

же могут быть отнесены должности, связанные с настройкой инфраструктуры и ops-позиции, потому как данные специализации имеют близкую направленность с непосредственным процессом разработки;

- категория «Менеджмент» может включать в себя поддержку и маркетинг, подразумевая все задачи, связанные с социальным взаимодействием и предприимчивостью;
- «Аналитика», включает в себя «Data-специалистов» и отличается исследовательской направленностью задач.

Таким образом, исходя из анализа научных публикаций, онлайн-ресурсов и результатов интервьюирования IT-специалистов, были выделены 5 категорий, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Сформированная категоризации IT-профессий
Table 2. Formed categorization of IT professions

Категория	Описание	Примеры профессий
Разработка	Эта категория специальностей предполагает написание кода на языках программирования для создания и поддержки программного обеспечения	Backend-разработчик Frontend-разработчик Системный архитектор Ops-специалисты
QA-специалист	Специалисты этой категории занимаются выявлением ошибок в программном обеспечении, а также проверяют его на соответствие требованиям и стандартам качества	Тестирование QA-инженер QA-аналитик
Работа с данными и исследования	Специальности из этой категории объединены исследовательской направленностью деятельности: обработка и анализ данных, разработка моделей и алгоритмов машинного обучения	Data Scientist Data Engineer AI Architect Бизнес-аналитик Data Architect
Менеджмент	В данную категорию отнесены специальности, связанные с планированием и координацией процесса работы над проектом, налаживанием взаимопонимания между различными участниками процесса IT-разработки	Team Lead Project-Manager Product Owner Scrum-мастер IT-рекрутер
Дизайн	Группа специальностей связана с разработкой внешнего вида различных IT-продуктов	Веб-дизайнер UX/UI дизайнер Графический дизайнер

Выделенные категории позволили сформировать гипотезу для дальнейшей проверки и разработать опросник.

Результаты (Results)

Выдвигаемая для проверки гипотеза

Гипотеза, выдвигаемая для последующей проверки при помощи методов статистического анализа, звучит следующим образом: существуют различия по степени

выраженности социально-профессиональных типов Голланда среди различных ИТ-специальностей. Предполагаемое соответствие различных категорий ИТ-направлений и преобладающего типа Голланда отражено в табл. 3.

Таблица 3

**Предполагаемое соответствие выбранной категоризации
и типов по Голланду**

Table 3. Assumed correspondence between the selected categorization
and the Holland types

Категория	Тип Голланда
Разработка	Реалистический
QA-специалист	Конвенционный
Работа с данными и исследования	Интеллектуальный
Менеджмент	Социальный, предприимчивый
Дизайн	Артистический

Разработанная анкета

Для проверки выдвинутой гипотезы также разработана анкета. Так как предполагается сбор данных не только среди ИТ-специалистов, но и среди представителей других специальностей, анкета разделена на две траектории, зависящие от ответа на первый вопрос: «Работаете ли вы в ИТ-сфере?». В случае отрицательного ответа на него, второй вопрос звучит следующим образом: «Чем из перечисленного вам было бы интереснее заниматься?» и имеет варианты ответа, представленные в табл. 4. Если же респондент работает в ИТ, то ему предлагается ответить на вопрос: «К какой сфере вы бы отнесли то, что вы делаете на работе?» и имеет варианты ответа, представленные в табл. 5.

Таблица 4

Варианты деятельности для тех, кто не работает в ИТ-сфере

Table 4. Activity options for those who do not work in the IT field

Категоризация	Описание для респондента
Разработка	Мне хотелось бы создавать программы
QA-специалист	Мне хотелось бы проверять работу ИТ-продукта
Работа с данными и исследования	Мне хотелось бы выявлять закономерности в данных и процессах
Менеджмент	Мне хотелось бы управлять различными процессами разработки ИТ-продукта
Дизайн	Мне хотелось бы придумывать внешний вид ИТ-продукта, чтобы пользователю было удобно и приятно в нем работать

Таблица 5

Варианты ответа для ИТ-специалистов

Table 5. Answer options for IT specialists

Категоризация	Короткое описание	Расширенное описание
Разработка	Воплощение в жизнь функций ИТ-продукта	К этой ветви специальностей относятся программисты, архитекторы, специалисты по безопасности, ops-специалисты и близкие к ним
QA-специалист	Проверка качества ИТ-продукта	К этой ветви специальностей в основном относятся тестировщики

Категоризация	Короткое описание	Расширенное описание
Работа с данными и исследования	Исследование закономерностей в данных и процессах	К этой ветви специальностей относятся те, которые опираются на исследования: анализ данных, машинное обучение, искусственный интеллект, системный анализ и близкие к ним
Менеджмент	Организация процессов разработки IT-продукта	К этой ветви специальностей относятся управленцы с техническими навыками: TeamLead, Project-Manager, Product Owner, Scrum-мастер, IT-рекрутер и близкие к ним
Дизайн	Внешний вид IT-продукта	К этой ветви специальностей относятся специалисты, разрабатывающие внешний вид продукта

На момент публикации статьи опросник внедрен в приложение «Психологические тесты»¹ в онлайн социальной сети «ВКонтакте», где любой желающий, имеющий профиль в данной сети, может пройти ее.

Обсуждение

По результатам проведенного исследования была подтверждена проблема отсутствия единой категоризации среди IT-специальностей. Вместе с тем, обобщив собранную информацию, было выделено пять категорий, на которые IT-специальности могут быть разделены, такие как: разработка, QA-специалисты, работа с данными и исследования, менеджмент, дизайн.

Узким местом выработанной категоризации может являться то, что ряд специальностей может быть отнесен сразу к нескольким категориям. Данный факт является реалистичным отражением IT-индустрии, так как многие IT-специалисты выполняют смешанные функции, требующие навыков из разных категорий. Вместе с тем, для таких специальностей может быть выбрана сфера деятельности (категория), преобладающая по выполняемым обязанностям. Например, часто такой специалист как «бизнес-аналитик» должен не только обрабатывать и анализировать информацию, но и уметь коммуницировать с заказчиком и командой разработки (выявлять требования у заказчика, ставить задачи команде разработки). Деятельность такого специалиста будет относиться как к категории «работа с данными и исследования», так и к «менеджмент», однако преобладающей будет первая. Стоит отметить, что такая категоризация также соотносится и с теорией Голланда, согласно которой у человека может быть выделен не один тип, а сразу несколько преобладающих. Данный факт также должен быть учтен в дальнейшем при проведении анализа собранных данных и применении методов искусственного интеллекта с целью выявления закономерностей и взаимосвязей между личностными особенностями и предрасположенностью к IT-специальностям.

К открытому вопросу исследования также может быть отнесено и то, что разработка и внедрение подобной методики связаны с вопросами конфиденциальности данных и этикой. При внедрении опросника в приложение «Психологические

¹ Приложение «Психологические тесты» [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/services?w=app7794698_203437876 (дата обращения: 12.10.2023).

тесты» данный аспект учтен за счет специального окна с формой получения согласия от пользователя на обработку персональных данных.

Кроме того, как было отмечено ранее, IT-индустрия находится в стадии своего активного развития, что влечет необходимость отслеживания происходящих в ней изменений и своевременной адаптации к ней разработанного опросника.

Заключение

В статье был приведен обзор традиционных профориентационных опросников и их анализ с учетом специфики исследования, разработана система категоризации IT-специальностей, а также представлен разработанный опросник.

Результаты формируют основу для проведения полномасштабных исследований, связанных с созданием инструмента для профориентации в IT-сфере, который, в свою очередь, будет способствовать сокращению временных и финансовых затрат на найм, а также улучшению соответствия между потребностями компании и навыками кандидатов. Кроме того, исследование может способствовать увеличению числа компетентных и мотивированных специалистов в IT-индустрии за счет своевременного подбора наиболее подходящей специальности в IT.

Литература

1. Олисеенко В. Д., Абрамов М. В. Предсказание результатов 16-факторного теста Р. Кеттелла на основе анализа текстовых постов пользователей социальной сети // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2023. Т. 23. № 2. С. 279–288. DOI: 10.17586/2226-1494-2023-23-2-279-288
2. Bushmelev F. V., Stoliarova V., Abramov M. V. Bayesian belief network for association between clusters of social media users with similar personality traits profiles and color characteristics of their avatar images // Proceedings of the Seventh International Scientific Conference “Intelligent Information Technologies for Industry” (ITI'23). Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2023. Vol. 777. DOI: 10.1007/978-3-031-43792-2_1
3. Dağıstanlı Ö., Erbay H., Kör H., Yurttakal A. H. Reflection of people's professions on social media platforms // Neural Computing and Applications. 2022. P. 1–12. DOI: 10.1007/s00521-022-07987-8
4. Dandannavar P. S., Mangalwede S. R., Kulkarni P. M. Predicting the primary dominant personality trait of perceived leaders by mapping linguistic cues from social media data onto the big five model // International Conference on Advanced Machine Learning Technologies and Applications. Springer, Singapore, 2021. P. 417–428. DOI: 10.1007/978-981-15-3383-9_37
5. Daniel C. Careers in IT. 2023.
6. Hillebrand P., Westner M. Success factors of long-term CIOs // Information Systems and e-Business Management. 2022. Vol. 20. N 1. P. 79–122. DOI: 10.1007/s10257-021-00546-z
7. John T., Clarke D., Coore D., Monrose F., McHugh J. Virtual Career Advisor System // International Conference on Mobile Web and Intelligent Information Systems. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. P. 264–277. DOI: 10.1007/978-3-031-39764-6_18
8. José-García A., Sneyd A., Melro A., Ollagnier A., Tarling G., Zhang H., Stevenson M., Everson R., Arthur R. C3-loC: A career guidance system for assessing student skills using machine learning and network visualisation // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2022. P. 1–28. DOI: 10.1007/s40593-022-00317-y
9. Kern M. L., McCarthy P. X., Chakrabarty D., Rizoio M. A Social media-predicted personality traits and values can help match people to their ideal jobs // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2019. Vol. 116. № 52. P. 26459–26464. DOI: 10.1073/pnas.1917942116
10. Korepanova A. A., Abramov M. V. Application of Random Forest in Choosing a Method of Recovering the Age of Social Network Users // Scientific and Technical Information Processing. 2022. Vol. 49. P. 317–324. DOI: 10.3103/S0147688222050057
11. McKenzie S., Bennett D. Understanding the career interests of Information Technology (IT) students: a focus on choice of major and career aspirations // Education and Information Technologies. 2022. Vol. 27. N 9. P. 12839–12853. DOI: 10.1007/s10639-022-11141-1

12. Saeidi S. Identifying personality traits of WhatsApp users based on frequently used emojis using deep learning // *Multimedia Tools and Applications*. 2023. P. 1–14. DOI: 10.1007/s11042-023-15209-z
13. Shminan A. S., Choi L. J., Barawi M. H., Hashim W. N. W., Andy H. InVesa 1.0: The Conceptual Framework of Interactive Virtual Academic Advisor System based on Psychological Profiles // *2021 13th International Conference on Information & Communication Technology and System (ICTS)*. IEEE, 2021. P. 112–117. DOI: 10.1109/ICTS52701.2021.9608182
14. Sirasapalli J. J., Malla R. M. A deep learning approach to text-based personality prediction using multiple data sources mapping // *Neural Computing and Applications*. 2023. P. 1–12. DOI: 10.1007/s00521-023-08846-w
15. Su J. H., Liao Y. W., Xu J. Z., Zhao Y. W. A Personality-Driven Recommender System for Cross-Domain Learning Based on Holland Code Assessments // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. N 7. P. 3936. DOI: 10.3390/su13073936

Об авторах:

Хлобыстова Анастасия Олеговна, младший научный сотрудник лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); aok@dscs.pro

Абрамов Максим Викторович, старший научный сотрудник лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); кандидат технических наук; mva@dscs.pro

Тулупьева Татьяна Валентиновна, старший научный сотрудник лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат психологических наук, доцент; tvt100a@mail.ru

References

1. Oliseenko V. D., Abramov M. V. Prediction of the results of R. Kettell's 16-factor test based on the analysis of text posts by users of the social network // *Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, mechanics and Optics [Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki]*. 2023. Vol. 23. N 2. pp. 279–288. DOI: 10.17586/2226-1494-2023-23-2-279-288
2. Bushmelev F. V., Stoliarova V., Abramov M. V. Bayesian belief network for association between clusters of social media users with similar personality traits profiles and color characteristics of their avatar images // *Proceedings of the Seventh International Scientific Conference "Intelligent Information Technologies for Industry" (ITI'23)*. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2023. Vol. 777. DOI: 10.1007/978-3-031-43792-2_1
3. Dağıstanlı Ö., Erbay H., Kör H., Yurttakal A. H. Reflection of people's professions on social media platforms // *Neural Computing and Applications*. 2022. P. 1–12. DOI: 10.1007/s00521-022-07987-8
4. Dandannavar P. S., Mangalwede S. R., Kulkarni P. M. Predicting the primary dominant personality trait of perceived leaders by mapping linguistic cues from social media data onto the big five model // *International Conference on Advanced Machine Learning Technologies and Applications*. Springer, Singapore, 2021. P. 417–428. DOI: 10.1007/978-981-15-3383-9_37
5. Daniel C. *Careers in IT*. 2023.
6. Hillebrand P., Westner M. Success factors of long-term CIOs // *Information Systems and e-Business Management*. 2022. Vol. 20. N 1. P. 79–122. DOI: 10.1007/s10257-021-00546-z
7. John T., Clarke D., Coore D., Monroe F., McHugh J. *Virtual Career Advisor System* // *International Conference on Mobile Web and Intelligent Information Systems*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. P. 264–277. DOI: 10.1007/978-3-031-39764-6_18
8. José-García A., Sneyd A., Melro A., Ollagnier A., Tarling G., Zhang H., Stevenson M., Everson R., Arthur R. C3-loC: A career guidance system for assessing student skills using machine learn-

- ing and network visualisation // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2022. P. 1–28. DOI: 10.1007/s40593-022-00317-y
9. Kern M. L., McCarthy P. X., Chakrabarty D., Rizioiu M. A Social media-predicted personality traits and values can help match people to their ideal jobs // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2019. Vol. 116. № 52. P. 26459–26464. DOI: 10.1073/pnas.1917942116
 10. Korepanova A. A., Abramov M. V. Application of Random Forest in Choosing a Method of Recovering the Age of Social Network Users // Scientific and Technical Information Processing. 2022. Vol. 49. P. 317–324. DOI: 10.3103/S0147688222050057
 11. McKenzie S., Bennett D. Understanding the career interests of Information Technology (IT) students: a focus on choice of major and career aspirations // Education and Information Technologies. 2022. Vol. 27. N 9. P. 12839–12853. DOI: 10.1007/s10639-022-11141-1
 12. Saeidi S. Identifying personality traits of WhatsApp users based on frequently used emojis using deep learning // Multimedia Tools and Applications. 2023. P. 1–14. DOI: 10.1007/s11042-023-15209-z
 13. Shminan A. S., Choi L. J., Barawi M. H., Hashim W. N. W., Andy H. InVesa 1.0: The Conceptual Framework of Interactive Virtual Academic Advisor System based on Psychological Profiles // 2021 13th International Conference on Information & Communication Technology and System (ICTS). IEEE, 2021. P. 112–117. DOI: 10.1109/ICTS52701.2021.9608182
 14. Sirasapalli J. J., Malla R. M. A deep learning approach to text-based personality prediction using multiple data sources mapping // Neural Computing and Applications. 2023. P. 1–12. DOI: 10.1007/s00521-023-08846-w
 15. Su J. H., Liao Y. W., Xu J. Z., Zhao Y. W. A Personality-Driven Recommender System for Cross-Domain Learning Based on Holland Code Assessments // Sustainability. 2021. Vol. 13. N 7. P. 3936. DOI: 10.3390/su13073936

About the authors:

Anastasiia O. Khlobystova, Junior Research Associate of Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg (Saint-Petersburg, Russian Federation), aok@dscs.pro

Maxim V. Abramov, Senior Research Associate of Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, (Saint-Petersburg, Russian Federation), Senior Research Associate, Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics PhD of Eng. Sci.; mva@dscs.pro

Tatiana V. Tulupyeva, Senior Research Associate of Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, (Saint-Petersburg, Russian Federation), Prof. of State and Municipal Administration Department of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Psychology, associate professor; tvt100a@mail.ru

Оценка качества процессов образовательной деятельности

Андриенко А. В.¹, Павлова Т. А.^{2, *}

¹Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *pavlova-ta@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается опыт по оценке качества процессов образовательной деятельности, таких, как проведение промежуточной аттестации и подготовка курсовых работ в вузе. Авторами статьи предлагается использовать для оценки процессов образовательной деятельности конкретные показатели процессов, которые включают в себя контролируемые параметры. Методология оценки любого из процессов образовательной деятельности представлена в виде перечня основных показателей с их описанием. Практическую значимость проведенной работы представляют предлагаемые показатели оценки, которые будут полезны специалистам учебно-методических управлений вуза и сотрудникам служб менеджмента качества.

Ключевые слова: оценка качества процессов образовательная деятельность в вузе, параметры оценки, показатели результативности процессов, курсовая работа, промежуточная аттестация

Для цитирования: Андриенко А. В., Павлова Т. А. Оценка качества процессов образовательной деятельности // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 154–161.

Assessment of the Quality of Educational Activity Processes

Alena V. Andrienko¹, Tatiana A. Pavlova^{2, *}

¹St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation;

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *pavlova-ta@ranepa.ru

ABSTRACT

The article considers the experience in assessing the quality of educational activity processes, such as the procedure for conducting intermediate certification and the procedure for preparing and defending term papers at a university. The authors of the article suggest using specific process indicators, including controlled parameters, to evaluate processes of educational activities. Methodology of evaluating any process of educational activities is presented as a list of main indicators with their description. The practical significance of the study is presented by the suggested evaluation indicators, which will be useful for staff of educational and methodological departments of higher education institutions as well as quality management departments.

Keywords: assessment of the quality of processes educational activities at the university, evaluation parameters, criteria for the effectiveness of processes, course work, intermediate certification

For citing: Andrienko A. V., Pavlova T. A. Assessment of the Quality of Educational Activity Processes // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 154–161.

Теоретические и практические основания изучения направлений деятельности вуза показывают, что его конкурентоспособность определяется такими составляющими, как качество образовательной деятельности, эффективность финансово-экономической деятельности, показатели научно-исследовательской и международной деятельности.

В современных исследованиях по вопросу качества образовательной деятельности акцент делается в первую очередь на качестве как итоге обучения и общей эффективности самой системы образования. Оценка качества обучения может основываться на востребованности выпускников на рынке труда, их карьерном развитии. При этом дискуссионным остается вопрос учета трудоустройства по профилю полученного образования. Анализ качества системы обучения включает в себя, помимо оценки материально-технического обеспечения и квалификации преподавателей, учет условий и успешности прохождения различных форм практики, результатов промежуточной и государственной аттестации. При оценке результатов курсовых и дипломных работ особое внимание уделяется актуальности тематики проводимых исследований и их возможному внедрению в текущую деятельность организаций и предприятий по рекомендации работодателей.

О.С. Винокурова рассматривает в своей работе оценку качества образования через оценку качества преподавания, предлагая использовать при этом три уровня «...показатели личностного уровня (на уровне преподавателя); показатели институционального уровня (на уровне кафедры и образовательной организации); показатели внешнего уровня (на уровне контрольных органов государства)» [2, с. 19].

Оценка эффективности процессов образования и процедур оценки играют ключевую роль в системе внутренней оценки качества подготовки студентов в образовательной организации. Согласно текущему законодательству об образовании, в университетах предполагается развитие системы обеспечения качества через системы внутренней и внешней оценки качества образовательной деятельности¹.

Важной составляющей механизмов оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся является привлечение работодателей, иных юридических и (или) физических лиц, включая педагогических работников образовательной организации.

Цели, задачи и механизмы внутренней и внешней оценки дополняют друг друга при построении системы обеспечения качества. При этом внутренняя оценка является обязательной, а внешняя может проводиться по инициативе вуза (если не носит контрольно-надзорного характера), но по методике аккредитующей организации. Система внутренней оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся выстраивается конкретным вузом самостоятельно с учетом его профильности. Кроме того, внешняя оценка имеет периодический характер, а внутренняя оценка реализуется непрерывно для оперативно учета ее результатов в практике образовательной деятельности. Все это подчеркивает важность ответственного подхода при проектировании для эффективного функционирования системы внутренней оценки качества образовательной деятельности и обучения студентов².

Результаты комплексной оценки деятельности национального исследовательского вуза, а также анализ компонентов образовательной среды вуза на при-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

² Методические рекомендации по организации и проведению в образовательных организациях высшего образования внутренней независимой оценки качества образования по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры : письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 15.02.2018 № 05-436 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797752/review> (дата обращения: 05.06.2023).

мере Иркутского национального исследовательского технического университета предлагает в своей статье Н.В. Сидорова, выделяя в качестве ключевых содержательно-методический, коммуникативно-организационный, пространственно-семантический компоненты [7]. В рамках комплексного исследования участниками образовательного процесса оценивались по 5-балльной шкале уровень организации различных направлений учебно-воспитательной работы, эффективность форм учебного процесса, степень значимости научной, учебной, социальной, творческой, спортивной деятельности, уровень влияния образовательной среды и учебно-воспитательного процесса на формирование собственной личности (ценностные ориентации, источники мотивации на достижение поставленных целей, качества, сформированные в процессе обучения), характер коммуникативного взаимодействия внутри вуза (взаимодействие с преподавателями), и на внешнем уровне (производственная практика, международное сотрудничество), навыки командного взаимодействия (личностные качества для работы в команде, навыки коллективной деятельности), уровень сформированности пространственного компонента (компактность расположения корпусов вуза, наличие собственного студенческого городка, кампуса, степень комфортности среды для обучения), а также символические характеристики вуза (логотип и др.) [7, с. 408].

Оценку качества деятельности вуза необходимо рассматривать во взаимосвязи с образовательной средой образовательной организации, так как любые количественные и качественные изменения во внутренней среде будут влиять на развитие вуза [1].

Широко распространена не только в нашей стране, но и в мире практика привлечения обучающихся к оценке качества образовательного процесса в вузе.

В связи с этим стоит обратить внимание на международный опыт: в ряде европейских стран закреплено законодательством участие студентов в управлении вузом и регулируется внутренними и внешними нормативами. Этот принцип активно применяется в таких странах, как Финляндия, Австрия, Германия, Бельгия, Литва, Нидерланды, Швейцария, Словения, Великобритания, Норвегия и другие. Главным образом, участие студентов в обеспечении качества образования в вузе осуществляется путем заполнения анкет по каждому из пройденных модулей с целью внесения необходимых изменений по результатам анализа их оценок и мнений о пройденных курсах. При разработке анкет учитывается возможность выявления недостатков организации учебного процесса, полноты обеспечения самостоятельной работы, степени мотивации и вовлеченности студентов для дальнейшего использования этой информации при принятии управленческих решений [4]. Этот опыт соответствует ситуации в российских университетах [3].

К примеру, в Российском университете дружбы народов функционирует комиссия по обеспечению качества обучения в составе студенческого комитета. Эта комиссия, в которую входят студенты, активно занимается проведением периодических мониторингов качества подготовки обучающихся, организацией опросов, направленных на изучение уровня удовлетворенности студентов учебным процессом, и проведением встреч с ректором и проректорами. Её участники в рамках обратной связи выявляют внутренние проблемы и трудности и вносят предложения по корректировке направления деятельности. Представители студенческих организаций входят в состав ученых советов всех уровней и активно участвуют в обсуждении важных вопросов, включая миссию университета, его политику, задачи по развитию, и, соответственно, принимают участие в голосовании по всем аспектам, включая вопросы кадрового характера [3].

Анализируя оценку эффективности образовательной деятельности, мы обратили внимание на статью Н.Н. Саяпиной [6], в которой описываются различные под-

ходы к этому вопросу: интуитивно-эмпирический, формально-отчетный, психологический, педагогический, процессуальный, результирующий, комплексный, многопараметрический, методологический, интегрированный, личностно-ориентированный, социальный и квалиметрический.

Мы в своей практической деятельности руководствовались прежде всего процессуальным подходом, который основывается на оценке состояния образовательных процессов в нашем вузе — Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; социальным — отражающим степень удовлетворенности потребителя образовательных услуг; квалиметрический, так как при оценке качества образовательной деятельности измеряли показатели по отдельным параметрам.

Качество образования в настоящее время можно рассматривать как слагаемые качества подготовки обучающихся и качество условий реализации образовательной деятельности. Качество условий при этом определяется в том числе и через качество процессов образовательной деятельности. В данной статье мы остановимся на составляющих оценки качества процессов образовательной деятельности — подготовке и защите курсовых работ, а также промежуточной аттестации.

Для удобства работы с основными показателями оценки, систематизации выявленных в ходе такой деятельности несоответствий, мы разработали карты процессов. Форма таких карт должна быть стандартизирована и утверждена распоряжением или приказом по вузу. Например, карта процесса «Процедура подготовки и защиты курсовых работ» включает информацию о руководителе процесса, исполнителе процесса, цель процесса, управляющие воздействия, вход и выход процесса, его поставщиков, ресурсы и потребителей.

Рассмотрим более подробно оценку качества процессов в рамках выполнения курсовых работ.

К показателям оценки качества процесса подготовки и защиты курсовых работ мы отнесли те характеристики, которые оказывают существенное влияние на его успешное прохождение:

- 1) наличие документационного обеспечения процесса подготовки и защиты курсовых работ установленным требованиям («Документационное обеспечение»);
- 2) соблюдение установленных сроков подготовки и защиты курсовой работы («Нормативные сроки»);
- 3) соблюдение требований к структуре курсовой работы, ее оформлению и проверке в системе «Антиплагиат» на наличие неправомерных совпадений («Стандарты оформления»);
- 4) размещение курсовой работы в электронной информационно-образовательной среде Института («Размещение курсовой работы»);
- 5) наличие претензий к процедуре защиты курсовой работы со стороны обучающихся («Процедура защиты»).

В каждый из показателей могут входить дополнительные характеристики, которые отражают результативность основного процесса. По всем обозначенным показателям устанавливаются количественные оценки степени соответствия или несоответствия (нарушения). Для этого может быть использована ранговая шкала (0 — несоответствие, 1 — слабое соответствие, ..., 5 — полное соответствие). По первым четырем показателям выбирается критерий максимизации их значений, по пятому — минимизации.

Важность первого показателя, условно названного «Документационное обеспечение», показывает насколько процесс подготовки и защиты курсовых работ обеспечен необходимой документацией, как нормативной, так и методической. Зрелость процесса может иметь два уровня — «достаточный» или «недостаточный», что позволяет говорить о необходимости дополнительной учебно-методической работы.

Второй показатель «Нормативные сроки» включает оценку соблюдения установленных сроков на подготовку и защиту курсовой работы. Можно проводить оценку следующих параметров: своевременность оформления заявления обучающегося на выбор темы курсовой работы; соблюдение сроков закрепления темы курсовой работы обучающегося и назначение ему научного руководителя, которое отражается в издании приказа или распоряжения по факультету; соблюдение сроков представления курсовой работы научному руководителю для её оценки и подготовки рецензии; соблюдение сроков представления курсовой работы на кафедру в распечатанном и брошюрованном виде с подписью обучающегося и научного руководителя; соблюдение сроков представления на кафедру научным руководителем рецензии на курсовую работу; соблюдение сроков направления на электронную почту обучающегося текста рецензии на курсовую работу; сроки защиты курсовой работы в форме публичного выступления обучающегося (в соответствии с утвержденным графиком).

Остается открытым вопрос о фиксации указанных сроков, но если общение преподавателя (научного руководителя) и обучающегося проходит посредством открытого электронного курса или дистанционных технологий, например, курса по сопровождению курсовой работы в Moodle, то посмотреть статистику данных параметров не составляет большого труда.

Третий показатель связан с соблюдением требований к структуре курсовой работе, ее оформлению и проверке содержания в системе «Антиплагиат» для установления возможного совпадения текста. Параметры оценки включают в себя: соблюдение требований к структуре курсовой работы; соблюдение требований к оформлению курсовых работ, в том числе библиографического списка и текстовых ссылок; соблюдение требований о проверке текста курсовой работы на объем неправомерных заимствований в системе «Антиплагиат». Здесь мы используем количественную оценку, наряду с качественной, т.е. определение процентов выявленных нарушений по показателю «Стандарты оформления».

Четвертый показатель оценки качества процессов образовательной деятельности в рамках подготовки курсовых работ мы назвали условно «Размещение курсовой работы», а связан он с потребностью размещать все письменные работы обучающихся, в том числе и курсовые работы, в электронной информационно-образовательной среде СЗИУ РАНХиГС. Параметром оценки процесса является соблюдение требования о размещении текста курсовой работы в комплексной автоматизированной системе (КАС), в которой кроме текста курсовой работы размещаются рецензия (при наличии) и отзыв научного руководителя. Количественный показатель качества оценки связан с количеством курсовых работ, которые необходимо было разместить в КАС/Количество размещенных в КАС курсовых работ (в %).

Пятый показатель связан с оценкой наличия претензий к качеству работы, относящихся к процедуре защиты курсовой работы и назван нами условно «Процедура защиты».

Параметрами оценки выступают:

- неудовлетворительное прохождение защиты курсовой работы (студент не может обосновать выбор темы своих исследований, не умеет обобщать содержание использованных источников, неуместно использует профессиональные термины, обнаруживает неумение теоретически обосновать полученные результаты);
- наличие обоснованных претензий необъективной оценки качества курсовой работы, возникающих в ходе проведения защиты курсовой работы.

Количество случаев переноса защиты курсовой работы по причине неудовлетворительной подготовки от общего числа обучающихся по ОП, выполняющих курсовые работы (в %), а также количество случаев обоснованных претензий, обучающихся к экзаменационной комиссии (экзаменатору) от общего числа обучающихся

ся по образовательной программе, выполняющих курсовые работы (в %) — так же выступают показателями оценки качества образовательной деятельности.

На предварительном этапе оценки качества процессов образовательной деятельности по конкретной образовательной программе запрашиваются и представляются следующие материалы и документы:

- учебный план;
- календарный учебный график;
- заявления обучающихся о выборе тем курсовых работ;
- курсовые работы по дисциплинам;
- отзывы научных руководителей курсовых работ;
- зачетные книжки обучающихся;
- экзаменационные ведомости;
- расписания промежуточной аттестации на определенный учебный год учебные года;
- копии электронных журналов курсов по сопровождению курсовых работ из системы электронного обучения (на базе LMS Moodle);
- отчеты по соответствующим разделам автоматизированных систем и др.

В ходе оценки качества процессов образовательной деятельности по написанию и защите курсовых работ целесообразно обратить более пристальное внимание на соблюдение требований методических указаний или методических рекомендаций, которыми пользуются в своей работе обучающиеся и преподаватели.

Типовыми нарушениями, снижающими оценку качества процессов по образовательной деятельности при написании и защите курсовых работ, могут являться:

- нарушения в структуре курсовых работ;
- низкое качество оформления курсовых работ, в том числе библиографического списка и текстовых ссылок, несоблюдение требований стандартов при оформлении библиографического списка;
- недостаточная обеспеченность процесса регламентации и закрепления сроков в этапах подготовки и защиты курсовых работ;
- разночтение в тематике курсовых работ, отраженное в приказах и титульных листах курсовых работ и т. д.

Рассмотрим более подробно еще один основополагающий наряду с выполнением и защитой курсовых работ процесс — организация и проведение промежуточной аттестации в рамках образовательной программы. Здесь мы также предлагаем выделить несколько показателей, по которым можно провести оценку.

Первый показатель мы отнесли к результативности процедуры проведения промежуточной аттестации — соответствие документационного обеспечения процесса установленным требованиям. Контролируемый параметр процесса оценки качества — уровень обеспеченности процесса необходимой документацией. Как правило, в вузе данный показатель всегда оценивается высоко, так как наличие приказов о периодах и сроках промежуточной аттестации повторяется каждый учебный год и трудно представить себе ситуации, когда вуз пропустил бы создание данного приказа.

Второй показатель оценки мы связали с выявлением соответствия промежуточной аттестации учебному плану по конкретной образовательной программе.

В данный показатель вошли: соответствие наименованию дисциплин, указанных в учебном плане образовательной программы, дисциплинам в расписании промежуточной аттестации; соответствие формы итогового контроля по дисциплинам учебного плана реальным формам контроля в расписании промежуточной аттестации; соответствие расписания экзаменов и зачетов нормативным часам, отводимым на экзамены и зачеты, определенным в локальных нормативных актах образовательной организации; наличие в расписании промежуточной аттестации консультаций перед экзаменами.

По третьему показателю результативности проведения промежуточной аттестации «Соблюдение установленных сроков» целесообразно провести оценку: соответствие сроков проведения промежуточной аттестации календарному учебному графику; соблюдение сроков составления расписания промежуточной аттестации и соблюдение сроков оформления экзаменационных ведомостей деканатами факультетов и преподавателями (если данные сроки отражены в нормативных документах вуза).

По четвертому показателю — «Правильность оформления результатов прохождения аттестационных испытаний» можно оценивать полноту и правильность оформления экзаменационных ведомостей; полноту и правильность оформления зачетных книжек; полноту и правильность оформления протоколов заседаний экзаменационных комиссий (в случае проведения аттестационного испытания экзаменационной комиссией).

По пятому показателю результативности проведения промежуточной аттестации «Наличие претензий к качеству работ, относящихся к процедуре проведения промежуточной аттестации» устанавливается наличие или отсутствие претензий со стороны обучающихся на момент проведения оценки.

Очевидно, что в качестве измеряемых значений для параметра процесса по всем пяти показателям следует принять наличие или отсутствие возможных нарушений.

Отметим возможные отклонения при проведении промежуточной аттестации в вузе: нарушения сроков проведения промежуточной аттестации по образовательной программе какого-либо курса календарному учебному графику;

- несоблюдение сроков составления расписания промежуточной аттестации;
- нарушения сроков оформления экзаменационных ведомостей со стороны преподавателей (если данные сроки установлены в локальных нормативных актах в образовательной организации);
- отсутствие в зачетных книжках подписи студентов, записи о темах курсовых работ (в соответствующем разделе); оценке по дисциплине; подписи преподавателя; данных о практике обучающегося и т.д.;
- несоответствие форм итогового контроля по дисциплинам учебного плана реальным формам контроля в расписании промежуточной аттестации;
- несоответствия расписания нормативным часам, отводимым на экзамены;
- отсутствие в расписании промежуточной аттестации консультаций перед экзаменами и т.д.

Данные нарушения могут серьезно влиять не только на качество образовательного процесса в вузе, но и привести к нарушениям нормативных требований реализации образовательной деятельности в целом.

Таким образом, предложенные в данной статье показатели процессов позволяют на практике организовать оценку качества процессов образовательной деятельности в вузе. Оценка качества образовательной деятельности выступает инструментом системы внутренней оценки, оказывающим влияние на управление развитием образовательной организации в целом.

Литература

1. *Васильева Е. Ю.* Образовательная среда вуза как объект управления и оценки // Университетское управление: практика и анализ. 2011. С. 76–82.
2. *Винокурова О. С.* Оценка и пути повышения качества высшего образования. Российский и международный опыт // Человеческий капитал. 2018. № 11(119). С. 16–24.
3. *Ивлева М. Л.* Высшее образование глазами студентов (на примере мониторингового исследования выпускников МЭИ) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 225–238.

4. Калугина Д. А. Качество содержания, процесса и результата образования глазами студентов: результаты социологического исследования // Образование и наука. 2013. № 6. С. 74–89.
5. Нарбут Н. П., Троцук И. В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (ч. 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 131–155.
6. Саяпина Н. Н. Оценка качества образовательного процесса вуза // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2009. № 4. С. 91–99.
7. Сидорова Н. В. Оценка компонентов образовательной среды вуза (на примере ИРНИТУ) // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 3. С. 408–418.

Об авторах:

Андрienко Алена Васильевна, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат пед. наук, доцент; andrienko-av@ranepa.ru

Павлова Татьяна Анатольевна, доцент кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат физ.-мат. наук; pavlova-ta@ranepa.ru

References

1. Vasilyeva E. Yu. The educational environment of the university as an object of management and evaluation // University management: practice and analysis [Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz]. 2011. P. 76–82.
2. Vinokurova O. S. Assessment and ways to improve the quality of higher education. Russian and international experience // Human capital [Chelovecheskiy kapital]. 2018. N 11(119). P. 16–24.
3. Ivleva M. L. Higher education through the eyes of students (on the example of a monitoring study of MPEI graduates) // Vestnik RUDN University. Series: Sociology [Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya]. 2021. V. 21. N 2. P. 225–238.
4. Kalugina D. A. The quality of the content, process and result of education through the eyes of students: the results of a sociological study // Education and Science [Obrazovaniye i nauka]. 2013. N 6. P. 74–89.
5. Narbut N. P., Trotsuk I. V. Social well-being of the youth of post-socialist countries (on the example of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic): a comparative analysis of fears, hopes and fears (part 2) // Vestnik RUDN University. Series: Sociology [Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya]. 2018. V. 18. N 1. P. 131–155.
6. Sayapina N. N. Evaluation of the quality of the educational process of the university // Bulletin of the Omsk University. Series "Economics" [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»]. 2009. N 4. P. 91–99 (In rus).
7. Sidorova N. V. Evaluation of the components of the educational environment of the university (on the example of IRNITU) // Social competence [Sotsial'naya kompetentnost']. 2020. V. 5. N 3. P. 408–418.

About the authors:

Alena V. Andrienko, Associate Professor of the Chair of Social Psychology of the St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Pedagogic, Associate professor; andrienko-av@ranepa.ru

Tatiana A. Pavlova, Associate Professor of the Chair of Business Informatic of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Physics and Mathematics; pavlova-ta@ranepa.ru

Социологическая концептуализация понятия «драйвер» в контексте развития социогуманитарных исследований в российских университетах

Кашина М. А.^{1, *}, Васильева В. А.¹, Ткач С.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kashina-ma@РАНХиГС.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Сегодня понятие «драйвер» широко используется в отечественных экономических и социологических исследованиях, работах по управлению. В то же время его общепризнанного определения нет, что заметно снижает познавательные возможности данного термина. **Цель** статьи раскрыть эвристический потенциал понятия «драйвер» для социологического анализа проблем развития социогуманитарных исследований в российских университетах. Сначала понятие «драйвер» концептуализируется с позиций социологической теории, затем, исходя из этого, три элемента социальной системы университета — соблюдение академической этики, институт аспирантуры, академические онлайн-сообщества — рассматриваются в качестве внутренних драйверов социогуманитарных исследований в российских университетах. **Дизайн исследования.** Работа имеет пилотный характер и основана на анализе вторичных данных. Теоретической рамкой выступает теория информации К. Шеннона, позволяющая выделить черты драйвера, отличающие его от других медиативных элементов системы. Социологическая концептуализация ведется с позиций институционального анализа и теории социально-го действия. Это позволяет выделять в драйвере социальной системы субъективную составляющую. **Результаты.** Дано общее определение понятия драйвера, выделены его отличительные характеристики — облигативность и перекодировка информации. Показано, что социологическая интерпретация драйвера связана с оценкой уровня функциональности последствий его работы для социальной системы. Характер этих последствий определяется личностными характеристиками людей, участвующих в его работе. В связи с этим драйвер может способствовать как развитию, так и стагнации социальной системы. К внутренним драйверам проведения научных исследований в университетах могут быть отнесены — поддержание стандартов академической этики, эффективная реализация программ аспирантуры, создание и модерирование академических онлайн-сообществ. Новизна полученных результатов связана с имплементацией технических терминов в социогуманитарное знание, что позволило дать более строгое определение понятия «драйвер» в отношении анализа социальных изменений и процессов. Статья будет интересна администраторам науки в университетах.

Ключевые слова: университетский менеджмент, научно-педагогические работники, качество научных исследований, подсистема управления наукой в вузе, социальная система, социальные процессы

Для цитирования: Кашина М. А., Васильева В. А., Ткач С. Социологическая концептуализация понятия «драйвер» в контексте развития социогуманитарных исследований в российских университетах // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 162–178.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Sociological Conceptualization of the Concept of “Driver” in the Context of Solving Problems of Development of Socio-Humanitarian Research at Russian Universities

Marina A. Kashina^{1, *}, Valeria A. Vasilyeva¹, Sergey Tkach²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; kashina-ma@ranepa.ru

² Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

These days, management studies and domestic economic and sociological research frequently employ the term “driver.” Additionally, this concept’s cognitive capacity is significantly reduced by the lack of an agreed-upon definition. **The article’s purpose** is to demonstrate the concept of “drivers” heuristic potential for sociological analysis of issues related to the growth of socio-humanitarian research in Russian universities. Three components of the university’s social structure—academic ethics compliance, graduate school, and online academic communities—are regarded as internal drivers of socio-humanitarian research in Russian universities after first conceptualizing the term “driver” from the standpoint of sociological theory. **Study design.** This is a pilot project that uses secondary data analysis as its foundation. The information theory developed by K. Shannon provides the theoretical framework that enables us to identify the characteristics of the driver that set it apart from other system mediating components. The frameworks of institutional analysis and the theory of social action are used in the process of sociological conceptualization. This enables us to draw attention to the social system’s motivator’s subjective element. **Results.** A general definition of the concept of a driver is given, and two of its key attributes — its requirement and information recoding — are emphasized. It is demonstrated that the sociological reading of the driver is linked to an evaluation of the degree of functionality of the effects of its operation on the social structure. The personal qualities of the individuals involved in its work define the nature of these consequences. In this sense, the driver can influence the social system’s growth as well as its stagnation. University research can be internally motivated by a variety of factors, such as upholding academic ethics standards, successfully implementing postgraduate programs, and founding and moderating online academic communities. The novelty of the results obtained is associated with the implementation of technical terms into socio-humanitarian knowledge, which made it possible to give a more rigorous definition of the concept of driver in relation to the analysis of social changes and processes. The article will be of interest to science administrators at universities.

Keywords: university management, scientific and pedagogical workers, quality of scientific research, subsystem of science management at a university, social system, social processes

For citing: Kashina M. A., Vasilyeva V. A., Tkach S. Sociological Conceptualization of the Concept of “Driver” in the Context of Solving Problems of Development of Socio-Humanitarian Research at Russian Universities // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 162–178.

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research program.

Введение

Одной из тенденций современного научного знания является рост междисциплинарности и взаимообогащение общественных и точных наук, в том числе в части подходов и тезауруса. Ярким примером этому служит понятие «драйвер». Поисковый запрос в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) по слову «драйвер» в названии, аннотации или ключевых словах за 2012–2024 гг. дал список статей в журналах и материалах конференций в количестве 12112. Первые 10 мест в отранжированном по количеству цитирований списке заняли публикации, связанные с социогуманитарным знанием, а не областью информационно-компьютерных технологий.

Термин «драйвер» получил широкое распространение в первую очередь в экономической науке, что повлияло на само понимание драйвера, как научного концепта в общественных науках. Он был заимствован из компьютерных наук¹ и означает программу, которая позволяет переводить команды одного уровня (операционной системы) в команды другого уровня (аппаратного устройства), что позволяет операционной системе управлять этим устройством.

Подобная трактовка драйвера представлена в обзорной статье Л. Ивановой и Г. Терской [10], где авторы стараются дать обобщенную картину использования этого термина в общественных науках (преимущественно в экономике, экономической социологии, политэкономии).

Однако сам термин в процессе его имплементации и разработки в экономической науке получил определенные коннотации в связи с аксиоматикой самой дисциплины. К. Макконнелл и С. Брю формулируют основной вопрос экономики как проблему эффективного достижения максимального удовлетворения потребностей человека через использование ограниченных ресурсов [11]. Это наделяет экономику телеологичным элементом: в экономике есть (недостижимый) идеальный образ будущего, когда потребности будут удовлетворены. Соответственно, экономические теории должны искать способы достижения этого идеала. Драйверы в таком контексте также обретают телеологический компонент: связывание агентов рынка должно приближать наступление такого будущего, когда все потребности будут удовлетворены.

Вторая аксиома, которая стала важной коннотацией концепта драйвера, не является общей для всей экономической теории, и происходит из спора между кейнсианской моделью рынка и неолиберальной о том, достижимо ли удовлетворение потребностей через экономический рост.

Кейнсианская модель работы экономики отрицает прямую и однозначную связь функционирования рынка и экономического роста [15]. Отсюда драйверы, повышающие эффективность работы рынка, не обязаны в то же время способствовать экономическому росту и развитию. Другая трактовка существует в неолиберальной парадигме — эффективно работающий рынок неизбежно приводит к экономическому росту. Отсюда драйверы, способствующие повышению эффективности работы рынка, обязательно обеспечивают экономический рост [8].

Спор этих двух парадигм позволяет ставить вопрос о том, всегда ли наличие драйвера означает рост и развитие экономики.

Если провести анализ отечественных публикаций, содержащих слово «драйвер» в названии, аннотации или ключевых словах, то среди ста наиболее цитируемых в наукометрической базе РИНЦ статей² наиболее популярными терминами (кроме термина «драйвер») в названии будут «развитие», «экономика» и «рост» (рис. 1): другими словами, драйвер, по умолчанию, становится движущим фактором роста/развития.

Основная проблема использования термина «драйвер» в социологических исследованиях связана с его расплывчатостью. Наглядным примером может служить статья Р. Абрамовой с коллегами [1]. В аннотации данной статьи говорится: «...в качестве ключевых драйверов цифровизации образовательного процесса преподаватели рассматривают студентов и государственную политику в области высшего образования». Тем самым драйверами выступают и отдельные личности (студенты), и государственная политика. Далее в тексте авторы пишут: «Новые технологические явления, такие как искусственный интеллект, блокчейн, большие данные, Интернет вещей, на пороге пандемии оценивались представителями академического сообще-

¹ Как известно, понятие «страта» в свое время пришло в социологию из геологии.

² По состоянию на 25.02.2024.

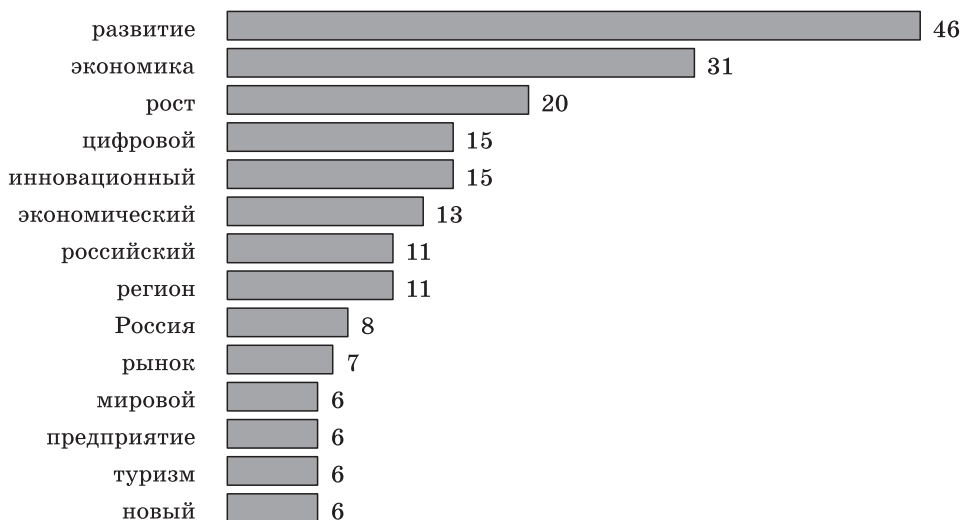

Рис. 1. Наиболее употребляемые слова, используемые в названиях статей, где в аннотации, названии или ключевых словах используется термин «драйвер», число упоминаний

Fig. 1. List of the most popular words used in article titles in which the term “driver” is used in the abstract, title or keywords, number of mentions

ства как драйверы изменений к лучшему» [1, с. 61]. Потом появляются драйверы применения преподавателями цифровых технологий [1, с. 63]. Таким образом, драйверы цифровизации образования в этой статье — студенты, государственная политика, большие данные, блокчейн и т.д., при этом преподаватели выступают самостоятельными драйверами, т.е. зависимыми от чего-то внешнего.

Подводя итоги краткого анализа использования термина «драйвер» авторами наиболее цитируемых отечественных публикаций, можно констатировать, что экономистами он используется чаще всего в значении «фактор, обеспечивающий экономический рост», а у социологов присутствует весьма расширительная трактовка этого термина, когда речь идет не только о факторах, но и о движущих силах, условиях и акторах. Общим является то, что и у тех, и у других в термине «драйвер» имплицитно содержится коннотация с ростом, развитием. Как уже отмечалось, по мнению авторов данной статьи, это ограничивает эвристический потенциал данного понятия.

Что именно превращает тот или иной элемент социальной системы в драйвер? Может ли драйвер порождать другие процессы, кроме развития и роста? — вот главные исследовательские вопросы нашего исследования. В качестве объекта исследования выступит подсистема социогуманитарных исследований в российских университетах.

Цель. Показать эвристический потенциал понятия «драйвер» для социологического анализа проблем развития социогуманитарных исследований в российских университетах.

Задачи:

- концептуализировать понятие «драйвер» с позиций социологической теории;
- рассмотреть в качестве внутренних драйверов социогуманитарных исследований в российских университетах соблюдение академической этики, институт аспирантуры, академические онлайн-сообщества.

Методология и методы

Теоретическая рамка. В данной статье мы придерживаемся концепции драйвера как связующего элемента в программном комплексе и используем работу К. Шеннона о теории информации [13]. Существует источник информации и пункт назначения, куда информация будет отправлена. Драйвер при этом играет роль связующего звена между источником (интерфейсом) и пунктом назначения (устройством/аппаратным комплексом).

Управление устройством может осуществляться и без драйвера. Человеку, сажающемуся на велосипед, не нужен драйвер, чтобы управлять велосипедом. Драйвер должен соответствовать критерию облигатности, т.е. обязательности или неотъемлемости чего-либо. Для поездки на велосипеде человек может использовать шлем, но, хотя шлем и помогает велосипедисту, делая поездку более безопасной, он не является драйвером — без шлема вполне можно обойтись. Облигатным его могут сделать правила дорожного движения, но это никак не связано с самим процессом езды и системой человек-велосипед.

Другой важной чертой, отличающей драйвер от обычного медиаторного элемента, является функция перекодированная, о чем пишет М. Борисевич: «Операционная система управляет некоторым «виртуальным устройством», которое понимает стандартный набор команд. Драйвер переводит эти команды в команды, которые понимает непосредственно устройство» [6, с. 150]. Схематично это условие будет выглядеть следующим образом (рис. 2).

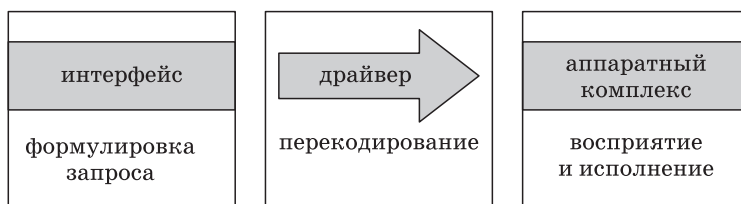

Рис. 2. Теоретическая модель драйвера как перекодировщика
Fig. 2. Theoretical model of the driver as a transcoder

Исходя из всего вышеизложенного, можно дать следующее рабочее определение драйвера, отличающее его от других медиативных элементов системы. *Драйвер — элемент, который играет связующую роль между интерфейсом (операционной системой) и аппаратным комплексом (периферией), опосредуя их взаимодействие и перекодирова команды с языка интерфейса на язык устройства. Отсутствие драйвера ведет к невозможности выполнения поставленных задач и сбоям в работе системы. Ненадлежащая работа драйвера серьезно ограничивает возможности выполнения этих задач.*

Дизайн исследования. Работа имеет пилотный характер и основана на анализе вторичных данных. Основным методом выступает анализ документов — научной литературы и нормативно-правовой базы по теме исследования.

Результаты

Социологическое прочтение понятия «драйвер»

В социологии присутствует спор, схожий по своей логике и аргументации с полемикой экономистов о связи рынка и развития — это дискуссия о социальных процессах и социальном изменении. Его рассмотрение позволит более полно определить содержание концепта «драйвер» с позиций социологии.

Проблема социального изменения является одной из основных проблем социологии. П. Штомпка пишет, что «изучение социальных изменений — основное в социологии» [16]. Данная проблема имеет два важных аспекта: основание для изменений (почему и как происходят изменения); последствия происходящих изменений (к чему ведут изменения?). В рамках нашего исследования интересен второй аспект. В социологии, как правило, выделяются три группы теорий: оптимистичные теории (теории прогресса), пессимистичные теории (теории регресса) и циклические теории (целостные теории прогресса и регресса) [14]. Первые полагают, что общество движется ко все более совершенному, свободному, творческому, сложному состоянию. К теориям этой группы можно отнести марксизм, позитивизм, эвдемонизм, неокантианство и др. Вторые полагают, что «золотой век» остался в прошлом. К теориям этой группы относятся алармизм, теория Ф. Тенниса и др. Среди циклических теорий, предполагающих смену этапов восходящего и нисходящего движения общества, можно привести теорию циклов Н. Кондратьева, теорию этногенеза Н. Гумилева, теорию культурно-исторических типов Н. Данилевского, мир-системную теорию И. Валлерстайна и др.

До настоящего времени спор о направлении и оценке изменений в обществе в социологии не видится решенным. Отсюда социологическая концептуализация драйвера, которая была бы ориентирована только на развитие (общественный прогресс), значительно ограничивает его познавательные возможности. Перспективнее оттолкнуться от утверждения, что драйверы просто обеспечивают работу отдельных подсистем в обществе, но сама по себе эта работа не обязательно ведет к прогрессу. Это позволяет ставить вопрос о разных последствиях работы драйвера, они могут вести к развитию системы или к ее стагнации, или просто обеспечивать ее функционирование без ярко выраженного знака. В силу этого один и тот же драйвер способен стать при определенных условиях и драйвером развития, и драйвером стагнации. Функционирование драйвера на микроуровне нельзя объяснить просто через проекцию его функций с мезо- и макроуровня социальной системы на уровень организации. В повседневных взаимодействиях он наполняется смыслом, который, в свою очередь, зависит от ценностной картины человека, как об этом пишет М. Вебер [7]. Отсюда система ценностей конкретного человека, участвующего в работе драйвера, может наполнять его различным смыслом и изменять его работу. Это можно назвать субъективной составляющей драйвера или человеческим фактором. Понятно, что подобной характеристикой обладают только драйверы социальных систем.

Итак, наличие драйвера является обязательным (облигатным) условием нормального функционирования социальной системы и достижения ею поставленных целей, он осуществляет перекодировку универсального сигнала управляющей (операционной) системы в набор сигналов понятных управляемой (периферийной) системе, исходя из ее специфики. Особенностью драйверов социальных систем является наличие субъективной составляющей, т. е. зависимость от системы ценностей людей, обеспечивающих их работу.

Подобное социологическое прочтение концепта «драйвер» обладает заметным научным потенциалом, позволяющим взглянуть на привычные проблемы под новым углом зрения. Покажем это на примере анализа проблем системы высшего образования, в частности развития ее подсистемы научной деятельности в области социальных и гуманитарных наук.

Краткая характеристика объекта исследования

Социогуманитарные исследования в российских университетах находятся в сложной ситуации. С одной стороны, существует запрос на их проведение у общественных и коммерческих организаций, а также органов государственной власти и управления.

С другой, качество этих исследований и их финансирование явно недостаточны. Они не входят в Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. В приоритетах безопасность, в том числе военная, экология, энергетика и транспорт¹. Это актуализирует поиск внутренних источников и ресурсов активизации и повышения качества таких исследований в российских университетах.

Ситуация усугубляется введением ограничительных мер в отношении России со стороны западных стран в 2022 г. Сегодня участие российских ученых во многих международных научных коллаборациях с исследователями из университетов стран Европы и США или приостановлено, или требует корректировки, или завершено. В то же время адекватный отечественный потенциал в области социогуманитарного знания пока не сформирован, зависимость от западных научных подходов и концепций полностью не преодолена. Научное сотрудничество и использование результатов исследований азиатских стран (Китая, Индии и др.) технически и политически более доступно, но здесь существуют значительные социокультурные различия, а также существенные языковые барьеры, преодоление которых требует времени и заметных усилий со стороны российских ученых.

Наше исследование предлагает один из подходов к решению проблемы повышения количества и качества научных работ в этих новых реалиях, состоящий в максимизации функциональности драйверов подсистемы научной деятельности университета. Вопрос признания элемента системы ее драйвером требует экспертных оценок, поэтому в нашем исследовании мы обратимся к анализу тех из них, которые выступают наиболее очевидными, признавая, что этот список значительно шире.

Университет формата 3.0, предполагающего коммерциализацию научных исследований, должен обеспечивать высокий уровень «инновационного потенциала» [12], состоящего из интеллектуальных, экономических, информационных и материальных ресурсов. Именно этот инновационный потенциал определяет конкурентоспособность вуза. И одним из ключевых составляющих этого потенциала являются вузовские кадры, генерирующие, помимо образовательных продуктов, научный контент, который может быть коммерциализирован. Драйвером развития университетской науки в данном случае является такая структура, которая взяла бы на себя коммуникативную функцию, обеспечивающую связь научных разработок вуза и внешних стейкхолдеров. Такая структура потенциально может снизить уровень недобросовестности в научных исследованиях вуза, сосредоточив внимание на управлении академическим персоналом, проектами и оценкой результатов научной деятельности, имеющих значения для «возврата инвестиций в исследования» [21; 24].

Другими словами, ключевой составляющей инновационного потенциала университета выступают научно-педагогические кадры, способные генерировать качественный научный контент, который впоследствии, благодаря академическому предпринимательству, может быть коммерциализирован. Поскольку такого рода предпринимательство направлено на внешнюю среду, то будем считать его внешним драйвером социогуманитарных исследований в университетах и в рамках этой статьи рассматривать не будем, сосредоточившись на внутренних драйверах. Наиболее очевидными и в то же время проблемными в современных условиях выступают три — академическая этика, которая противостоит недобросовестности в науке и минимизирует репутационные риски университета, аспирантура, которая обеспечивает воспроизводство на-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2011 г., № 28, ст. 4168 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 16 декабря 2015 г. № 623).

учных кадров, и академические онлайн-сообщества, повышающие инклюзивность и прозрачность самой науки. Последний драйвер является самым новым, можно сказать, что он еще находится на стадии своего оформления. Схематично эта система выглядит так (рис. 3).

Рассмотрим внутренние драйверы более подробно.

Рис. 3. Университет формата 3.0

Fig. 3. University format 3.0

Академическая этика

Соблюдение академической этики и борьба с академическими девиациями играет важную роль в развитии науки в университетах, поскольку практики научных девиаций (фальсификация, фабрикация данных, манипулирование данными, плагиат, тексты, целиком сгенерированные искусственным интеллектом без проведения исследований) негативно сказываются на имидже университета и одним обнаруженным кейсом могут свести на нет репутацию всего вуза [18; 22]. Происходит девальвация научного вклада университета, когда под сомнение ставится достоверность других исследований, проведенных в этом учреждении, даже если они не связаны напрямую с неправомерными действиями. Появляется «сдерживаемое партнерство» — потенциальные партнеры, как академические, так и промышленные, могут не решиться сотрудничать с университетом, уличенным в обвинениях или доказанных случаях фальсификации

исследований [23]. Обнаружение и обнародование сфальсифицированных исследований (либо других мошеннических практик) могут отрицательно повлиять на карьеру студентов и сотрудников [17]. Университет, уличенный в ненадлежащем проведении исследований, может столкнуться с финансовыми последствиями, включая потерю текущего и будущего финансирования со стороны государственных учреждений и стейкхолдеров от бизнеса. Все это превращает работу по соблюдению академической этики в драйвер, т. е. облигатный элемент подсистемы научных исследований в университетах.

Однако драйвером развития, а не просто функционирования науки в вузе это станет только в том случае, если подобная деятельность институционализирована, ведется систематически и на постоянной основе [25]. Другими словами, в университете должен существовать особый орган, решающий задачи контроля качества научных исследований, включая работу по обнаружению, пресечению и предотвращению академических девиаций.

Если говорить о диссертационных исследованиях, то в настоящее время эти задачи возложены на научных руководителей аспирантов, на диссертационные советы, на оппонентов, рецензентов и экспертов, каждый из которых в меру собственных знаний, умений, навыков и уровня мотивации решает эти задачи. Примерно также выглядит ситуация при публикации статей в научных журналах, за их качество несет ответственность не только автор, но и рецензенты, рекомендовавшие статью к печати, и редколлегия журнала. Когда дело касается НИР, то здесь также проводится экспертная оценка полученных результатов, на основании которой решается вопрос — считать ли НИР выполненной.

Понятно, что все эти действия по контролю качества научного контента зависят, как уже отмечалось, от компетенций, а главное — мотивации субъектов этого контроля. Иначе говоря, решающую роль в этом процессе играет человеческий фактор.

Более или менее этот фактор исключен при автоматической проверке научных работ на некорректные заимствования (плагиат) в системе «Антиплагиат-ВУЗ», хотя и здесь есть функция экспертизы, когда отчет о проверке изучается специалистами, выносящими окончательный вердикт о том, какие заимствования некорректны. На самом деле в научной сфере более тяжелые последствия следует ожидать не от плагиата, а от фальсификации, фабрикации и откровенного подлога научных данных. Но «Антиплагиат-вуз» не сможет это обнаружить.

Институциональным образованием, поддерживающим стандарты академической этики, могли бы стать кадровые комитеты (комиссии), в задачу которых будут входить не только вопросы администрирования научно-педагогического персонала, но и вопросы контроля качества кадрового обеспечения научных исследований университета, а также контроль качества работы института экспертизы результатов научных исследований.

В настоящее время подобные структуры в российских университетах встречаются редко. В крупных университетах (например, МГУ, СПбПУ, БФУ, ВШЭ и т. д.) кадровые комитеты (кадровые комиссии, комитеты по персоналу) есть. Создаются они, как правило, по решению Ученого совета или по распоряжению руководителя вуза. Однако их функционал ограничен рассмотрением вопросов принятия на должность преподавателя или сотрудника (БФУ, МГУПП), определением траекторий кадрового роста сотрудников (МГМСУ), оценкой публикационной активности ученых (ВШЭ). Контроль за соблюдением этических норм и стандартов в научных исследованиях и публикациях в этот функционал не входит.

Если говорить о кадровых комиссиях с позиций социологической концептуализации драйвера, то они должны обеспечивать перекодирование существующих представлений о научной этике и академических нормах в конкретные правила проведения научных исследований, их неисполнение должно караться, в том чис-

ле принятием кадровых решений. С точки зрения драйвера, важен сам факт перекодировки и доведения до исполнителей, реализующих научные исследования (научных сотрудников, преподавателей, аспирантов) этих самых правил. Плохая работа драйвера будет заключаться либо в том, что эта перекодировка не сделана, либо, что не доведена до периферии. Отсюда возникает возможность оправдания академических девиаций. Этический кодекс проведения научных исследований как бы есть, но о нем никто не знает. В отсутствие институционализации деятельности по контролю соблюдения академических норм этот драйвер не сможет стать драйвером развития.

Институт аспирантуры

Аспирантура выступает одним из самых очевидных и самых институционализированных внутренних драйверов научных исследований в университетах. Ее основная задача — готовить кадры высшей квалификации, подтверждением этой квалификации выступает успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и получение диплома кандидата наук.

Облигатность аспирантуры определяется Федеральными государственными стандартами высшего образования, которые в любой своей версии содержат раздел «Требования к кадровым условиям реализации программы бакалавриата/специалитета/магистратуры». Во ФГОС 3++ в этих требованиях указано, что не менее 60% численности педагогических работников организации и лиц, привлекаемых к образовательной деятельности организации на иных условиях, должны иметь ученую степень и (или) ученое звание. СПбГУ, как и ряд других университетов, своим локальным нормативным актом установил, что одно из требований к научному руководителю ВКР — наличие ученой степени (звания)¹.

Кроме того, чтобы получить право готовить аспирантов, университет должен отвечать ряду требований. А именно: «Организации, реализующие программы аспирантуры (адъюнктуры), должны осуществлять научную (научно-исследовательскую) деятельность, в том числе выполнять фундаментальные и (или) поисковые, и (или) прикладные научные исследования, и обладать научным потенциалом по группам научных специальностей, по которым реализуются программы аспирантуры (адъюнктуры)².

Тем самым связь научной подсистемы университета с проведением диссертационных исследований опосредуется аспирантскими программами, которые перекодируют требования к обычным исследованиям в требования к диссертации. В частности, диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку и т. д.³.

Выполнение этих требований необходимо для того, чтобы подтвердить квалификацию аспиранта как исследователя, потому что в случае успешной защиты он

¹ О требованиях к научному руководителю выпускной квалификационной работы в СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://guestbook.spbu.ru/prorektory-spbgu/lavrikova-marina-yurevna/15335-o-trebovaniyakh-k-nauchnomu-rukovoditelyu-vypusknnoj-kvalifikatsionnoj-raboty> (дата обращения: 08.05. 2020).

² П. 3. Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 // Собр. законодательства Российской Федерации от 6 декабря 2021 г. № 49 (ч. II) ст. 8308.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. О порядке присуждения ученых степеней. // Собр. законодательства Российской Федерации от 2013 г. № 40, ст. 5074 (ч. III).

получит диплом кандидата наук государственного образца, который даст возможность дальнейшей профессиональной и должностной карьеры.

Используя предлагаемую социологическую концепцию драйвера, можно следующим образом описать работу аспирантуры. В качестве операционной системы будет выступать подсистема организации науки в университете, научные подразделения и кафедры, ведущие подготовку аспирантов. Хотя необходимо признать, что связь кафедр и научных подразделений в университетах бывает весьма слаба. Периферией (аппаратным комплексом) будут выступать аспиранты и их научные руководители. Обязатность аспирантуры связана с естественным процессом смены поколений НПР в вузе. Как драйвер аспирантура перекодирует требования к научным исследованиям в требования к диссертациям. Субъективная составляющая этого драйвера связана с мотивацией и ценностными ориентациями аспирантов, научных руководителей, работников подразделений, обеспечивающих прием диссертаций к защите и работу диссертационных советов и т. д. и т. п.

Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность работы аспирантуры в качестве драйвера научных исследований в университете, здесь немало проблем, главной из которых является ее низкая эффективность, т. е. низкая доля успешных защит аспирантами своих диссертаций в срок. Существует огромный пласт литературы и научных исследований на эту тему. Например, недавняя статья Е. Биричевой и З. Фаттаховой посвящена анализу характера взаимодействия аспирантов со своими научными руководителями [5]. В частности, они описывают феномен «теневого наставничества», когда за именитых профессоров работают их младшие коллеги. Понятно, что здесь уже появляются вопросы из области соблюдения академической этики.

Низкая доля защит диссертаций объясняется множеством причин, одной из главных всеми исследователями признавалась увеличившаяся образовательная составляющая программ аспирантуры [4]. Признанием этого стало изменение нормативной базы аспирантской подготовки. Было решено отказаться от ФГОС, государственной итоговой аттестации и выдачи диплома об окончании аспирантуры¹ (517-ФЗ). Итоговая аттестация по программам аспирантуры, согласно п. 44 «Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)»², теперь будет проводиться в форме оценки диссертации на предмет ее соответствия критериям, установленным в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Другими словами, успешно закончившими аспирантуру будут только те, кто уже может представить диссертацию в диссертационный совет. Поможет ли это превратить аспирантуру в драйвер развития научных исследований в университетах, пока сказать трудно.

Академические онлайн-сообщества

В общем виде схема производства научного знания с онлайн-участием может быть представлена следующим образом: исследовательский центр, научная лаборатория (подсистема научной работы университета) — онлайн-сообщество — ученый. Воз-

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102162745&backlink=1&&nd=102957854> (дата обращения: 20.02.2024).

² Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2122 // Собр. законодательства Российской Федерации от 6 декабря 2021 г. № 49 (ч. II) ст. 8308.

можно два варианта взаимодействия. Исследование проводится и его результаты публикуются ученым самостоятельно, научные подразделения университета просто используют эти материалы в своей работе. Либо существует кооперация научных подразделений и ученого при работе над одним проектом. И в том, и в другом случае онлайн-сообщество выступает драйвером, поскольку создает возможности производить научные знания подобным образом.

И если для научного подразделения поиск нового специалиста через онлайн-сообщество для трудоустройства в штат может быть просто благоприятным сценарием, когда находится именно тот специалист, который нужен, то для отдельного исследователя связь с научным подразделением университета через онлайн-сообщество может оказаться единственным возможным вариантом. Об этом говорят Ч. Пуритти и др. [26], например, если индивид относится к маломобильным группам населения. В первую очередь, речь идет об инвалидизирующих состояниях, что подробно рассмотрено в работах Г. Уолбрина [29].

Это справедливо и для тех исследователей, кто социально маломобилен, например, живет в отдаленных районах страны, имеет на руках больных родственников и т. п., и поэтому не имеет возможности приехать в университет и предложить свои услуги для проведения исследований лично. В таком случае коммуникация исследователя с научными подразделениями университета при выполнении совместных проектов, знакомство с работами, написанными другими, научные дискуссии возможны только через онлайн-сообщество. Более того, в условиях кризисов различной природы, каким была пандемия Covid-19, любой человек можем оказаться изолированным от исследовательского коллектива. Онлайн-сообщество здесь оказывается единственным выходом [27].

Перекодирование в онлайн-сообществе осуществляется за счет устройства пользовательской архитектуры. Специализированное программное обеспечение позволяет перекодировать устные договоренности о выполняемых совместных задачах в отслеживаемые в реальном времени операции с возможностью распределять нагрузку, структурировать исследовательские группы для конкретных этапов и подэтапов [20]. Схожий функционал может быть реализован и в сообществах в социальных сетях, где можно назначать сроки выполнения задач через календарь мероприятий, а распределение задач осуществлять в дискуссиях в сообществе^{1, 2}.

В случае если онлайн-сообщества успешно обеспечивают инклюзивность и прозрачность университетской науки, они могут рассматриваться в качестве драйвера развития. Они могут быть включены в подсистему научной деятельности университета посредством столкновения двух актуальных трендов современной системы академического образования: новые паттерны образования и развития научных сообществ в организационной структуре университетов [2] и цифровизация работы университета [9]. Отсюда университеты могут создавать и модерировать сообщества в социальных сетях, созданные по принципу представления научной школы в университете, тематики научных работ и проектов, приглашать в эти сообщества как штатных сотрудников университета, так и внешних экспертов.

Как уже отмечалось, этот драйвер научной деятельности университетов является самым новым и находится в стадии становления, но это не мешает его активно использовать.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://ads.vk.com/insights/kak-sozdat-meropriyatie-vkontakte> (дата обращения: 20.02.2024).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@business-kak-nastroit-business-soobshestvo> (дата обращения: 20.02.2024).

Обсуждение

В начале этой статьи была проанализирована ситуация с использованием понятия «драйвер» отечественными исследователями, и сделан вывод, что у нас пока нет единого строгого определения этого понятия, что позволяет называть драйвером объекты, явления, процессы, людей, организации и т. д.

В зарубежных исследованиях ситуация схожая. В исследовании [3] по юридическим аспектам работы с рисками в проектах государственно-частного партнерства авторы используют понятие «драйвер» в контексте правовых механизмов минимизации рисков в проектах. В работе [28] по сравнению российской и европейской педагогической практик применения информационно-компьютерных технологий «драйвер» используется в контексте компетенций педагогов в области владения педагогическими инструментами.

С. Бреслау [19] в своем обзоре отмечает, что в качестве драйверов различные авторы приводят исторические и продолжающиеся драматические политические, социальные, культурные и экономические изменения, индустриализацию и культуру потребления, юридические изменения законодательства, культурное взаимодействие, расизм, колониализм, инфекционное заболевание, механизацию, государственную власть, рост населения и др. Исследовательница группирует драйверы далее на экстремальные и интернальные, однако, что отмечается, такая группировка видится небесспорной.

Другими словами, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе нет единства в понимании термина «драйвер», несмотря на его широкое использование.

В данной работе предложено более строгое определение концепта «драйвер социальной системы» и приведен ряд примеров его использования для анализа проблем проведения научных исследований в университетах.

Ограничения исследования.

Обсуждая полученные результаты, необходимо принять во внимание ряд существенных ограничений.

1. Использование в качестве теоретической рамки теории информации ведет к своего рода механизму в анализе социальных взаимодействий, придавая им излишнюю телеологичность и рациональность.
2. Выбор элементов подсистемы научной деятельности в качестве драйверов осуществлялся на основе опыта практической работы авторов статьи в вузе. Исследователи, имеющие другой опыт, могли выбрать для анализа другие элементы.
3. Условия функционирования драйвера в рамках подсистемы научной деятельности университета в работе не обсуждались. Предполагалось, что это конкретное подразделение университета, в функционал которого включена эта деятельность. Но из трех внутренних драйверов институциональное оформление пока имеет только аспирантура.
4. Не исследовалось влияние внешней среды университета на работу внутренних драйверов, хотя это влияние может быть весьма значительным, начиная от количества людей, собирающихся обучаться в аспирантуре университета и заканчивая конкуренцией/сотрудничеством академических онлайн-сообществ различных университетов.

Направления дальнейших исследований связаны с проведением эмпирических исследований в конкретных университетах, изучением формальных и неформальных практик работы драйверов и разработкой рекомендаций по их использованию для активизации и повышения качества научной работы в области социогуманитарного знания. Другим направлением может стать использование метода экспертных оценок для поиска новых драйверов научной деятельности в университетах.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

Драйвер — элемент, который играет связующую роль между интерфейсом (операционной системой) и аппаратным комплексом (периферией), опосредуя их взаимодействие и перекодирова команды с языка интерфейса на язык устройства. В современном российском социогуманитарном знании этот термин чаще используется экономистами в значении фактор (драйвер) экономического роста. Тем самым все другие последствия работы драйверов игнорируются.

Концептуализация термина «драйвер» применительно к задачам социологического анализа предполагает наличие у него функциональности, которая может снижаться или нарастать в зависимости от условий внутренней и внешней среды. Это позволяет говорить о том, что один и тот же драйвер может способствовать как развитию, так и стагнации социальной системы. Драйверы получают свое прочтение в зависимости от уровня социальной системы, в которой работают: организация, институция, подсистема общества, общество в целом.

Особенностью драйверов социальных систем является наличие субъективной составляющей, т. е. зависимость от системы ценностей людей, обеспечивающих их работу. Система ценностей конкретного человека, участвующего в работе драйвера, может наполнять его различным смыслом и изменять его работу.

Современные геополитические реалии актуализируют задачу активизации научной работы в университетах в области социогуманитарных исследований. Концепция драйверов научной деятельности позволяет операционализировать эту задачу.

К внутренним драйверам проведения научных исследований в университетах могут быть отнесены поддержание стандартов академической этики, эффективная реализация программ аспирантуры, создание и модерирование академических онлайн-сообществ.

Данная работа выступает пилотным исследованием, поэтому многие ее тезисы требуют дальнейшего обсуждения и верификации в эмпирических исследованиях.

Литература

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А., Захарова У. С., Григорьева А. В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15826/упра.2020.02.014
2. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет-2030»: проблемы и перспективы // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 59–71.
3. Андерсен А. П. К вопросу о правовых механизмах минимизации рисков в проектах ГЧП // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Т. 10–1. № 52. С. 100–102. DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.017
4. Бедный Б. И., Сапунов М. Б. и др. Новая модель российской аспирантуры: проблемы и перспективы (круглый стол) // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 130–146. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-130-146>
5. Биричева Е. В., Фаттахова З. А. Эффективность взаимодействия научного руководителя и аспиранта в вузе и в академии наук // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22
6. Борисевич М. Н. Основы информационных технологий. М. : Русайнс, 2022. 458 с.
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Господство. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 544 с.
8. Веселов Ю. В., Капусткина Е. В., Карапетян Р. В. [и др.]. Экономическая социология: теория и история. СПб. : Нестор-История, 2012. 760 с.

9. Ефимов В. С., Лаптева А. В. Цифровизация в системе приоритетов развития российских университетов: экспертный взгляд // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 4 (116). С. 52–67. DOI: 10.15826/umpra.2018.04.040
10. Иванова Л. Н., Терская Г. А. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 120–133. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.120-133
11. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика // Economics: Principles, Problems, and Policies. М. : Республика, 1992, 1152 с.
12. Новиков С. В. Структура, основные драйверы и тенденции развития инновационной экосистемы современного университета // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2 (158). С. 41–49. DOI 10.34773/EU.2021.2.7
13. Носкова Т. Н., Павлова Т. Б., Яковлева О. И. ИКТ-инструменты профессиональной деятельности педагога: сравнительный анализ российского и европейского опыта // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 1 (90). С. 25–45. DOI 10.15507/1991-9468.090.022.201801.025-045
14. Серков П. С., Волков Ю. К. Концепции направленности исторического процесса в философии и социологии истории // Приволжский научный вестник. 2015. Т. 12–2. № 52. С. 151–157.
15. Хайлбронер Р. Философы от мира сего: великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи // The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers. М. : Колибри, 2008. 430 с.
16. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-пресс, 1996. 416 с.
17. Anderson M. S., Shaw M. A., Steneck N. H., Konkle E., Kamata T. Research Integrity and Misconduct in the Academic Profession // Higher Education: Handbook of Theory and Research. Higher Education: Handbook of Theory and Research. 2013. Vol. 28. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-5836-0_5
18. Bazana P. Academic Dishonesty // International Journal of Testing. 2002. N 2. P. 361–367. <https://doi.org/10.1080/15305058.2002.9669499>
19. Breslow S. J. Accounting for neoliberalism: “Social drivers” in environmental management // Marine Policy. 2015. N 61. P. 420–429.
20. Chasanidou D., Elvæsæter B., Berre A. J. Enabling team collaboration with task management tools. In Proceedings of the 12th International Symposium on Open Collaboration. 2016. August. P. 1–9. <https://doi.org/10.1145/2957792.2957799>
21. Crocker J., Cooper M. Addressing Scientific Fraud // Science. 2011. N 334. P. 1182–1182. <https://doi.org/10.1126/science.1216775>
22. Cuadrado D., Salgado J., Moscoso S. Prevalence and Correlates of Academic Dishonesty: Towards a Sustainable University // Sustainability. 2019. N 11 (21). P. 6062. <https://doi.org/10.3390/su11216062>
23. Dezi L., Santoro G., Monge F., Zhao Y. Assessing the impact and antecedents of university scientific research on firms’ innovation commercialization // International Journal of Technology Management. 2018. Vol. 78. N 1/2. P. 88–106.
24. Khaled K. Scientific fraud and the power structure of science // Research on Chemical Intermediates. 2014. N 40. P. 2785–2798. <https://doi.org/10.1007/s11164-013-1128-x>
25. Lynch K., Ivancheva M. Academic freedom and the commercialisation of universities: a critical ethical analysis // Ethics in Science and Environmental Politics. 2016. N 15. P. 1–15
26. Puritty Ch. et al. Without inclusion, diversity initiatives may not be enough // Science. 2017. N 357. P. 1101–1102. DOI:10.1126/science.aai9054
27. Rannastu-Avalos M., Siiman L. A. Challenges for Distance Learning and Online Collaboration in the Time of COVID-19: Interviews with Science Teachers // Collaboration Technologies and Social Computing. CollabTech. 2020. Lecture Notes in Computer Science. Vol 12324. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58157-2_9
28. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423. doi: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x
29. Wolbring G., Lillywhite A. Equity/equality, diversity, and inclusion (EDI) in universities: the case of disabled people // Societies. 2021. N 11 (2). P. 49.

Об авторах:

Кашина Марина Александровна, ведущий научный сотрудник НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС

(Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор полит. наук, доцент; ORCID: 0000-0003-4509-8657, Researcher ID: ABA-7579-2020; kashina-ma@ranepa.ru

Васильева Валерия Алексеевна, старший преподаватель кафедры сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8300-5223, Researcher ID: D-2131-2014, Scopus ID: 57211992677, vasileva-va@ranepa.ru

Ткач Сергей, ведущий социолог Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5016-9187, Researcher ID: HKV-6887-2023, s.tkach@spbu.ru

References

1. Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentyev E. A., Zakharova U. S., Grigorieva A. V. University teachers and digitalization of education: on the eve of remote force majeure // *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2020. Vol. 24. N 2. P. 59–74. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2020.02.014
2. Ambarova P. A., Zborovskii G. E. The scientific and pedagogical community in Russian universities in the context of the implementation of the Priority 2030 program: problems and prospects // *Higher Education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]*. 2022. Vol. 31. N 1. P. 59–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71>
3. Andersen A. P. On the issue of legal mechanisms for minimizing risks in GCHP projects // *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2016. Vol. 10–1. N 52. P. 100–102. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.017
4. Bednyi B. I., Sapunova M. B. et al. New model of Russian graduate school: problems and prospects (round table) // *Higher Education in Russia [Vysshee obrazovaniye v Rossii]*. 2019. Vol. 28. N 1. P. 130–146. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-130-146>
5. Biricheva E. V., Fattakhova Z. A. The effectiveness of interaction between a supervisor and a graduate student at a university and at the Academy of Sciences // *Higher Education in Russia [Vysshee obrazovaniye v Rossii]*. 2021. Vol. 30. N 1. P. 9–22. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22
6. Borisevich M. N. Fundamentals of information technologies. Moscow : Rusigns, 2022. 458 p. (In Russ.)
7. Veber M. *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. Domination*. Moscow : Publishing house of Hiew School of Economy, 2019. 544 p. (In Russ.)
8. Veselov Yu. V., Kapustkina E. V., Karapetyan R. V. et al. *Economic sociology: theory and history*. Saint Petersburg : Limited Liability Company "Nestor-History". 2012. 760 p. (In Russ.)
9. Efimov V. S., Lapteva A. V. Digitalization in the system of development priorities of Russian universities: an expert view // *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2018. Vol. 22. N 4 (116). P. 52–67. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2018.04.040
10. Ivanova L. N., Terskaya G. A. Growth points and growth drivers: on the issue of the content of concepts // *Journal of Institutional Research*. 2015. Vol. 7. N 2. P. 120–133. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.120-133
11. McConnell K. R., Brew S. L. *Economics: principles, problems, and policies*. Moscow : Republic. 1992. 1152 p. (In Russ.)
12. Novikov S. V. Structure, main drivers and development trends of the innovation ecosystem of a modern university // *Economics and Management: Scientific and Practical Journal [Economika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal]*. 2021. N 2 (158). P. 41–49. (In Russ.) DOI: 10.34773/EU.2021.2.7
13. Noskova T. N., Pavlova T. B., Yakovleva O. I. ICT tools for a teacher's professional activity: a comparative analysis of Russian and European experience // *Integration of education [Integratsiya obrazovaniya]*. 2018. Vol. 22. N 1 (90). P. 24–45. (In Russ.) DOI 10.15507/1991-9468.090.022.201801.025-045
14. Serkov P. S., Volkov Yu. K. Concepts of the direction of the historical process in the philosophy and sociology of history // *Volga Scientific Bulletin [Privolzhski nauchnyy vestnik]*. 2015. Vol. 12–2. N 52. P. 151–157. (In Russ.)
15. Heilbroner R. *The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers*. Moscow: KoLibri. 2008. 430 P.
16. Sztompka P. *Sociology of social changes*. Moscow. 1996. 416 p. (In Russ.)
17. Anderson M. S., Shaw M. A., Steneck N. H., Konkle E., Kamata T. *Research Integrity and*

- Misconduct in the Academic Profession // Higher Education: Handbook of Theory and Research. Higher Education: Handbook of Theory and Research. 2013. Vol. 28. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-5836-0_5
18. Bazana P. Academic Dishonesty // International Journal of Testing. 2002. N 2. P. 361–367. <https://doi.org/10.1080/15305058.2002.9669499>
 19. Breslow S.J. Accounting for neoliberalism: “Social drivers” in environmental management // Marine Policy. 2015. N 61. P. 420–429.
 20. Chasanidou D., Elvesæter B., Berre A.J. Enabling team collaboration with task management tools. In Proceedings of the 12th International Symposium on Open Collaboration. 2016. August. P. 1–9. <https://doi.org/10.1145/2957792.2957799>
 21. Crocker J., Cooper M. Addressing Scientific Fraud // Science. 2011. N 334. P. 1182–1182. <https://doi.org/10.1126/science.1216775>
 22. Cuadrado D., Salgado J., Moscoso S. Prevalence and Correlates of Academic Dishonesty: Towards a Sustainable University // Sustainability. 2019. N 11 (21). P. 6062. <https://doi.org/10.3390/su11216062>
 23. Dezi L., Santoro G., Monge F., Zhao Y. Assessing the impact and antecedents of university scientific research on firms’ innovation commercialization // International Journal of Technology Management. 2018. Vol. 78. N 1/2. P. 88–106.
 24. Khaled K. Scientific fraud and the power structure of science // Research on Chemical Intermediates. 2014. N 40. P. 2785–2798. <https://doi.org/10.1007/s11164-013-1128-x>
 25. Lynch K., Ivancheva M. Academic freedom and the commercialisation of universities: a critical ethical analysis // Ethics in Science and Environmental Politics. 2016. N 15. P. 1–15
 26. Puritty Ch. et al. Without inclusion, diversity initiatives may not be enough // Science. 2017. N0. 357. P. 1101–1102. DOI:10.1126/science.aai9054
 27. Rannastu-Avalos M., Siiman L.A. Challenges for Distance Learning and Online Collaboration in the Time of COVID-19: Interviews with Science Teachers // Collaboration Technologies and Social Computing. CollabTech. 2020. Lecture Notes in Computer Science. Vol 12324. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58157-2_9
 28. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423. doi: 10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x
 29. Wolbring G., Lillywhite A. Equity/equality, diversity, and inclusion (EDI) in universities: the case of disabled people // Societies. 2021. N 11 (2). P. 49.

About the authors:

Marina A. Kashina, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, ORCID: 0000-0003-4509-8657, Researcher ID: ABA-7579-2020; kashina-ma@ranepa.ru

Valeria A. Vasilyeva, senior lecturer at the Department of Comparative Political Studies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8300-5223, Researcher ID: D-2131-2014, Scopus ID : 57211992677, vasileva-va@ranepa.ru

Sergey Tkach, leading sociologist of the Center for Applied Sociology of Saint Petersburg State University; ORCID: 0000-0001-5016-9187, Researcher ID: HKV-6887-2023, s.tkach@spbu.ru

Политическое участие молодежи Санкт-Петербурга на примере протестной деятельности

Векшин В. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vekshin_photo@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью исследования является анализ протестной деятельности молодежи Санкт-Петербурга как формы политического участия. **Метод.** Для достижения поставленной цели был выбран метод контент-анализа, включающий в себя мониторинг протестной деятельности среди молодежи. **Результаты.** Проведен анализ протестной деятельности в молодежной среде Санкт-Петербурга: выявлены организаторы протестных акций, тематика протестов, их политические формы и количество. Предложены пути для разрешения конфликтов между обществом и властями с целью ведения диалога и, как следствие, снижения протестной деятельности. **Выводы.** Проведенное исследование показало, что в Санкт-Петербурге проживает активное гражданское общество, готовое принимать политическое участие в разных формах, в том числе протестных акциях. При помощи прямого диалога между молодежными движениями и органами власти недовольство со стороны активистов, представляющих группы населения, будет снижаться. Результаты данного исследования будут интересны специалистам в области политологии и социологии, государственным служащим в области молодежной политики.

Ключевые слова: гражданское общество, молодежь, политическое участие, протестная деятельность, протест, молодежные движения, молодежная политика

Для цитирования: Векшин В. О. Политическое участие молодежи Санкт-Петербурга на примере протестной деятельности // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 179–196.

Political Participation of the Youth of St. Petersburg on the Example of Protest Activity

Vladislav O. Vekshin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; vekshin_photo@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the study is to analyze the protest activity of the youth of St. Petersburg as a form of political participation. **Method.** To achieve this goal, a content analysis method was chosen, which includes monitoring protest activity among young people. **Results.** The analysis of protest activity in the youth environment of St. Petersburg is carried out: the organizers of protest actions, the theme of protests, their political forms and number are revealed. The ways to resolve conflicts between society and the authorities in order to conduct a dialogue and, as a consequence, reduce protest activity are proposed. **Conclusions.** The conducted research has shown that St. Petersburg is home to an active civil society, ready to take political part in various forms, including protest actions. With the help of direct dialogue between youth movements and authorities, discontent on the part of activists representing population groups will decrease. The results of this study will be of interest to specialists in the field of political science and sociology, civil servants in the field of youth policy.

Keywords: civil society, youth, political participation, protest activity, protest, youth policy.

For citing: Vekshin V. O. Political Participation of the Youth of St. Petersburg on the Example of Protest Activity // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 179–196.

Введение

Протестные акции являются одним из способов политического выражения воли, формой политического действия и участия, где меньшинство стремится представить себя в качестве большинства или, по крайней мере, выступить в качестве полноправного субъекта политического процесса. Люди выходят на улицы с определенными требованиями, когда их доверие к политическим институтам исчезает. В последние 10 лет протестные акции стали значительным фактором политического процесса: от муниципальных, региональных до национальных и международных уровней. Протестные акции принимают форму массовых протестов, которые, при определенном стечении обстоятельств, приобретают характер революционной формы и могут быть проанализированы через понятийный аппарат революционного процесса, как в случаях Украины в 2014 г., Армении в 2018 г., Беларуси в 2020 г. и Казахстана в 2022 г.

Россия не исключение. За период с 2000 по 2021 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было выявлено и проанализировано 996 протестных события [4]. В протестных акциях отмечается активное участие молодежи. Большинство из них, еще не определившиеся в своих жизненных целях и показывающие уязвимость к провокациям и агитации со стороны организаций, нацеленных на дестабилизацию политического положения в стране. Следует учесть, что такие организации часто получают финансовую поддержку из-за рубежа. Таким образом молодежь, участвующая в несанкционированных протестных акциях, нарушает законы Российской Федерации, что может привести к плачевным последствиям, как для молодежи, так и для политической обстановки в стране.

Несмотря на распространение и важность протестного явления, на данный момент нам все еще не хватает детального понимания структуры современных протестов — какие молодежные движения активно участвуют в протестной активности, какие тематические направления существуют в рамках протестов, какие причины его вызывают и какие форматы вовлечения молодежи в политические процессы используют.

Цель данной работы: анализ протестной деятельности молодежи Санкт-Петербурга как формы политического участия.

Для подготовки исследования протестной деятельности и выполнения цели данной работы необходимо дать обзор политического поведения, политического участия и протеста, как формы политического участия молодежи Санкт-Петербурга.

Политическое поведение — неотъемлемая часть социального бытия современного человека. Особенности постиндустриального общества значительным образом влияют на характеристики общественных процессов: от постоянной включенности в информационное поле (даже опосредованное, пассивное и частичное) до проблем с потребностью в индивидуальной и политической субъективации. Под политическим поведением понимается активность людей в политической сфере, которая включает как наблюдаемые проявления и конкретные действия (например, голосование на выборах, участие в демонстрациях или акциях протеста), так и внутренние позиции, убеждения и отношения к политической реальности. Политическое поведение также включает в себя различные способы выражения их отношения к политике и интеракции с другими людьми и группами. Политическая сфера общества, понимаемая как постоянный процесс определения общественного решения относительно управления общим благом, протекающий в пространствах политических институтов, общественного мнения, деятельности общественных, политических и социальных движений, в культурной и экономической повседневности, включает в себя индивидов и закрепляет множество форм человеческой деятельности в рамках политического поведения [7, с. 343].

Вопрос, возникающий относительно структуры политического поведения, кроется в мотивах, побуждающих человека или группу принимать политическое участие.

Мотивы политического поведения классифицировал Дэвид Макклелланд: власть, достижение, аффилиация [6].

1. Власть не только в политике, но и в семье, на производстве и иных сферах. Причины такого мотива — господство над другими, чтобы никто над индивидом не главенствовал, а также добился успеха в политике.

2. Достижение связано с самосовершенствованием, повышением уровня мастерства и достижением цели с максимальным эффектом.

3. Аффилиация — мотив, который личность предпочтет для достижения комфортных отношений с другими (переговоры), а также создаст эффект сплоченности в политических организациях.

Политическое поведение можно подразделить на политическое участие и абсентеизм, то есть уклонение от какого-либо политического участия. По мнению М. Р. Холмской, наиболее обширную теоретическую основу для изучения проблемы политического участия представляют исследования западных политологов и социологов, включая американских специалистов [13].

В общих чертах политическое участие можно охарактеризовать как действия одного лица или коллектива с целью влияния на власть на любом уровне. Определение, предложенное Л. С. Санистебаном, звучит следующим образом: «Под политическим участием понимается участие граждан в формировании органов власти, в признании легитимности власти, в формировании проводимой правящей группой политики и в контроле за ее осуществлением» [11, с. 97].

В рамках политической науки существуют различные подходы к описанию и концептуализации политического поведения, которое зависит не только от актуальных общественных, политических и социальных условий, не только от культурных норм и правил данной политической культуры, но и от мотивов и ценностей, мировоззренческих позиций человека. Политическое поведение может принимать различные виды и формы — модели и формы политического участия, политического действия также многогранны.

В настоящей работе был сделан упор именно на протестных формах политического участия молодежи Санкт-Петербурга. Согласно Н. П. Поливаевой, существенная часть населения России в 90-е характеризуется низкой активностью в политической сфере, вызванной долговременным формированием включенности граждан России в политические организации и процессы, что приводит к формированию конформистского типа личности [10]. Хотя в литературе, посвященной активности молодежи в политической жизни общества, отмечается проявление различных тенденций в молодежной среде. Некоторые молодые люди и девушки стремятся объединиться и решать свои проблемы через активное участие в протестных акциях. В то же время, другая часть молодежи активно включается в политическую деятельность, стремясь представлять свои интересы и принимать участие в выборах [3]. Также более 10 лет назад авторы Л. С. Пастухова и И. Н. Кольжанова отметили рост молодежной активности в политической сфере [9, 5].

Исследование нашего времени фокусируется на протестной деятельности молодежи, показывая, что такая группа населения готова активно принимать участие в политическом процессе. Представленные и описанные в настоящей работе протестные акции носят политический характер не только в силу своей вербализованной повестки, но и поскольку содержат в себе акт и высказывание несогласия, которые структурируют политического субъекта.

Материалы и методы

В настоящей работе представлены результаты исследования политического участия молодежи на примере протестных акций в Санкт-Петербурге с 2021 по 2022 г. Ме-

тодом исследовательской стратегии был выбран контент-анализ, позволяющий эффективно оценить содержание, проблематику и характеристику изучаемых протестных акций. При использовании данного метода в настоящей работе было описано и выявлено количество протестных событий, актором и участником которых являлись молодежные движения в Санкт-Петербурге в 2021 и 2022 гг. Контент-анализ проводился путем мониторинга анонсов политических протестных акций в новостных изданиях и социальных сетях, включая группы социальной сети «ВКонтакте», а также публикации в Telegram-каналах.

Соответственно, автору потребовалось провести исследование на данную тему с использованием существующего набора данных: мониторинг через указанные выше источники позволил выявить количество протестных акций в Санкт-Петербурге. Выборка была определена как представители молодежи от 14 до 35 лет. Период исследования, как было указано выше, включает в себя период 2021 и 2022 гг.: в данной работе автор проследил за тематикой протестных акций, а также за изменением данных показателей в соответствии с меняющимися событиями и новостной повесткой в мире за данный период. Приведение в настоящей работе результатов эмпирического исследования — опросов участников, описаний движений, протестных акций необходимо, поскольку составляют ключевую часть работы. В результате обзора информации о протестных акциях в период 2021–2022 гг. было отобрано 161 протестное событие, в которых принимали участие молодежные движения. Метод контент-анализа позволяет систематизировать данные протестные акции, а также, благодаря опросу участников акций, описать и проанализировать содержание и формы политического участия. Данные исследования приведены в таблицах далее.

Информационные ресурсы

Для получения информации о протестных акциях в Санкт-Петербурге были использованы материалы СМИ, основными источниками которых были следующие издания (а также принадлежащие им группы в социальной сети «ВКонтакте» и Telegram-каналы): «Фонтанка.ру», «ЗАКС.ру», «Sota.vision»¹, «Mash на Мойке», «MR7.ru», «МК в Питере», «ТАСС», «Петербургское «яблоко», «Молодежное Яблоко», «ЛКСМ РФ Ленинград», «Движение «Весна»², «ЛПР Петербург», «Молодой Петербург», «РСД — Российское социалистическое движение»^{*}, «Другая Россия Э. В. Лимонова». Использовались запросы: «акция», «пикет», «митинг» и «протест» для поиска соответствующей информации. Среди найденных материалов отбирались те, что отвечали требованию выборки, а именно содержали информацию об участии в акциях протеста молодежных организаций, движений и молодежи. Отобранные материалы прочитывались, и в соответствующую базу данных заносились краткие сведения: организатор, тематика протеста, форма политического участия, количество акций. В ходе исследования выявлено и проанализировано 161 протестное событие, где участвовали молодежные движения и молодежь. В 2021 г. было проведено 96 протестных акций, в 2022 г. — 65.

¹ * Здесь и далее внесены Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

² ** Здесь и далее внесено в реестр незарегистрированных общественных объединений, а также организаций, выполняющих функции иностранного агента, а также внесено в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Результаты

В ходе исследования выявлено и проанализировано 96 протестных события за 2021 г., в которых участвовали молодежные движения и молодежь.

В 2021 г. в Санкт-Петербурге в протестной деятельности принимали участие следующие движения и политические партии: Санкт-Петербургский «Штаб Навального»**, «Либертарианская партия России», движение «Весна»**, движение «Чайный клуб», «Левый Блок — Ленинград», «РСД»*, «РКРП», «РКСМ (б)», незарегистрированная политическая партия «Другая Россия Э.В. Лимонова», «Молодой Петербург», независимый студенческий профсоюз «Дискурс», движение «Психоактивно», Общественный Союз Возрождения России (ОСВР)*, а также такие молодежные крылья политических партий, как «ЛКСМ», «Молодежное яблоко» и прочие активисты, не принадлежащие к данным движениям.

Формы политического участия различны: одиночное пикетирование, несанкционированное массовое пикетирование, несанкционированное шествие, несанкционированный митинг, несанкционированная акция/флешмоб, инсталляция, проведение собраний, а также раздача листовок.

Тематика публичных протестных мероприятий, где участвовала молодежь в Санкт-Петербурге в 2021 г. многообразна. От поддержки крупных политических фигур и требований их отпустить из-под ареста до требований обратить внимание на локальный ремонт дорожного полотна в городе. Более подробно представлено в табл. 1–9.

Таблица 1

Участник Молодежное демократическое движение «Весна», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.**

Table 1. Participant The Youth Democratic Movement “Vesna”**, the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Освобождение политических активистов из-под ареста	Одиночные пикетирования	1
Против планируемой блокировки социальной сети «Twitter» в России	Несанкционированное шествие	1
В поддержку бара, закрывшегося из-за несоблюдения санитарных норм	Одиночные пикетирования	1
Против объявления иностранным агентом «Телеканала Дождь»*	Одиночные пикетирования	1

Таблица 2

Участник «Молодежное яблоко», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.

Table 2. Participant The “Youth Apple”, the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Критика деятельности органов исполнительной власти касательно запретов на проведение политических публичных мероприятий	Размещение плаката на столбе	1
Против застройки сквера в Кузнечном переулке	Одиночное пикетирование	1

Тематика	Форма	Количество
В поддержку белорусской спортсменки, эмигрировавшей в Токио	Одиночное пикетирование	1
Против коррупции	Флешмоб	1
В поддержку видеоблогера, обвиняемого в оправдании терроризма (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ)	Одиночное пикетирование	1
В поддержку режиссера Александра Сокурова	Одиночное пикетирование	1
Критика высказываний известного ведущего	Инсталляция	1
Поддержка белорусской оппозиции	Размещение баннера на железнодорожном путепроводе	1
Поддержка редакторов студенческого интернет-журнала	Одиночные пикетирования	1
Акция, осуждающая предвыборные политические технологии	Флешмоб	1

Таблица 3

Участник «Ленинский коммунистический союз молодежи», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.

Table 3. Participant The "Lenin's Communist Youth Union", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Против переименования улиц в городе	Одиночные пикетирования	1
Неудовлетворительное состояние и развитие космической отрасли в РФ	Одиночные пикетирования, раздача информационных материалов	1
Против незаконной торговли, рекламы запрещенных веществ, повышения тарифов на проезд в общественном транспорте. Требование качественной уборки улиц и отходов	Одиночные пикетирования	2
Против ограничения свободы в интернете, закона о просветительской деятельности, инициативы об убийстве животных в приютах	Одиночные пикетирования	1
Против поднятия пенсионного возраста	Размещение информационных материалов	1
Против введения QR-кода и вакцинации как меры, ограничивающей распространение COVID-19	Одиночные пикетирования	4
Информирование об актуальных проблемах района Санкт-Петербурга и программа по их решению	Раздача информационных материалов	1
Сохранение здания бывшего кинотеатра «Москва»	Одиночные пикетирования	1

Тематика	Форма	Количество
Против проведения многодневного голосования на выборах	Одиночные пикетирования	1
За сохранение здания и создания в нем музея М. Ю. Лермонтова	Одиночные пикетирования	2
Против нарушений на прошедших выборах с 17 по 19 сентября 2021 г.	Флешмоб	1
Против задержаний в отношении активистов общественных организаций, которые выступали против нарушений на прошедших выборах с 17 по 19 сентября 2021 г.	Одиночные пикетирования	1
Против признания СМИ иностранными агентами	Одиночные пикетирования	1
Освобождение политических активистов из-под ареста	Одиночные, массовые пикетирования	3

Таблица 4

Участник «Левый блок», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.

Table 4. Participant The "Left Bloc", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Солидарность с арестованным на месяц московским активистом	Одиночные пикетирования	1
Поддержка испанского репера	Одиночные пикетирования	1
Солидарность с уволенными работниками московского метрополитена	Одиночные пикетирования, распространение информационных материалов	2
В поддержку уволенного сотрудника из сервиса доставки	Одиночные пикетирования	1
Освобождение политических активистов из-под ареста	Одиночные пикетирования	1

Таблица 5

Участник «Российское социалистическое движение»*, тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.

Table 5. Participant The "The Russian Socialist Movement"*, the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Против выставления на торги дворцов Шуваловского парка и последующей их передачи в частную собственность	Одиночные пикетирования, распространение информационных материалов, проведение экскурсий	3
Поддержка редакторов студенческого интернет-журнала	Одиночные пикетирования	1

Тематика	Форма	Количество
Против незаконной торговли	Флешмоб	1
Борьба за равные права женщин и эмансипацию, а также требования введения закона о домашнем насилии	Несанкционированное шествие, одиночные пикетирования	1

Таблица 6

Участник «Молодой Петербург», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.

Table 6. Participant The "Young Petersburg", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Неудовлетворительное состояние дорожного полотна в городе	Флешмоб	3
Неудовлетворительная уборка отходов	Флешмоб	1
Неудовлетворительная чистка ливневой канализации	Флешмоб, одиночное пикетирование	2
Неудовлетворительное состояние станций метро	Флешмоб	1
Акция, осуждающая предвыборные политические технологии	Флешмоб	1
Против нарушений на прошедших выборах с 17 по 19 сентября 2021 г.	Флешмоб	1
Неудовлетворительная уборка снега	Флешмоб	1
Неудовлетворительное состояние подземных коммуникаций	Флешмоб	1
Требование комплексного благоустройства районов	Флешмоб	1
Медленное строительство станций метро	Одиночные пикетирования	1
В поддержку художницы-активистки	Одиночные пикетирования	1

Таблица 7

Участник «Санкт-Петербургский Штаб Навального» и его сторонники, тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.**

Table 7. Participant The "Navalny's St. Petersburg Headquarters", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Поддержка политика А. Навального** в связи с его возвращением в Россию и против его ареста	Несанкционированное шествие, массовые пикетирования, одиночные пикетирования	2
Требование оказать медицинскую помощь политику А. Навальному** в СИЗО	Несанкционированное шествие, одиночные и массовые пикетирования	1

Тематика	Форма	Количество
В поддержку «ФБК»**	Одиночные пикетирования	1
Агитирование голосовать против партии «Единая Россия» на выборах 19 сентября 2021 г.	Одиночные пикетирования	1

Таблица 8

Участник «Другая Россия Э.В. Лимонова», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2021 г.

Table 8. Participant The "The Other Russia by E.V. Limonov", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2021

Тематика	Форма	Количество
Поддержка испанского репера	Массовое пикетирование	1
Защита русскоязычного населения за рубежом	Размещение плаката на фасаде здания, флешмоб	2
Освещение информации о показателях смертности от коронавирусной инфекции COVID-19	Распространение информационных материалов	2
Против решения Минюста отказать в регистрации партии «Другая Россия Э.В. Лимонова»	Флешмоб	1
Требование провести выборы в депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга без правонарушений	Распространение информационных материалов, одиночное пикетирование	2
Против административного ареста однопартийцев в Екатерининбурге	Флешмоб, одиночные пикетирования	1
Солидарность с заключенными, которые отбывают тюремный срок в Чехии	Размещение баннера на фасаде здания	1

Таблица 9

Соучастники, тематика совместных протестных мероприятий, форма политического участия и количество акций в 2021 г.

Table 9. Accomplices, the theme of joint protest events, the form of political participation and the number of actions in 2021

Соучастники	Тематика протеста	Форма	Количество
«Весна»**, «ЛПР», «Чайный клуб», «Молодежное Яблоко», «Молодой Петербург», «Штаб Навального»**	Акция памяти политика Бориса Немцова	Возложение цветов	1
«Молодежное яблоко», прочие активисты	Освобождение политических активистов из-под ареста	Одиночные пикетирования	6
«ЛКСМ», политическая партия «КПРФ», независимый студенческий профсоюз «Дискурс»	За сохранение и против слияния Санкт-Петербургского национального исследовательского Академического университета имени Ж. И. Алфёрова	Одиночные пикетирования	2

Соучастники	Тематика протеста	Форма	Количество
	Российской академии наук и Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого		
«Левый блок», «РКРП»	За равные права женщин	Одиночные пикетирования	1
Левый блок», «РКСМ (б)»	В поддержку уволенного рабочего костромского филиала компании «Святой источник»	Одиночные пикетирования	1
«КПРФ», «РСД»*	В поддержку социализма	Несанкционированный митинг	1

Обратим внимание и на прочие движения, проводившие публичные мероприятия. К примеру, «ОСБР»* проводили одиночные пикетирования против вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19, выражали поддержку задержанного в Самаре журналиста, а также недоверие к выборам 19 сентября 2021 г. Движение «Психо-активно» выразило поддержку людям с нейроразличиями. Активисты феминистского движения предложили альтернативные названия станций метро, а также провели пикетирования против гендерного насилия в рамках международной кампании. Политическая партия «Новые люди» предложила преобразовать стадион «Петровский» в общественное пространство, состоящее из музея ФК «Зенит» и открытых спортивных площадок.

В ходе исследования выявлено и проанализировано 65 протестных событий за 2022 г., в которых участвовали молодежные движения и молодежь.

В 2022 г. в Санкт-Петербурге в протестной деятельности принимали участие следующие общественные и политические движения: «РСД»*, «РКРП», «РКСМ(б)», «Левый блок», ЛКСМ, Молодой Петербург, незарегистрированная партия «Другая Россия Э.В. Лимонова», «Молодежное яблоко», движение «Весна»** и прочие активисты, не принадлежащие к каким-либо движениям, но проявившие инициативу в политическом участии.

Тематика публичных протестных мероприятий, где участвовала молодежь в Санкт-Петербурге в 2022 г., также различна, но многообразие ее несколько изменилось. Более подробно представлено в табл. 10–17.

Таблица 10

**Участник «Ленинский коммунистический союз молодежи»,
тематика протестных мероприятий, форма политического участия,
количество акций в 2022 г.**

Table 10. Participant The “Lenin’s Communist Youth Union”, the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
Привлечение внимания общественности к неудовлетворительной уборке улиц	Одиночные пикетирования	2
Против введения QR-кодов как меры, ограничивающей распространение коронавирусной инфекции COVID-19	Одиночное пикетирование	1

Тематика	Форма	Количество
Требование восстановить здание «Красный треугольник»	Одиночные пикетирования	1
Против действий руководства компании доставки, поддержка лидера профсоюза «Курьер»	Одиночные пикетирования	1
За сохранение здания и создания в нем музея М. Ю. Лермонтова	Одиночное пикетирование	1
Против строительных работ компании «ЛСР» и создания северного намыва	Распространение информационных материалов	1
В поддержку протестующих в Казахстане	Одиночные пикетирования	1

Таблица 11

Участник «Молодой Петербург», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2022 г.

Table 11. Participant The "Young Petersburg", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
Привлечение внимания общественности к проблеме уборки отходов	Флешмоб	1
Привлечение внимания общественности к неудовлетворительной уборке улиц	Флешмоб	1
Против повышения тарифов на ЗСД	Одиночные пикетирования	1
Неудовлетворительное состояние дорожного полотна	Флешмоб	1
Неудовлетворительная оценка деятельности органов исполнительной власти	Флешмоб, одиночное пикетирование	4
Привлечение внимания к новости о законопроекте по повышению заработной платы госслужащих	Флешмоб	1
Неудовлетворительное состояние зданий	Организация фотовыставки	1
Привлечение внимания к недостроенной средней общеобразовательной школе	Одиночное пикетирование	1
Против проекта закона Санкт-Петербурга: «О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга по вопросам комплексного развития территорий в Санкт-Петербурге»	Флешмоб	1

Участник «Другая Россия Э. В. Лимонова», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2022 г.

Table 12. Participant The "The Other Russia by E. V. Limonov", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
В поддержку московских активистов движения, арестованных после акции в защиту русскоязычного населения Казахстана	Одиночные пикетирования, размещение баннера на мосту	2
Против русофобии в Польше	Разворачивание баннера	1
Требование кредитной амнистии россиянам-участникам СВО	Несанкционированное шествие	1
Против проекта закона Санкт-Петербурга: «О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга по вопросам комплексного развития территорий в Санкт-Петербурге»	Размещение баннера на мосту	1
В поддержку активистов, поддерживающих СВО за рубежом и требование освободить их	Одиночные пикетирования, разворачивание баннера	2
Поддержка СВО	Размещение баннера	1
Требование аннулировать договор аренды здания с тем, кто не поддерживает СВО	Разворачивание баннера	1

Таблица 13

Участник Молодежное демократическое движение «Весна», тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2022 г.**

Table 13. Participant The Youth Democratic Movement "Vesna"**, the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
Против проведения специальной военной операции на территории Украины	Одиночное пикетирование, несанкционированный митинг, размещение баннера на фасаде здания	6
Против проведения частичной мобилизации	Несанкционированный митинг	1

Таблица 14

Участник «Молодежное яблоко, тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2022 г.

Table 14. Participant The "Youth Apple", the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
Привлечение внимания общественности к высокой заболеваемости коронавирусной инфекцией COVID-19, а также неудовлетворительная уборка улиц	Флешмоб	1
Против проведения специальной военной операции на территории Украины	Одиночное пикетирование	1

Таблица 15

Участник «Российское социалистическое движение»*, тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2022 г.
 Table 15. Participant The "The Russian Socialist Movement"*, the theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
Против начала проведения специальной военной операции на территории Украины	Одиночные пикетирования	1
В поддержку протестующих в Казахстане	Одиночные пикетирования	1

Таблица 16

Прочие активисты, не принадлежащие ни к каким движениям, тематика протестных мероприятий, форма политического участия, количество акций в 2022 г.
 Table 16. Other activists who do not belong to any movements. The theme of protest events, the form of political participation, the number of actions in 2022

Тематика	Форма	Количество
Освобождение политических активистов из-под ареста	Одиночное пикетирование	4
Против пропаганды на ТВ	Флешмоб	1
Против проведения специальной военной операции на территории Украины	Одиночные пикетирования, флешмоб, несанкционированный митинг, размещение баннера на мосту	14
Привлечение внимания к проблеме уборки отходов	Флешмоб	1
Борьба против всех видов насилия	Возложение цветов	1
Против решения Верховного Суда по ликвидации правозащитного центра	Одиночное пикетирование	1
Против проведения специальной военной операции на территории Украины	Флешмоб	2

Таблица 17

Соучастники, тематика совместных протестных мероприятий, форма политического участия и количество акций в 2022 г.

Table 17. Accomplices, the theme of joint protest events, the form of political participation and the number of actions in 2022

Соучастники	Тематика протеста	Форма	Количество
«РКРП», «РКСМ(б)» и «Левый блок»	В поддержку протестующих в Казахстане	Одиночные пикетирования	1

Обсуждение

В ходе исследования выявлено и проанализировано 161 протестное событие, в которых участвовали молодежные движения и молодежь. В 2021 г. было проведено 96 протестных акций, в 2022 г. — 65.

Исходя из результатов исследования, наибольшую активность в 2021 г. провело молодежное крыло политической партии «КПРФ», а именно Ленинский Коммунистический союз молодежи (ЛКСМ). Об этом говорит как многообразие политических акций, так и количество проведенных акций. Тематика протестных акций охватывает не только политические сферы касательно проведения и итогов выборов в 2021 г., но и городские и бытовые проблемы населения.

Следующим по многообразию и активности проведения политических протестных акций проявило себя молодежное крыло политической партии «Яблоко» — «Молодежное яблоко». Активисты данной организации наиболее оппозиционно настроены против действующей власти. Принимали участие в протестных акциях в поддержку политика А. Навального**, когда Симоновский суд Москвы принял решение о замене условного срока по делу «Ив Роше» на реальный в 2021 г., а также поддерживали иных фигурантов уголовных дел. Стоит отметить, что акции протеста «Штаба Навального**» поддерживали такие движения, как незарегистрированная «Либертарианская партия России», «РСД»*, «Левый блок». Несмотря на малое количество организованных мероприятий, данные протестные акции были наиболее массовыми за историю современной России. По разным источникам 23 января 2021 г. в протестной акции приняли участие около 8 тыс. чел. [19]. 31 января 2021 г. СМИ сообщают, что на протест вышло не менее 7 тыс. чел. [20]. По данным пресс-службы ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в акции протеста приняло участие около 4,5 тыс. чел. [18]. Следует отметить, что официальные источники склонны недооценивать количество участников, в то время как протестующие или «независимые медиа» часто преувеличивают его.

Следующую строчку по активной политической деятельности занимает движение «Молодой Петербург», акции которого направлены в основном на неудовлетворительную работу коммунальных служб, управляющих компаний. Основная форма политического участия — это флешмобы.

Также активную позицию занимает и движение «Другая партия России Э.В. Лимонова», готовое на более радикальные политические акции по примеру размещения баннеров на фасаде зданий.

Тематика протестных акций, как и их количество в 2022 г. по сравнению с 2021 г., несколько сократилась. По-прежнему поводами для них стали поддержка арестованных политических активистов, неудовлетворительная работа коммунальных служб в городе, обязанностью которых является уборка улиц, а также привлечение внимания общественности к высокой заболеваемости коронавирусной инфекцией COVID-19. Однако основной протестной повесткой стало проведение специальной военной операции на территории Украины и, как следствие, проведение частичной мобилизации в России. Основными противниками среди молодежных движений и организатором протестных акций стало Движение «Весна»**, которое проводило несанкционированные митинги и шествия, подталкивая общество, в частности молодых людей, на нарушение законов РФ и подвергая их опасности. Молодежь, не принадлежащая ни к каким протестным движениям, стала выходить на одиночные пикетирования для выражения гражданской позиции.

В тройку лидеров, как и в прошлом году по различным тематикам протестных акций, вошли движение «Молодой Петербург», а также Ленинский коммунистический союз молодежи. Активисты сосредоточены на привлечении внимания к городским проблемам, в том числе уборка мусора, содержание улиц и зданий, защита прав рабочих. Добавились темы, касающиеся отмены проекта закона Санкт-Петербурга: «О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга по вопросам комплексного развития территорий в Санкт-Петербурге» (далее — КРТ). Фокус поддержки протестующих в Беларуси сменился на поддержку протестующих в Казахстане. К ним же добавилось движение «Другая Россия Э.В. Лимонова», которое

активизировало свою работу на фоне проведения СВО, а именно: требование мер поддержки для мобилизованных и защиты тех, кто поддерживает СВО за рубежом. Основной формой политического участия в 2022 г. являлось проведение несанкционированных митингов и шествий, а также одиночных пикетирований и флеш-мобов, представляющих собой проведение креативных акций и распространением информации о ней в сети интернет для привлечения внимания аудитории. Стоит отметить, что наиболее благоприятной площадкой для стимулирования внеинституциональной политизации молодежи являются социальные сети [2]. Также одной из популярных форм является распространение листовок.

Для снижения протестного настроения среди молодежи предлагается проведение встреч, собраний с представителями Правительства Санкт-Петербурга и представителями молодежи, у которых возникли проблемные вопросы. На сегодняшний день есть положительные примеры данных методов. Бывшие работники, обанкротившегося АО «Метрострой», требовали перевести им положенные выплаты, а также привлечение внимания органов исполнительной власти Санкт-Петербурга к данному вопросу. В декабре 2019 г. в Петербурге работники ОАО «Метрострой» провели митинг с требованием выплатить им заработную плату. Организатором акции выступили Российская коммунистическая рабочая партия «РКРП» и Революционный коммунистический союз молодежи «РКСМ(б)». В итоге была проведена встреча с вице-губернатором Санкт-Петербурга. Петербург и ВТБ создали новую компанию «Метрострой Северной столицы» (далее — МССС). МССС получил статус единственного поставщика. Работники бывшего «Метростроя» перешли в новую структуру, и работы возобновились.

Второй пример связан с обманутыми дольщиками ЖК «На Заречной» и «Три Апельсина». В 2020 г. дольщики проводили одиночные пикетирования, потребовав от властей содействия в строительстве. В частности, скорейшего подписания договора с инвестором, так как в 2019 г. компания-застройщик объявила о нехватке денег и невозможности завершить объект. В 2020 г. во время одиночного пикетирования заместитель председателя комитета по строительству поговорил с дольщиками и рассказал о подписании договора об условиях достройки проблемных объектов привлеченным инвестором, после чего акция была завершена. Однако из-за бюрократических процедур дольщики объявили «голодовку», поставив трейлер у проблемных объектов. Губернатор Санкт-Петербурга приехал к активистам лично и заявил, что решение найдено, назвал сроки достройки проблемных домов, так как город нашел новых подрядчиков. Активисты завершили акцию, а в дальнейшем новый застройщик завершил работы, и дольщики получили ключи от квартир.

Третий пример связан с законом Санкт-Петербурга «О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга по вопросам комплексного развития территорий в Санкт-Петербурге», предполагающий возможность расселения дома при согласии 2/3 собственников (квалифицированное большинство). Сам закон был принят в связи с тем, что существует федеральный закон, обязывающий проводить «реновацию» в регионах. В программу КРТ могут быть приняты дома первых массовых серий. По реестру определяются как дома постройки 1957–1970 г., категории «панельные хрущевки». Возникли противники закона, поэтому на него был наложен мораторий, создан общественный штаб по КРТ при Законодательном собрании Санкт-Петербурга. Штаб проводит общественные собрания с жителями районов, заслушивает их требования, чтобы внести корректировки в закон. После чего Законодательное собрание Санкт-Петербурга совместно с Общественным штабом по КРТ начали подготавливать поправки к закону, чтобы внести инициативу в Государственную Думу РФ об изменении федерального законодательства.

Заключение

Таким образом, на основе полученных данных можно заметить, что в связи с меняющейся политической обстановкой тематика протестных акций изменяется. В 2022 г. основной причиной для выхода на улицы стало начало специальной военной операции. В связи с этим организаторы протестных акций привлекали к участию в незаконных мероприятиях, в том числе молодежь.

Стоит отметить, что массовые протестные акции охватывают большое количество молодежи. Большинство из них — это люди, которые еще не определились в своих жизненных целях и легко поддаются провокациям и агитации, исходящим от организаций, которые стремятся дестабилизировать политическую ситуацию в стране. Необходимо отметить, что такие организации часто получают финансовую поддержку из-за границы.

Иными словами, эта группа только в начале своей политической социализации. Под «политической социализацией» понимается процесс формирования подлинно социализированной личности, умеющей отстаивать свои социально-политические интересы и права, обладающей развитым политическим сознанием, активно участвующей в общественной жизни [1].

Несомненно, работа со стороны органов исполнительной власти проводится, например, привлечение молодежи к участию в мероприятиях по патриотическому воспитанию, поддержка семейных ценностей, организация физкультурно-массовых мероприятий, волонтерство и пропаганда духовно-нравственных ценностей.

Однако стоит обратить внимание на ту часть молодежи, которая участвует в незаконных протестных действиях и нарушает законы Российской Федерации. Важно сосредоточиться на профилактической работе с этой группой молодых людей. Путем вовлечения их в общественную деятельность, которая будет развивать их как личности и способствовать прогрессу в различных сферах жизни, можно только укрепить суверенитет страны. Такой вывод согласуется с ключевыми тезисами политической философии Ш. Муфф, т.е. находится в рамках идеи достижения агонистической модели общественной политической жизни, где политический протест составляет неотъемлемую часть политического процесса.

Для снижения протестного настроения предлагается вести прямой диалог с молодежью посредством создания общественных штабов по проблемным вопросам и, как следствие, проведение общественных собраний, встреч, семинаров для их обсуждения и в дальнейшем внесения корректировок при необходимости в законодательные акты, способствующие решению вопросов жителей и снижению количества протестных акций.

Литература

1. *Ануфриев Е. А.* Политическая социализация личности как проблема современной политологии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 34.
2. *Векшин В. О.* Актуальность внеинституциональных способов политизации молодежи // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 158–166. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-12-158-166
3. *Гаврилова И. Н.* Проблемы политической социализации молодежи России: (По итогам социологических исследований молодежи 1991–1993 гг.) // Молодежь России: 90-е годы. М., 1995.
4. *Давыдов Д. А.* Динамика массовых протестных акций в современной России: событийный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 72–93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2199>
5. *Кольжанова И. Н.* Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры : дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 164 с.
6. *Макклелланд Д.* Мотивация человека: монография. СПб. : Питер, 2007. 672 с.

7. Мельник В. А. Политология: учебник. Минск : Выш. шк., 2002. С. 416-429.
8. Парма Р. В., Давыдова М. А., Сушкевич М. А., Копытина Е. А. Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и республике Беларусь 2020–2021 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 69–78. EDN: LGOKTU
9. Пастухова Л. С. Молодежь в обновлении органов законодательной власти: тенденции и перспективы // Власть. 2011. № 8. С. 27–29.
10. Поливаева Н. П. Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 5. С. 40.
11. Санистебан Л. С. Основы политической науки. М. : МП Владан, 1992. 123 с.
12. Северухина Д. Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 1. С. 96–104. EDN: YJUWVN
13. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис (Политические исследования). 1999. № 5. С. 170–176.
14. Downs A. An economic theory of democracy. NY : Harper, 1957.
15. Marsh A. Political Action in Europe and the USA. London : Macmilan, 1990.
16. Mouffe C. On the political. London, NY : Routledge, 2005.
17. Verba S., Nie N. H. Participation in America. NY, 197. P. 336.
18. В несанкционированной акции в центре Петербурга участвуют 4,5 тыс. человек [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11211915/amp> (дата обращения: 13.07.2023).
19. Несогласованное шествие 23 января в Петербурге: онлайн-трансляция [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.mk.ru/amp/politics/2021/01/23/nesoglasovannoe-shestvie-23-yanvarya-v-peterburge-onlayntranslyaciya.html> (дата обращения: 13.07.2023).
20. Александр Шишлов — об акции 31 января в Санкт-Петербурге // Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://upchspb.ru/news/zayavlenie-aleksandra-shishlova-ob-aktsii-31-yanvarya-2021-goda> (дата обращения: 13.07.2023).

Об авторе:

Векшин Владислав Олегович, аспирант факультета государственного и муниципального управления направления подготовки «Политические институты, процессы и технологии» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vekshin_photo@mail.ru

References

1. Anufriev E. A. Political socialization of personality as a problem of modern political science // Bulletin of the Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Ser. 18. Sociology and Political Science. 1997. N 3. P. 34. (In Russ.)
2. Vekshin V. O. The relevance of non-institutional ways of politicizing youth // Administrative consulting. [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 12. P. 158–166. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2023-12-158-166
3. Gavrilova I. N. Problems of political socialization of Russian youth: (Based on the results of sociological studies of youth in 1991-1993) // Youth of Russia: the 90s. Moscow, 1995. (In Russ.)
4. Davydov D. A. Dynamics of mass protest actions in modern Russia: event analysis // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022. N 5. P. 72–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2199>.
5. Kolzhanova I. N. Socio-political youth movements in modern Russia Of Russia: mass, elites, leaders: dissertation ... Candidate of Political Sciences. 23.00.02. Rostov-on-Don, 2006. 164 p.
6. McClelland D. Human motivation: monograph. Saint Petersburg, 2007. 672 p. (In Russ.)
7. Melnik V. A. Political science: textbook. Minsk : Vysh. shk., 2002. P. 416–429. (In Rus)
8. Parma R. V., Davydova M. A., Sushkevich M. A., Kopytina E. A. Social and political actors of mass political protests in the Russian Federation and the Republic of Belarus 2020–2021 // Izvestiya Tula State University [Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta]. Humanities. 2021. N 4. P. 69–78. (In Russ.) EDN: LGOKTU
9. Pastukhova L. S. Youth in the renewal of legislative authorities: trends and prospects. — Power [Vlast']. 2011. N 8. P. 27–29. (In Russ.)

10. Polivaeva N. P. The political consciousness of Russians in the 90s: the state and some development trends // Bulletin of the Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Episode 12. Political science. 1997. N 5. P. 40. (In Russ.)
11. Sanisteban L. S. Fundamentals of political science. Moscow : MP Vladan, 1992. 123 p. (In Russ.)
12. Severukhina D. D. Political behavior and participation. Forms and factors of participation and non-participation in politics // Bulletin of the Udmurt University [Vestnik Udmurtskogo universiteta]. Ser. "Philosophy. Psychology. Pedagogy". 2017. N 1. P. 96–104. (In Russ.) EDN: YJUWVN
13. Kholmskaya M. R. Political participation as an object of research. A review of Russian literature. — Polis (Political Studies) [Polis (Politicheskie issledovaniya)]. 1999. N 5. P. 170–176. (In Russ.)
21. Downs A. An economic theory of democracy. NY : Harper, 1957.
22. Marsh A. Political Action in Europe and the USA. London : Macmilan, 1990.
23. Mouffe C. On the political. London, NY : Routledge, 2005.
24. Verba S., Nie N. H. Participation in America. NY, 197. P. 336.
18. 4.5 thousand people participate in an unauthorized rally in the center of Saint Petersburg // [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11211915/amp> (accessed: 07.13.2023).
19. Uncoordinated march on January 23 in St. Petersburg: online broadcast // MK.ru [Electronic resource]. URL: <https://spb.mk.ru/amp/politics/2021/01/23/nesoglasovannoe-shestvie-23-yanvary-a-v-peterburge-onlayntranslyaciya.html> (accessed: 07.13.2023).
20. Alexander Shishlov — about the action on January 31 in Sabnt Petersburg // Commissioner for Human Rights in Saint Petersburg [Electronic resource]. URL: <https://upchspb.ru/news/zayavlenie-aleksandra-shishlova-ob-aktsii-31-yanvary-a-2021-goda> (accessed: 07.13.2023).

About the author:

Vladislav O. Vekshin, postgraduate student of the Faculty of Public and Municipal Administration, training area "Political Institutions, Processes and Technologies" of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); vekshin_photo@mail.ru

Анализ социологических концепций института наставничества

Виноградов А. Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lu-pen-vinog@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проведен обзор современных исследований наставничества и сделан вывод о том, что с позиций социологии категория наставничества представляется недостаточно исследованной (в этом ключе ей уделяется значительно меньше внимания в научной литературе). Наставничество, изучаемое специалистами в рамках социологических наук, как правило, рассматривалось с позиции концепций структурного функционализма и социального обмена (А. Гоффман; Дж. Аллан; Э. Гардинер и др.). Для социологических концепций института наставничества базовым фактором является категория социализации. Наставничество, наряду с процессами обучения и воспитания, является составляющим компонентом социализации. Практика введения наставничества позволяет констатировать неясность и расплывчатость представлений наставника о себе и своей роли, равно как и образ наставника для его подопечных, что создает препятствия для прививания стандартов наставничества в части его организации и успешной реализации, как на индивидуальном, так и групповом уровнях. Следует констатировать смещение фокуса наставничества с его представления как проводника власти и держателя определенной структуры на его значение в образовании и развитии корпоративной культуры современной организации. Процессы социализации также связаны с механизмами адаптации и мотивации. Если адаптация рассматривается как часть социализационного процесса, то, что касается мотивации, ее роль в социологическом механизме института наставничества является дискуссионной.

Ключевые слова: наставничество, наставник, социологические концепции, социализация, мотивация, адаптация

Для цитирования: Виноградов А. Э. Анализ социологических концепций института наставничества // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 197–208.

Analysis of Sociological Concepts of the Institute of Mentoring

Alexander E. Vinogradov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation, u-pen-vinog@yandex.ru

ABSTRACT

In the article, the author conducted a review of modern research on the stated topic and concluded that from the standpoint of sociology, the category of mentoring seems insufficiently researched (in this vein, it is given much less attention in the scientific literature). Mentoring, studied by specialists within the framework of the sociological sciences, was usually considered from the standpoint of the concepts of structural functionalism and social exchange (A. Goffman; J. Allan; E. Gardiner, etc.). For the sociological concepts of the mentoring institute, the basic factor is the category of socialization. Mentoring, along with the processes of education and upbringing, is an integral component of socialization. The practice of introducing mentoring allows us to state the ambiguity and vagueness of the mentor's ideas about himself and his role, as well as the image of the mentor for his wards, which creates obstacles to instilling standards of mentoring in terms of its organization and successful implementation, both at the individual and group levels. It should be noted that the focus of mentoring has shifted from its representation as a conductor of power

and holder of a certain structure to its importance in the education and development of the corporate culture of a modern organization. The processes of socialization are also related to the mechanisms of adaptation and motivation. If adaptation is considered as part of the socialization process, then, as for motivation, its role in the sociological mechanism of the mentoring institute is debatable.

Keywords: mentoring, mentor, sociological concepts, socialization, motivation, adaptation.

For citation: Vinogradov A. E. Analysis of Sociological Concepts of the Institute of Mentoring // Administrative consulting. 2023. N 3. P. 197–208.

Введение

В настоящий момент феномену наставничества уделяется все большее внимание со стороны психологов, управленцев, исследователей — ученых из различных отраслей научных знаний. Общественные и государственные организации осуществляют разработку соответствующих планов и программ развития с использованием системы наставничества. Например, Указом Президента страны 2023 г. в России объявлен Годом педагога и наставника [17].

Жизнеспособность теорий и эффективность инструментария наставничества определяются исторической обусловленностью данного института, его корнями, уходящими в педагогическую практику. В числе представителей педагогической науки, которые уделяют внимание различным аспектам наставничества, можно отметить таких авторов, как С. Я. Батышев, Н. Н. Булич, С. Г. Вершловский, М. В. Клартин, Н. А. Корф, Ю. В. Кричевский, О. Е. Лебедев, Л. Х. Лесохина, Ю. Л. Львова, А. Р. Масалимова, А. А. Мезенцев, Л. Н. Модзалевский, Н. В. Немова, М. П. Павлюкевич, С. А. Рачинский, Л. В. Семенов, В. А. Сластенин, В. Г. Сухобская, А. А. Сухомлинский, Н. М. Таланчук, Д. И. Тихомиров, К. Д. Ушинский, Е. Н. Фомин, Е. А. Черников и др.

Наставничество так или иначе проистекает из сферы образования и воспитания и, наряду с педагогикой, оно становится предметом исследования психологических и управленческих наук. В сфере теории и практики психологии данному вопросу посвящают свои труды И. С. Гичан, С. Н. Иконникова, Е. М. Павлютенков, Н. М. Таланчук, Л. И. Ходаков, В. М. Шепель и др. В управленческих науках наставничество является предметом исследований таких авторов, как О. А. Абдуллина, Ю. Н. Акимов, Т. Г. Браже, В. С. Бутенко, Н. В. Горшенина, В. В. Державина, В. И. Загвязинский, М. Ф. Зарецкий, И. Ф. Исаев, В. А. Кан-Калик, К. В. Колесниченко, И. В. Крупина, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, В. М. Лизинский, М. А. Литвиненко, А. А. Любар, Л. В. Маслова, С. В. Петроченко, Л. С. Подымова, А. А. Русанова, А. П. Ситник, В. А. Сластенин, Е. В. Соколова, И. И. Фаляхов, А. В. Шапиева, Е. А. Югфельд, Т. В. Яковенко и др.

Отметим, что специалисты психологии сделали более разносторонним понимание наставнической системы, определив, что целенаправленная коммуникация и социальное взаимодействие людей имеет большое значение в формировании и развитии познания личности [4, 35], соединив при этом значимость консультационного способа и результативности обучающего процесса [29].

Исследование наставничества в научной сфере имеет несколько направлений:

- формирование концепции, изучение содержания и форм наставничества в научной области деятельности, роль и потенциал наставничества в практической деятельности в сферах образования и науки (А. Byars-Winston, M. L. Dahlberg, Л. А. Кочемасова, Д. Ю. Большаков, О. Н. Мамонова, О. В. Юрченко);
- изучение влияния наставничества на продуктивность работы обучающихся (R. Malmgren, J. Ottino, L. Nunes Amaral, Y. Ma, S. Mukherjee, B. Uzzi);

- применение наставничества в научном руководстве аспирантами (А. В. Григорьева, Е. А. Терентьев);
- его рассмотрение в качестве необходимого компонента аспирантуры и значимого обучающего фактора научной молодежи (Н. Г. Малошенок, Е. В. Биричева, З. А. Фаттахова, И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, Н. Н. Королева);
- изучение роли и значение наставничества в подготовке специалистов (А. В. Ярашева, Е. В. Аксенова);
- этическое наполнение наставничества в научной и академической деятельности (А. В. Прокофьев);
- стимулирующее воздействие наставничества в научно-исследовательской деятельности обучающихся вузов (Н. Н. Антонова, А. А. Артемьева);
- использование инструментов наставничества представителями научных династий (Д. П. Исаев).

Зарубежные эксперты выделяют позитивные стороны наставничества, а именно, предоставление поддержки в трудовой деятельности, психологической помощи в адаптации на новом месте (D. Clutterbuck, D. Megginson, E. Parsloe) [2]; передача умений, опыта, знаний от управленцев сотрудникам (L. Ray); развитие профессиональных компетенций, помощь в социальном и нравственном развитии, адаптация в новой сфере жизнедеятельности (D. R. Clasen, R. E. Clasen, J. Freeman, F. A. Kaufman, R. F. Subotnik, E. P. Torrance, R. Zorman и др.) [24, 30, 33, 36, 39].

В современной российской науке принято говорить о наставничестве как о междисциплинарном объекте исследования (психология, педагогика, науки управленческого цикла, правовые дисциплины), однако, в силу исторически сложившихся канонов, наблюдается педагогический крен в рассмотрении этого вопроса. С позиции социологии феномен наставничества представляется недостаточно исследованным, по крайней мере, внимание в этом ключе ей уделяется значительно меньше, а перечень авторов и их работ по этой теме значительно уступает количеству научных исследований из области педагогики, психологии и управления. Отсюда проистекает исследовательская попытка проанализировать имеющиеся социологические концепции, посвященные институту наставничества.

Материалы и методы

В процессе изучения подходов к наставничеству как объекту социологических исследований были применены общелогические и частнонаучные методы исследования, такие как анализ и синтез, ретроспективный метод, методы сравнения, обобщения и систематизации.

Результаты

Наставничество можно рассматривать в качестве социального института, такого, каким видят социальный институт в его традиционном представлении ученые М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс [3, 8, 16]. С их точки зрения социальный институт представляет собой модель организации индивидов, объединяющих свои усилия для достижения общих целей, удовлетворения собственных нужд и потребностей. Социальный институт здесь выступает в качестве значимого инструмента реализации возможностей и как фактор стабилизации межличностных отношений в социуме.

Продолжая обозначенный вектор, наставничество определяется в качестве системы отношений, сформировавшейся исторически, ставшей стабильной в силу закрепления его правовыми и моральными нормами в вопросах социального воспроизводства человеческой деятельности. А. Т. Гаспарихвили и О. В. Крухмалева

считают, что наставничество — «институт, обеспечивающий процесс преемственности культуры, норм, ценностей, навыков и умений путем передачи профессионального опыта» [6, с. 110].

Функциональное назначение наставничества состоит в инспирировании обучающихся и воспитательных процессов с целью обеспечить успешную адаптацию и социализацию, а также поддержать предполагаемую социальную мобильность. В настоящее время становится нормой вертикальная и горизонтальная мобильность работника в плане изменения его возможностей и навыков. Значительно выросла и потребность в такой мобильности [13, с. 21–26]. Жизненный уклад, когда человек однажды выучился какой-либо специальности и пребывает с ней неизменно в течение оставшейся жизни, уходит в прошлое: от личности постоянно требуется освоение нового, переобучение, повышение квалификации в условиях постоянных рыночных трансформаций.

Как известно, образование подразумевает передачу универсальных и профессиональных знаний и умений, а в рамках воспитательного процесса передаются и закрепляются нравственные нормы, различного рода коллективные и культурные ценности. В наставничестве это кристаллизуется в процесс освоения профессиональных навыков, развития мастерства и квалификации, приобретения необходимых профессиональных компетенций. Неслучайно поэтому, когда наставник приравнивается к статусу «воспитатель». Логически такое тождество объективно и правильно. С позиции Р. Бенабу и С. Бенабу подразумевается как минимум три функции наставничества: психосоциальная, политическая и профессиональное становление [23]. Молодым людям, вступающим на профессиональный путь, наставники помогают получить наиболее полное представление о работе предприятия, о возможностях продвижения и развития в профессии в текущих условиях. Для этого используются различные формы наставничества, такие как кураторство, консультации, решение конкретных профессиональных задач.

О значительности наставничества как уникального социального явления говорит объем современной литературы зарубежных авторов. В частности, работы Г. Льюиса [12], Д. Клаттербака [25; 26], Д. Меггинсона, Дж. Максвелла, М. Кларина и других ученых. Они определяют наставничество в качестве системного, организованного процесса, заточенного на разрешение проблемных моментов перехода личности от этапа получения образования к профессиональному становлению. По их мнению, наставничество всегда имеет персональную направленность и является востребованным и актуальным инструментом развития на профессиональном поприще. Заинтересованность и потребность в наставничестве есть и у конкретной личности, и у общества, и учебного заведения, и у организации, и у рынка труда в целом. С точки зрения Г. Льюиса, наставничество в организации представляется определенной системой отношений, охватывающей действия и процессы, в рамках которых происходит содействие одного человека другому в вопросах помощи и поддержки, дачи рекомендаций и советов [12].

Наряду с этим в зарубежном науковедении под наставничеством понимается «деятельность, в ходе которой специалисты в области науки, технологии, инженерии, математики и медицины содействуют развитию следующего поколения специалистов STEM» [37, р. 33]. Это подразумевает, что эффективность и высокие результаты производственной деятельности любого предприятия во многом обусловлены работой с новыми работниками, где особую значимость имеет взаимодействие с молодыми специалистами. За счет наставничества происходит более гибкая и успешная адаптация новичка к новым для него условиям труда, новым коллегам, организации и структуре предприятия, корпоративной культуре и правилам. Наставничество помогает вхождению работника в коммуникационные системы на

разных уровнях. За счет наставничества организуется качественная передача профессиональных навыков и умений.

Обсуждение

Наставничество, изучаемое специалистами в рамках социологических наук, как правило, рассматривалось с позиции концепций структурного функционализма и социального обмена. В последнем случае, эмоциональный обмен субъектов — это составляющая обширного обмена социального характера (модель А. Гоффмана). Различными исследователями наставнику отводятся разные социальные роли: как ведущий работу с неблагополучными наставляемыми [32], проводник по дискурсу, личность, соблюдающая и поддерживающая определенную политику в компании [31].

Исследование базовых основ и закономерностей наставничества довольно активно осуществляется британскими учеными, например, такими как Дж. Хаскин, Л. Крадас, Л. Рай.

С позиции Дж. Хаскина, наставник — это «любой профессионал, чья роль заключается в развитии включенности у его подопечного за пределами классной комнаты» [32, р. 36]. Л. Крадас указывает на значимость наставничества в поддержке определенной политики в условиях какой-либо группы (на предприятии, в обществе в целом) [28]. В своих трудах ученый представляет наставничество в качестве объединения технологии власти (в данной ситуации роль наставника отвечает статусу посредника и проводника организационной воли, противостоящей индивидуализации) и технологии учета общих интересов, многообразия возможностей, развития потенциала личности и равнозначных форм обучения.

По мнению британского эксперта по вопросам подготовительной деятельности в производственных компаниях Л. Рай, «применение наставничества не имеет аналогов в своих преимуществах, ведь выступает значимым и эффективным способом, стимулирующим человеческое развитие» [18, с. 24]. Эксперт репрезентирует наставничество в виде последовательного процесса передачи практических умений и знаний, который четко и телеологически функционирует как инструментарий, включенный во внутреннюю корпоративную политику, и как один из самых ценных и продуктивных элементов успешной организации рабочего процесса.

Интересна позиция Дж. Аллана, который считал, что лежащая в основе наставничества дружба сторон дает им больше доверия, близости, эмоциональной поддержки, подтверждает идентичность личности [22, с. 106]. В дальнейшем идея дружбы была развита Э. Гардинер, которая рассматривала ее как важное условие успешного наставничества (*professional friendship relations*) [31, р. 77]. Одновременно было подмечено, что дружеские отношения тесно связаны со многими факторами социокультурного и экономического характера, что в целом позволяет человеку успешно социализироваться в обществе. Одним словом, дружба — это важный ресурс для эффективного руководства жизненными событиями и для поддержки стабильного эмоционального фона. По мнению Э. Гардинер, такие формы наставнической деятельности, как коучинг и менторство, за счет работы с психикой и эмоциональным интеллектом подопечных, способствуют развитию наставляемых с возможностью осуществления ими социального лифта.

В современных условиях управленческая практика организации основывается на закономерностях и положениях применения наставничества. Об этом, в частности, говорят труды специалистов современного менеджмента предприятия [25]. Однако до сих пор нет однозначного мнения в отношении вопроса соотношения социокультурного развития ученика и целей направленного профессионального развития, задачей которого выступает передача знаний и опыта в конкретной сфере. Отме-

чая отсутствие должного рассмотрения наставничества как феномена культуры, Е. Н. Гринько понимает под ним «формат культурной среды...внебиологического наследования алгоритмов и этических канонов...деятельности, которая воспроизводит, сохраняет и развивает культуру данной социокультурной общности» [7, с. 22]. Наставничество, по мнению исследователя, «инструмент» социализации и инкультурации. Важными функциями наставничества остаются: включение в собственный опыт опыта коллектива, помощь в получении дополнительных знаний, моральная поддержка, помощь в освоении корпоративной культуры, выработка навыков коммуникации. Информация о неформальных управленческих системах передается за счет политической функции (позиции власти), выполняемой наставником. Подобного рода данные применяются в целях указания на то, кто, что и каким образом выполняет рабочие функции на конкретном предприятии. Исследователи Р. Бенабу и С. Бенабу отмечают, что наставляемому дается информация о неформальной составляющей деятельности компании, предоставляются скрытые корпоративные сведения [21]. Как замечают Дж. Уилсон и Н. Элман, задачей наставников является научить своих подопечных «пробираться через тернии политической системы организации, знакомят с влиятельными сетями принятия решений» [38, р. 89]. Ковалекси сообщает: «Наставник должен представить себя ученику в качестве воплощенного символа. Как говорит один наставник, “быть хорошим наставником означает предстать перед своим учеником так, чтобы он смог понять, как следует себя вести, выглядеть должным образом и быть партнером”» [27, р. 298]. По мнению Крама, наставничество вбирает в себя два типа функций: оно выполняет психосоциальную функцию и стимулирует продвижение по карьерной лестнице [19, с. 45].

Специалисты отмечают, что практика внедрения наставничества демонстрирует, насколько представление наставника о себе и своей роли, равно как и образ наставника для его подопечных, является неясным и расплывчатым. Это формирует барьеры для прививания стандартов наставничества в части его организации и успешной реализации, как на индивидуальном, так и групповом уровнях. В. М. Соина указывает, что «правильная организация наставнической деятельности способна оказывать влияние на процесс воспитания молодежи и атмосферу в организации» [21, с. 233].

Фокус изучения наставничества западными специалистами за последние десять лет сместился с его репрезентации как проводника власти и функционирования в качестве определенной структуры на признание его как значительного ресурса в образовании и драйвера развития корпоративной культуры современной организации. На предприятии наставник передает своим подопечным знания о специфике организации, ее корпоративной культуре и ценностях, нормах и правилах поведения и т. п. С позиции исследователя Э. Моррисона эти сведения являются нормативными: «Наставнику удастся эффективно передать культуру организации, что можно оценить по усвоению языка (неформального и технического), свойственного организации, и восприятию ценностей и традиций компании. Официальные каналы коммуникаций действуют слишком медленно и неуклюже, но наставники высокого уровня, близкие к процессу принятия стратегических решений, могут быстро передать своим ученикам суть этих решений, способствуя принятию ценностей компании» [34, р. 558].

В этом контексте практическое применение инструмента наставничества в целях образования и развития корпоративной культуры в отечественных крупных предприятиях промышленного сектора оказывается обусловлено проблемами низкого уровня лояльности работников и устойчивым влиянием прошлой советской рабочей культуры. Это негативно влияет на возможности наставника передавать ценностные ориентиры и установки новой рыночной корпоративной культуры. По мнению

Р.В. Сизоненко, наставничество «применимо для всех сфер профессиональной деятельности, но с разной интенсивностью и успешностью» [20, с. 73]. Наблюдаемый дисбаланс — неадекватное на ценностном уровне отношение к образованию и его применением в практической деятельности — заставляет продвигать институт наставничества «сверху», купируя, тем самым, разрыв между теорией (образованием) и практикой (конкретной работой на предприятии). В условиях рыночных отношений наставник — успешный профессионал.

Еще одно популярное направление в изучении явления наставничества — восприятие его как модели руководства знаниями, возможностями и компетенциями персонала, образующими высокий уровень конкурентоспособности компании в ее рыночном сегменте [19]. Данные способности и компетенции персонала имеют нематериальный характер: это творческие и интеллектуальные активы, личностные способности, профессиональные качества, неявные знания, фокусирующиеся в отношениях работников в процессе их совместной трудовой деятельности. Последнее (неявные знания) выступает обстоятельством, определяющим эффективность передачи нематериальных активов внутри компании и во взаимодействии с другими предприятиями, например, в целях передачи передового организационного и производственного опыта [15].

Логично, что ресурсы и потенциал развития наставничества нуждаются в более детальной проработке и исследовании причин отбора наставнической системы в качестве четкого алгоритма обучения работников, изучения специфического функционала в организации и характерных черт наставничества как такового.

В социологическом ключе понятие «наставничество» следует рассматривать как неотъемлемую часть эффективной социализации личности в современных условиях жизни и профессиональной деятельности. Наставничество выступает результативным инструментом интеграции личности в социальную систему общества. Подобная интерпретация наставничества становится все более популярной. Это обусловлено ростом общественной потребности в специалистах с высокой профессиональной планкой, культурой труда и умениями эффективной интеграции в сообщество.

Наставник, в рамках своей деятельности, реализует обучение, руководство и поддержку [1]. Наставничество — важнейший социальный инструмент, с помощью которого осуществляется обучающий процесс, формируется корпоративная и трудовая культура сотрудников с малым опытом работы [5, с. 21]. До индустриализации наставничество являлось востребованным и распространенным институтом, выполняющим функции подготовки наставляемых к профессиональной деятельности и их социализации в целом. Подразумевалось, что помимо полноценного обучения азам ремесла, наставничество помогает наставляемому усвоить социальные нормы и правила, успешно адаптироваться к существующей социальной среде.

Процесс интеграции в социум является двусторонним, предполагающим наработку человеком социального опыта и его постоянное использование и развитие (включая получение его через наставника) в целях успешной адаптации в социуме, освоения разных социальных ролей [9]. Успешность данного процесса детерминирована включенностью индивида в существующие социальные отношения и уровнем его развития. При этом нельзя отождествлять социализацию и адаптацию: последняя предполагает приспособление к новой среде, к новым условиям жизни и деятельности в определенный отрезок времени. Кроме того, интеграция в социум предполагает влияние личности на социальную среду и социальную группу посредством создания и развития своих связей и коммуникаций, воздействия на поведение участников этой группы, и это логически ведет к изменениям в ней самой.

В контексте социализации наставник выполняет следующие ключевые функции. Функции наставника в контексте социализации.

1. Вхождение наставляемого человека в социальную группу посредством обучающего процесса и иных инструментов и средств.
2. Контролирование отклонений в поведении в рамках процесса наставления.
3. Регулирование единого процесса социализации.
4. Создание образца поведения ведения деятельности в формате этого эталона для подопечного.

Есть разные институты социализации, но самым основным и первым выступает семья и близкие люди, окружающие индивида (родители, старшие члены семьи, наставник в детстве и др.). Иные акторы, способствующие социализации: друзья, одноклассники, одноклассники, педагоги, знакомые по интересам, сослуживцы по армии, СМИ, авторитетные для человека личности и все те, кто каким-либо образом воздействует на социальную интеграцию человека, формирование и развитие его социальных ценностей и норм.

Социализация сопровождает человека всю его жизнь, то есть влияние формальных и неформальных институтов происходит в течение всего периода его жизненного пути [10]. И когда индивид ведет себя недопустимо с точки зрения норм морали или закона, к нему применяются санкции определенного рода. Если речь идет о деятельности наставника — он использует позитивные и негативные санкции (хвалит, порицает, одобряет и т. д.). Однако в этом случае для достижения необходимого эффекта наставник должен обладать значительным авторитетом для наставляемого. Так, в Советском Союзе наставниками становились люди, обладавшие не только высокой профессиональной квалификацией, но и соответствующими личностными качествами. Эффективность работы наставника определялась достижениями новичка, которого он курировал [11].

С помощью наставничества возможно передавать и принимать опыт организации и ведения бизнеса, что позволяет сохранять, аккумулировать и развивать интеллектуальный капитал организации. Широкое применение в западных странах получил институт профессиональных консультантов, которые реализуют профессиональный коучинг или выстраивают регулярную наставническую деятельность в компании. Это позволяет организациям развивать кадровый резерв, пестовать новых лидеров, формировать собственный пул эффективных менеджеров. При этом примеряют на себя наставнические функции специалисты и эксперты в определенной сфере, практикующие свой бизнес и консультирующие другие организации по актуальным вопросам, а также работники с богатым профессиональным опытом [14].

Сегодня развивается и такой популярный вариант наставничества, как институт бизнес-инкубаторов, школ бизнеса и развития предпринимательства. Первоначально целью данных компаний было решение кадровых запросов от крупнейших организаций и корпораций. В дальнейшем их деятельность стала востребована у банковских и крупных промышленных компаний, венчурных фондов и других организаций, оказывающих услуги. В нашей стране наставничество постепенно приобретает аналогичное значение, схожее с западным. Увеличивается число технопарков, школ бизнеса, расширяется масштаб оказываемой правовой и социальной поддержки. То есть, наставничество вновь приходит в формат транслирования знаний, умений и драгоценного профессионального опыта. При этом эффективность наставника определяется успешностью его подопечных в финансовом плане. Основная проблема данного подхода обусловлена определенными ограничениями в области преемства поколений и социальной интеграции молодежи в современные реалии.

Выводы

В проведенном анализе социологического измерения феномена наставничества установлено, что:

- наставничество как объект научного исследования рассматривается, как правило, с позиции структурного функционализма и социального обмена;
- в рамках социологических концепций происходит постепенное смещение фокуса внимания к наставничеству как проводника властной (организационной) воли на его первостепенное значение в образовательном процессе и развитии корпоративной культуры современной организации;
- наставничество понимается, как социальный институт, как системный общественный процесс, как деятельность, как выполнение определенной социальной роли, как технология привития востребованных социальных норм;
- неперенным условием функционирования наставничества выступает процесс социализации, более углубленно его можно рассматривать как компонент преемственности передачи знаний и умений от поколения к поколению;
- внедрение наставничества в производственный процесс сталкивается с рядом трудностей, а именно неясность и расплывчатость статуса наставника, негативное отношение к наставничеству создает препятствие для привития стандартов наставничества как на индивидуальном, так и групповом уровнях;
- успешность и эффективность наставничества определяется совокупностью мотиваций наставника и подопечного.

Литература

1. Батышев С. Я. Основы педагогической деятельности наставника. М. : Знание, 1977. 63 с.
2. Башарина О. В. Наставничество как стратегический ресурс повышения качества профессионального образования // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 3 (19). С. 18–26.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 465 с.
4. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М. : Педагогика-Пресс, 1996. 894 с.
5. Гавров С. Н., Никандров Н. Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник УРАО. 2008. № 5. С. 21.
6. Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Народное образование. 2019. № 5. С. 110.
7. Гринько Е. Н. Наставничество и наставник как социокультурные феномены // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1 (47). С. 10–25.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Дело, РАНХиГС, 2018. 543 с.
9. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2006. 1168 с.
10. Кравченко А. И. Социология : учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 433 с.
11. Луков В. А. Гуманитарные константы педагогики Макаренко [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Lukov_Makarenko/ (дата обращения: 23.05.2023).
12. Льюис Г. Менеджер-наставник. Стратегия раскрытия таланта и распространения знаний. Минск : Амалфея, 1998. 283 с.
13. Мардахаев Л. В. Социализация человека как социально-педагогический процесс // Педагогическое образование и наука. 2009. № 4. С. 21–26.
14. Маслова В. М. Управление персоналом : учебник и практикум для среднего проф. образования. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 451 с.
15. Нонака И., Такеучи Х. Компания — создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М. : Олимп-Бизнес, 2003. 483 с.
16. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект-Пресс, 1997. 784 с.
17. Президент РФ подписал указ о проведении Года педагога и наставника в 2023 году [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: (дата обращения: 11.08.2023).

18. Рай Л. Развитие навыков эффективного общения. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
19. Свол У., Леонард Д., Шилдз М., Абрамс Л. Как превратить знания в стоимость: Решения от IBM. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. 745 с.
20. Сизоненко Р. В. Наставничество в промышленной сфере как управленческая практика и технология: концептуальный анализ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета [Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta]. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 69–82.
21. Соина В. М. Наставничество как предмет научной рефлексии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 232–234.
22. Allan G. Kinship and Friendship in Modern Britain. Oxford : Oxford University Press. 1996. P. 106.
23. Benabou C., Benabou R. 1999. Establishing a Formal Mentoring Program for Organization Success // National Productivity Review. Vol. 18 (2). P. 7–14.
24. Clasen D. R., Clasen R. E. 1997. Mentoring: A time-honored option for education of the gifted and talented // Handbook of gifted education / N. Colangelo, G. A. Davis (Eds.). Needham Heights, MA : Allyn and Bacon. P. 218–229.
25. Clutterbuck D. Everyone Needs a Mentor: Fostering Talent in Your Organization. 3rd rev. ed. London : Institute of Personnel and Development, 2004.
26. Clutterbuck D. Everyone Needs a Mentor. London : CIPD, 2006.
27. Covaleksi M. A., Dirsmith M. W., Heian J. B., Samuel S. The Calculated and the Avowed: Techniques of Discipline and Struggles over Identity in Big Six Public Accounting Firms // Administrative Sciences Quarterly. 1998. Vol. 43 (2). P. 293–328.
28. Cruddas L. Learning Mentors in Schools: Policy and Practice. London : U. K. Trentham Books, 2005.
29. Egan G. The Skilled Helper: A Problem Management Approach to Helping. California : Brooks/Cole Publishing Company, 2004.
30. Freeman J. Mentoring gifted pupils // Educating Able Children. 2001. Vol. 5. P. 212.
31. Gardiner C. E. Mentoring: Towards to Professional Friendship. Mentoring and Tutorial Journal. 1998. N 6. P. 77.
32. Huskin J. Priority Steps to Inclusion: Addressing Underachievement, Truancy and Exclusion at Key Stages 3 & 4. Bristol : John Haskin, 2001.
33. Kaufman F. A., Harrel G., Milam C. P., Woolverton N., Miller L. B. The nature role and influence of mentors in the lives of gifted adults // Journal of Counselling and Development. 1986. Vol. 64. P. 576–578.
34. Morrison E. W. Newcomer information seeking: exploring types, modes, sources and outcomes // Academy of Management Journal. 1993. Vol. 36 (1). P. 557–589.
35. Rogers C. On becoming a Person: A Therapist View of Psychotherapy. London : Constable, 1967.
36. Subotnik R. F. Talent developed — Conversations with masters in the Arts and Sciences // Journal for the Education of the Gifted. 2002. Vol. 25. P. 290–302.
37. The Science of Effective Mentorship in STEMM / eds. A. Byars-Winston, M. L. Dahlberg. Washington : The Nation. Academies Press, 2019. XXVIII, 288 p.
38. Wilson J. A., Elman N. S. Organizational Benefits of Mentoring // Academy of Management Executive. 1990. Vol. 4 (4). P. 88–94.
39. Zorman R., Rachmel Sh., Bashan Z. The national mentoring program in Israel. Challenges and achievement // Gifted education international. 2016. Vol. 32 (2). P. 173–184.

Об авторе:

Виноградов Александр Эдмундович, аспирант кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); lu-pen-vinog@yandex.ru

References

1. Batyshev S. Ya. Fundamentals of pedagogical activity of a mentor. Moscow : Znanie, 1977. 63 p. (In Russ.)
2. Basharina O. V. Mentoring as a strategic resource for improving the quality of professional education // Innovative development of professional education [Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya]. 2018. N 3 (19). P. 18–26. (In Russ.)

3. Weber M. Science as a vocation and profession // Weber M. Selected works. Moscow : Progress, 1990. 465 p. (In Russ.)
4. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology. Moscow : Pedagogika-Press, 1996. 894 p. (In Russ.)
5. Gavrov S.N., Nikandrov N.D. Education in the process of personality socialization // Bulletin of URAO [Vestnik URAO]. 2008. N 5. P. 21. (In Russ.)
6. Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and new realities // National Education [Narodnoe obrazovanie]. 2019. N 5. P. 110. (In Russ.)
7. Grinko E.N. Mentoring and mentor as sociocultural phenomena // Man. Culture. Education [Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie]. 2023. N 1 (47). P. 10–25. (In Russ.)
8. Durkheim E. Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia. Moscow : Publishing House "Delo", RANEPa, 2018. 543 p. (In Russ.)
9. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow : AST, 2006. 1168 p. (In Russ.)
10. Kravchenko A.I. Sociology : textbook and workshop for universities. 4th ed., reprint. and additional. Moscow : Yurayt, 2023. 433 p. (In Russ.)
11. Lukov V.A. Humanitarian constants of pedagogy of Makarenko [Electronic source]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Lukov_Makarenko/ (accessed: 05.23.2023). (In Russ.)
12. Lewis G. Manager-mentor. The strategy of talent disclosure and knowledge dissemination. Minsk : Amalfea, 1998. 283 p. (In Russ.)
13. Mardakhaev L.V. Human socialization as a socio-pedagogical process // Pedagogical education and science. 2009. N 4. P. 21–26. (In Russ.)
14. Maslova V.M. Personnel management: textbook and workshop for secondary vocational education. 5th ed., reprint. and additional. Moscow : Yurayt, 2023. 451 p. (In Russ.)
15. Nonaka I., Takeuchi H. The company is the creator of knowledge. The origin and development of innovations in Japanese firms. Moscow : Olymp-Business CJSC, 2003. 483 p. (In Russ.)
16. Parsons T. The system of modern societies. Moscow : Aspect-Press, 1997. 784 p. (In Russ.)
17. Президент РФ подписал указ о проведении Года педагога и наставника в 2023 году // Гарант.ру. URL: (дата обращения: 11.08.2023). (In Russ.)
18. Rai L. Development of effective communication skills. Saint Petersburg : Peter, 2002. 288 p. (In Russ.)
19. Swap U., Leonard D., Shields M., Abrams L. How to turn knowledge into value: Solutions from IBM. Moscow : Alpina Business Books, 2006. 745 p. (In Russ.)
20. Sizonenko R.V. Mentoring in the industrial sphere as management practice and technology: conceptual analysis // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2021. N 1. P. 69–82. (In Russ.)
21. Soina V.M. Mentoring as a subject of scientific reflection // The world of science, culture, and education [Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya]. 2020. N 5 (84). P. 232–234. (In Russ.)
22. Allan G. Kinship and Friendship in Modern Britain. Oxford : Oxford University Press, 1996. P. 106.
23. Benabou C., Benabou R. 1999. Establishing a Formal Mentoring Program for Organization Success // National Productivity Review. Vol. 18 (2). P. 7–14.
24. Clasen D.R., Clasen R.E. 1997. Mentoring: A time-honored option for education of the gifted and talented // Handbook of gifted education / N. Colangelo, G.A. Davis (Eds.). Needham Heights, MA : Allyn and Bacon. P. 218–229.
25. Clutterbuck D. Everyone Needs a Mentor: Fostering Talent in Your Organization. 3rd rev. ed. London : Institute of Personnel and Development, 2004.
26. Clutterbuck D. Everyone Needs a Mentor. London : CIPD, 2006.
27. Covaleksi M.A., Dirsmith M.W., Heian J.B., Samuel S. The Calculated and the Avowed: Techniques of Discipline and Struggles over Identity in Big Six Public Accounting Firms // Administrative Sciences Quarterly. 1998. Vol. 43 (2). P. 293–328.
28. Cruddas L. Learning Mentors in Schools: Policy and Practice. London : U. K. Trentham Books, 2005.
29. Egan G. The Skilled Helper: A Problem Management Approach to Helping. California : Brooks/Cole Publishing Company, 2004.
30. Freeman J. Mentoring gifted pupils // Educating Able Children. 2001. Vol. 5. P. 212.
31. Gardiner C.E. Mentoring: Towards to Professional Friendship. Mentoring and Tutorial Journal. 1998. N 6. P. 77.
32. Huskin J. Priority Steps to Inclusion: Addressing Underachievement, Truancy and Exclusion at Key Stages 3 & 4. Bristol : John Haskin, 2001.

33. Kaufman F.A., Harrel G., Milam C. P., Woolverton N., Miller L. B. The nature role and influence of mentors in the lives of gifted adults // Journal of Counselling and Development. 1986. Vol. 64. P. 576–578.
34. Morrison E.W. Newcomer information seeking: exploring types, modes, sources and outcomes // Academy of Management Journal. 1993. Vol. 36 (1). P. 557–589.
35. Rogers C. On becoming a Person: A Therapist View of Psychotherapy. London : Constable, 1967.
36. Subotnik R.F. Talent developed — Conversations with masters in the Arts and Sciences // Journal for the Education of the Gifted. 2002. Vol. 25. P. 290–302.
37. The Science of Effective Mentorship in STEMM / eds. A. Byars-Winston, M.L. Dahlberg. Washington : The Nation. Academies Press, 2019. XXVIII, 288 p.
38. Wilson J.A., Elman N.S. Organizational Benefits of Mentoring // Academy of Management Executive. 1990. Vol. 4 (4). P. 88–94.
39. Zorman R., Rachmel Sh., Bashan Z. The national mentoring program in Israel. Challenges and achievement // Gifted education international. 2016. Vol. 32 (2). P. 173–184.

About the author:

Alexander E. Vinogradov, postgraduate student of the Department of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); lu-pen-vinog@yandex.ru

Рецензия на учебное пособие И. В. Новиковой «Стратегическое управление трудовыми ресурсами»

Н. В. Шмелёва

Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Российская Федерация; shmeleva@misis.ru

Review of the Study Guide by I. V. Novikova “Strategic Human Resources Management”

Nadezhda V. Shmeleva

University of Science & Technology «MISIS». Moscow, Russia; nshmeleva@misis.ru

Одной из стратегических целей развития России является повышение качества жизни ее граждан. Согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов, в числе которых особое внимание уделено вопросу развития человеческого потенциала. Ключевую роль персонала в обеспечении устойчивого развития организации признают и руководители компаний. Развитие человеческого потенциала и качество жизни определяются не только экономическими факторами, но и наличием возможности проявить и применить свой талант для каждого человека. Современной экономике требуются высококвалифицированные специалисты, поэтому необходимым элементом культурного, научно-технического и экономического развития России является эффективная и системная работа по управлению трудовыми ресурсами. Одним из проявлений процесса возрастания роли и значимости человеческого фактора в управленческой деятельности является растущий спрос на разработку кадровых стратегий.

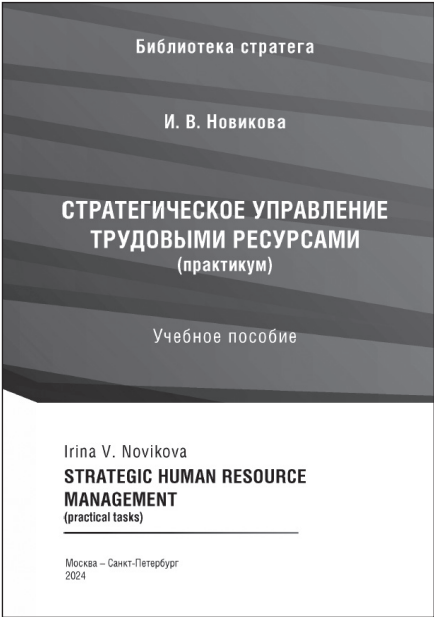
Среди учебных пособий, предлагаемых бизнес-сообществу и прежде всего будущим руководителям — студентам и аспирантам, можно отметить небольшое по объему, но весьма емкое по содержанию и информации

Стратегическое управление трудовыми ресурсами (практикум) : учеб. пособие / И. В. Новикова ; под науч. ред. В. Л. Квинта. — СПб. : ИПЦ СЗиУ РАНХиГС, 2024. — 112 с. — (Библиотека стратега).

ISBN 978-5-89781-792-4

EDN ADVKSO

DOI 10.21603/978-5-89781-792-4

онной насыщенности учебное пособие «Стратегическое управление трудовыми ресурсами» И. В. Новиковой под научной редакцией В. Л. Квинта. Пособие призвано помочь студентам, преподавателям, а также уже состоявшимся руководителям глубже понять важнейшие вопросы, связанные с практической работой по стратегированию управления человеческим потенциалом.

Представленное на рецензию учебное пособие включает шесть разделов, логически объединяет материал об этапах стратегирования, элементах и функциях стратегического управления трудовыми ресурсами, системе работы с персоналом. Наиболее полно раскрыты следующие темы:

- «Разработка и реализация стратегии развития трудовых ресурсов»;
- «Стратегическое лидерство»;
- «Стратегическая мотивация»;
- «Стратегический мониторинг и контроль на национальном, региональном и корпоративном уровнях».

Учебное пособие основано на методологии стратегирования ученого-практика, академика, иностранного члена РАН, профессора, доктора экономических наук В. Л. Квинта.

Особенностями пособия И. В. Новиковой «Стратегическое управление трудовыми ресурсами» являются его комплексный характер, четкая структура, большой объем практического материала, тестовые и творческие задания, задачи и упражнения по каждой теме, вопросы и задания для самоконтроля, терминологический словарь в каждом из шести разделов. Материал, изложенный в учебном пособии, построен на основе современных научных разработок и практической деятельности российских и зарубежных компаний и представлен на высоком научно-методическом уровне. Выгодно отличает рецензируемый практикум от аналогичных изданий акцент на стратегические аспекты в работе с персоналом, так как подготовка высококвалифицированных кадров — это длительный и дорогостоящий процесс. Несомненным достоинством является то, что в пособии практические примеры составлены по результатам оригинальных исследований автора. Практикум может быть использован в качестве дополнения к учебникам по дисциплинам «Стратегическое лидерство», «Стратегическое развитие трудовых ресурсов», «Управление персоналом». Отдельного внимания заслуживает обширный список рекомендуемой литературы российских и зарубежных авторов в конце каждого раздела учебного пособия, который будет полезен как для самостоятельного изучения, так и в качестве дополнения к основной программе.

В заключение можно сделать вывод о том, что содержание и структура учебного пособия соответствуют учебным программам по направлению «Экономика», специальностям «Региональная и отраслевая экономика» и «Менеджмент». Учитывая большое значение и актуальность изложенного материала, учебное пособие И. В. Новиковой «Стратегическое управление трудовыми ресурсами» будет интересно широкому кругу читателей: студентам, аспирантам, преподавателям, а также бизнесменам, руководителям организаций и регионов, которые разрабатывают и реализуют стратегии развития трудовых ресурсов.

Об авторе:

Шмелёва Надежда Васильевна, доктор экономических наук, доцент кафедры индустриальной стратегии Университета науки и технологий МИСИС, Москва, Российская Федерация; nshmeleva@misis.ru

About the author:

Nadezhda V. Shmeleva, Ph. D. (Econ.), Associated Professor Department of Economics, National University of Science & Technology «MISIS». Moscow, Russia; nshmeleva@misis.ru

О книге А. Ф. Измайлова «Востребованный временем. Очерки о Г. В. Романове (1923–2008), советском партийном и государственном деятеле»

Степанов А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; stepanov-av@ranepa.ru

**About the Book by Albert F. Izmailov “Demanded by Time.
Essays on G. V. Romanov (1928–2008), Soviet Party and Statesman”**

Aleksei V. Stepanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; stepanov-av@ranepa.ru

Все институты государства и общества нацелены в настоящее время на выполнение основополагающих положений Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Ряд положений этого документа перекликается с преобразованиями, которые проводил Ю. В. Андропов, будучи на постах в ЦК КПСС и в Президиуме Верховного Совета. Акцент был тогда сделан на основных направлениях внутренней политики: ускорение научно-технического прогресса в народном хозяйстве, повышение производительности труда, разработка новой системы образования, повышение роли общественных наук, подготовка и переподготовка кадров. Ю. В. Андропов привлек к управлению в центральном аппарате опытных руководителей из регионов. Среди них был Г. В. Романов, которому на посту секретаря ЦК КПСС было поручено развивать оборонную промышленность, военно-промышленный комплекс страны.

Одним из инструментов укрепления традиционных ценностей и традиций можно назвать

Измайлов А. Ф. Востребованный временем. Очерки о Г. В. Романове (1923–2008), советском партийном и государственном деятеле. — 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : ДЕАН, 2023. — 312 с.; илл. 45 с.

ISBN 978-5-6047964-0-5

институт наставничества. Во все времена молодому специалисту, в том числе молодому управленцу, необходим мудрый и опытный наставник. Таким наставником могут служить литературные произведения высокого гражданского и патриотического содержания. Как, например, книга очерков о Г. В. Романове, талантливом организаторе, мудром управленце, продолжателе лучших традиций народных духовно-нравственных ценностей.

Григорий Васильевич Романов прошел трудный жизненный и служебный путь: участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., активный труженик послевоенного восстановления и развития отечественного народного хозяйства, создатель и руководитель планомерно развивающегося социально-экономического конгломерата Ленинграда и Ленинградской области, как Секретарь ЦК КПСС успешно курировал развитие военно-промышленного комплекса Советского Союза.

Результаты труда Григория Васильевича Романова и его команды продолжают отдавать свои плоды новым поколениям. Спустя полвека мы видим, ощущаем, используем надежную и качественную продукцию советских промышленных, строительных, транспортных, сельскохозяйственных предприятий, атомных электростанций, газоперекачивающих агрегатов, атомных ледоколов, мощных военных подводных и надводных кораблей, новых станций ленинградского метрополитена, защитного комплекса от наводнений.

Г. В. Романов справедливо полагал, что в научно-техническом развитии наша страна в то время шла впереди Запада во многих отраслях: электронике, приборостроении, турбостроении. Опираясь фактами, статистическими выкладками, он повсеместно доказывал, в том числе Центру, что на основе создания и развития научно-производственных объединений, внедрения в производство научно-технических достижений, развития профессионально-технических училищ мы можем добиться больших успехов не только в оборонной отрасли, но и в легкой, и других.

Содержание книги помогает понять особенности времени, в котором работали герои повествования, поможет сравнить прошлое и настоящее время, поможет сделать правильные выводы.

В книге рассказывается о педагогах-фронтовиках Ленинградской высшей партийной школы (Ленинградского политологического института), из стен которой вышла большая плеяда квалифицированных государственных и муниципальных управленцев, будущих создателей Северо-Западного кадрового центра, позже переименованного в Северо-Западную академию государственной службы. Это учебное заведение вошло в систему Российской академии государственной службы при Президенте РФ, а затем институт стал частью Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Многие преподаватели Ленинградской высшей партийной школы опирались в своей работе на педагогические, воспитательные традиции лучших представителей прошлого, прививали учащимся идеи системного, последовательного, постоянного образования и самообразования.

Книга поступила в Научную библиотеку СЗИУ.

Об авторе:

Степанов Алексей Васильевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; stepanov-av@ranepa.ru

About the author:

Aleksei V. Stepanov, Associate Professor of the Chair of Jurisprudence of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Legal Sciences; stepanov-av@ranepa.ru

«Детство в современной России»: взгляд экспертов на детские проблемы (по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Детство в современной России: проблемы, политика, перспективы»)

Бесчасная А. А.^{1, *}, Тюрина Ю. А.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *aabes@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлен обзор работы Всероссийской научно-практической конференции «Детство в современной России: проблемы, политика, перспективы», организованной Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и состоявшейся 31 мая 2024 г. Анализ материалов и выступлений спикеров конференции построен на сочетании количественной и качественной методологии. Выявление количественных данных контент-анализа позволило обнаружить статус ребенка в современных объект-субъектных отношениях. Интерпретация вербальной информации позволяет охарактеризовать проблемы детей, а также определить векторы основных направлений исследовательской и практической работы с детьми по достижению счастливого и благополучного детства.

Ключевые слова: конференция, детство, ребенок, Россия, исследование, политика в области детства, поколение

Для цитирования: Бесчасная А. А., Тюрина Ю. А. Детство в современной России: взгляд экспертов на детские проблемы (по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Детство в современной России: проблемы, политика, перспективы») // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 213–219.

Childhood in Modern Russia: Experts' Views on Children's Problems (Based on Materials of the Russian Scientific and Practical Conference "Childhood in Modern Russia: Problems, Politics, Prospects")

Albina A. Beschasnaya^{1, *}, Yulia A. Tyurina¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *aabes@inbox.ru

ABSTRACT

The article provides an overview of the Russian Scientific and practical conference "Childhood in modern Russia: problems, politics, prospects", organized by the North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and held on May 31, 2024. Analysis of materials and reports of conference speakers built on a combination of quantitative and qualitative methodology. Revealing quantitative data from content analysis made it possible to detect the child's status in modern object-subject relations. Interpretation of verbal information allows characterize the problems of children, as well as determine the vectors of the main areas of research and practical work with children to achieve happy and prosperous childhood.

Keywords: conference; childhood; child; Russia; study; policy in the field of childhood, generation

For citing: Beschasnaya A.A., Tyurina Y.A. Childhood in Modern Russia: Experts' Views on Children's Problems (Based on Materials of the Russian Scientific and Practical Conference "Childhood in Modern Russia: Problems, Politics, Prospects") // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 213–219.

31 мая 2024 г. в Северо-Западном институте управления РАНХиГС при Президенте РФ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Детство в современной России: проблемы, политика, перспективы». Организатором и основной площадкой проведения выступил факультет государственного и муниципального управления. К участию в конференции были приглашены эксперты из разных областей работы с детьми – ученые, практики, политики, общественные деятели, юристы, педагоги, психологи, представители бизнеса и др., а также молодые ученые (студенты и аспиранты), работающие с детьми и молодежью. Целью конференции являлось обсуждение широкого круга проблем детства и молодости в условиях современного динамично изменяющегося социума, которые находятся в исследовательском фокусе многих наук. Конференционная дискуссия имела также цель мониторинга ключевых проблем в жизни детей в российском социуме, определения вектора политики в области детства и попытки построения прогнозов состояния будущих поколений детей.

Заявленная тематика дискуссий свидетельствовала о социологической направленности конференции, что подтвердилось информационной и организационной поддержкой партнеров факультета государственного и муниципального управления. В качестве соорганизаторов выступили Исследовательский комитет Российского общества социологов «Социология детства», кафедра прикладной и отраслевой социологии СПбГУ, Международная лаборатория исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ.

Конференция проходила в рамках пленарного заседания и 6 секций, в смешанном формате, предусматривающем очное и онлайн-участие. В общей сложности в программе конференции зафиксировано более 100 выступлений, сгруппированных по тематическим секциям: «Детство в современной России: прошлое, настоящее, будущее», «Дети и молодежь в современной России: политико-правовые аспекты, патриотизм и ценности», «Детство и молодость в паутине повседневности (цифровизация, IT, субкультуры и др. и особенности изучения)», «Социальные институты детства: от прошлого к будущему, от опыта к прогнозу», «Методология и методики исследования детей и детства: разнообразие и инклюзивность», «Педагогика детства: разнообразие проблем и методов воспитания».

Социальный портрет участников конференции можно охарактеризовать следующим образом. Общее количество заявок на участие в конференции было 119. География участников репрезентировала Россию от Петрозаводска до Хабаровска и Владивостока. Своим участием в конференции спикеры представили 24 населенных пункта России. В топ-5 городов с наибольшим количеством участников-представителей вошли: Санкт-Петербург — 42 участника, Москва — 29, Таганрог — 6, Самара и Уфа — по 5 человек. Среди спикеров конференции были также представители сельского населенного пункта Исаклы Самарской области — 2 участника.

Несмотря на социологическую принадлежность инициаторов конференции, междисциплинарный характер конференции проявился в разнообразии научной, профессиональной и служебно-должностной особенности участников. Социально-профессиональная принадлежность заявленных спикеров характеризовалась следующим образом: представители профессорско-преподавательского состава — 34 человека (28,6%), научно-исследовательских организаций и структур — 25 (21%), образовательных учреждений (школ, детских садов) — 23 (19,3%), политических институций (представители органов власти, уполномоченные по правам детей) — 8 (6,7%),

общественных организаций и движений — 5 (4,2%) и молодые ученые в лице аспирантов и студентов в количестве 24 человека (20,1%).

Вместе с заявками на участие спикеры представили тезисы планируемых докладов. Данные рукописи являют собой информативный материал для проведения контент-анализа с целью определения ключевых идей и актуальных тем обсуждения. В качестве инструмента обработки данных использовалась программа Content Analyzer. Она позволяет на основе определения частотных характеристик словооснов, слов (словоформ), словосочетаний выявить наиболее волнующие авторов проблемы и очертить векторы исследований. Основными показателями выступили ЧА (частота случаев единиц анализа в документе), и ВА (вес единицы анализа в документе). Последний показатель отражает вес (важность) словоосновы или словосочетания. Весовой коэффициент позволяет корректно сопоставить количественные значения показателей с учетом их качественной значимости

Таким образом, источниками информации для контент-анализа явились 65 рукописей (тезисов докладов), из которых были удалены заявки и информация об авторах, аннотация, ключевые слова. Все подготовленные материалы были объединены в текст общим объемом 23 019 слов. В исследовании в качестве единиц анализа были выбраны словоосновы и словосочетания, в которых был очевиден контекст употребления этих словооснов, а также были удалены ключевые слова дискуссии (например «детство», «дети», «ребенок»).

Первичный контент-анализ показал наиболее часто встречающиеся в рукописях сообщений и комментариев словоосновы и словосочетания, составившие топ-20 (табл. 1, 2).

Обзор представленных в табл. 1 числовых данных показывает, что частота случаев ЧА словооснов почти совпадает с их весом ВА в документе, а динамика снижения показателей частоты ЧА коррелирует с весом ВА. Однако, значимые различия присутствуют у словооснов «жизнь», «здоров», «отношен», «школьник».

Иначе дело обстоит со словосочетаниями. Табл. 2 показывает, что отсутствует прямая связь между частотой ЧА и весом ВСА словосочетаний. В словосочетаниях оба слова оказывают кумулятивное воздействие на весовой показатель. Наиболее выражены весовые значения у словосочетаний «образовательная среда», «цифровая гигиена», «образовательный процесс» и «государственная политика», «права ребенка», «современный школьник», «детей-сирот», «средства массовой информации», «взаимодействия семьи».

Анализ выделившихся в количественном и качественном отношении словооснов и словосочетаний позволяет определить проблемные вопросы, получившие максимальное внимание спикеров конференции. На наш взгляд, такие лексемы, как «сем», «родител», «воспитан», «сред», «проект», «подросток», «образован», «развит», «здоров», «сад», «отношен», «школьник», «педагог», «процесс», «детский сад», «образ жизни», «здоровый образ жизни», «подрастает поколение», «дошкольный возраст», «образовательная среда», «образовательный процесс», «средства массовой информации» создают смысловые фреймы, в которых ребенок выступает в первую очередь объектом внешних воздействий, а основной заботой взрослых является обеспечение условий для развития, образования и воспитания детей. Значимыми факторами среды жизни ребенка являются СМИ и цифровые устройства. Другой важной особенностью количественно-качественного анализа тезисов докладов является частое упоминание государства, молодежной и государственной политики в контексте детства. Текущий момент истории свидетельствует о государственной важности воспитательной работы в области формирования патриотизма и ценностей, что также находит свое отражение в частоте словосочетаний.

Таблица 1

Топ-20 словооснов
Table 1. Top 20 word bases

№ п/п	Словооснова	ЧА	БА
1	сем	165	165,8
2	родител	124	127,0
3	воспитан	93	94,0
4	сред	78	80,4
5	проект	74	76,3
6	современн	73	74,4
7	подросток	72	72,6
8	образован	71	72,4
9	развит	69	72,4
10	жизн	63	71,0
11	цифров	57	60,4
12	здоров	55	65,8
13	сад	52	52,0
14	отношен	48	52
15	школьник	47	54
16	педагог	45	48,4
17	процесс	44	45,0
18	государствен	44	44,2
19	поколен	44	44
20	человек	41	44

Таблица 2

Топ-20 словосочетаний
Table 2. Top 20 phrases

№ п/п	Словосочетание	ЧА	БСА
1	детский сад	52	65,6
2	Российская Федерация	25	43,7
3	образ жизни	20	56,5
4	патриотическое воспитание	18	62,9
5	здоровый образ жизни	16	59,6
6	подрастает поколение	13	29,0
7	дошкольный возраст	13	35,6

№ п/п	Словосочетание	ЧА	ВСА
8	образовательная среда	13	72,05
9	цифровая гигиена	13	38,7
10	образовательный процесс	12	54,35
11	молодежная политика	12	23
12	государственная политика	10	38,10
13	жесткое обращение	10	11,7
14	сопровожаемое проживание	9	13,0
15	права ребенка	9	55,7
16	постинтернатное сопровождение	9	16,5
17	современный школьник	9	64,2
18	детей-сирот	8	65,67
19	средства массовой информации	7	20,13
20	взаимодействия семьи	6	101,0

Среди спикеров конференции можно выделить три ведущих группы: уполномоченные по правам ребенка, ученые-социологи, проводящие исследования в области детства, и профессионалы-практики. Ограничения объема статьи позволяют провести краткий обзор выступлений лишь ведущих спикеров.

В конференции приняли участие уполномоченные по правам ребенка нескольких российских регионов. А. В. Митянина, уполномоченная по правам ребенка в Санкт-Петербурге, обозначила основные направления работы омбудсмана в Санкт-Петербурге: безопасность, здоровье и равенство возможностей детей. Она отметила, что в настоящее время остро стоит вопрос организации и проведения психологической помощи детям, формирование доверия у детей, чтобы вести профилактическую работу и спасать детей от суицида, наркотиков, преступности, жестокости сверстников. Т. Н. Толстова, уполномоченная по правам ребенка в Ленинградской области, защиту детства видит в формировании ценностей семейственности и родительства. С этой целью она предложила использовать разнообразные способы: популяризация ценностей через авторитетов мнения, визуализация успешной молодой семьи, укрепление связи поколений. Уполномоченный по правам ребенка в Орловской области К. И. Домогатский обратил внимание на негативную статистику заключения и расторжения браков. Одну из мер сохранения браков он видит в проведении медиативной помощи. Так, в Орловской области функционируют «комнаты примирения супругов», которые изначально предназначались для работы с супругами в состоянии конфликта, но после оценки их эффективности деятельность расширилась до психологической помощи детям, одиноким и разведенным родителям.

Вторую группу ведущих исследователей — экспертов в области социологии детства — возглавили С. Н. Майорова-Щеглова, доктор социологических наук, профессор, председатель ИК РОС «Социология детства» (содокладчик А. В. Кученкова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН), М. А. Козлова, доктор социологических наук, главный научный сотрудник

Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ, Е. Р. Ярская-Смирнова, доктор социологических наук, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ, О. Б. Савинская, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ, и др.

С. Н. Майорова-Щеглова (содокладчик А. В. Кученкова) представила исследование, посвященное поиску и определению характеристик счастливого детства. Во-первых, счастливое детство нельзя приравнивать к благополучному детству; во-вторых, счастливое детство предполагает субъектность ребенка в построении коммуникаций, мобильности, самостоятельности; в-третьих, формированию счастливого детства сопутствуют факторы наличия семьи, братьев и сестер; в-четвертых, признаками несчастливого детства как дихотомии счастливого являются травмирующие события и девиации. Эксперты Центра исследований бюджетов времени Института социальной политики НИУ ВШЭ Н. С. Михайлова и М. А. Нагерняк обратили исследовательский фокус на бюджет времени ребенка, который выступает как характеристика и фактор детского благополучия. Бюджет времени позволяет оценить, как дети распределяют свое время в течение определенного временного промежутка. М. А. Козлова обратила внимание на деятельность института образования, который посредством формирования в нем «дружественной образовательной среды» является отражением культуры общества. Она формируется между различными акторами образовательного пространства: государством, родителями, учителями и учащимися, а ее маркерами является соблюдение принципов инклюзивности и равенства, безопасности и сотрудничества. Вопросам инклюзивности посвящено выступление Е. Р. Ярской-Смирновой. Спикер раскрыла фреймы инклюзивности, а по результатам обзора СМИ выделила аргументы «за» и «против» инклюзивного образования. В первом случае это права на образование по месту жительства, гуманизм, снижение патерналистских и иждивенческих настроений, воспитание эмпатии, экономия бюджета для государства и др., а во втором — агрессия детей, страхи и мифы, несогласие родителей с идеей инклюзии как таковой, сокращение финансирования, слияние школ, переход на подушевое финансирование и др.

Группа спикеров профессионалов, работающих непосредственно с детьми, представлена сотрудниками общественных организаций и педагогами образовательных учреждений Е. Платонова, президент центра исторического добровольчества «Паруса истории», раскрыла условия эффективной воспитательной работы с детьми в вопросах привития любви к истории и Родине: работа детей в архивах и непосредственное знакомство с историческими документами и предметами, мероприятия с участием разных поколений и отсутствие принудитивности. К. Ю. Белоусов, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-педагогических измерений Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, раскрыл эволюцию становления статусно-ролевого набора недавно введенной в образовательных учреждениях должности советника директора по воспитанию и по взаимодействию с детскими общественными объединениями. В текущих условиях она отличается многофункциональностью и высокой ответственностью. Формулирование компетентностной модели данной должности требует разработки новой философии воспитания. Среди педагогов подавляющее большинство участников — сотрудники дошкольных образовательных учреждений. Абсолютное большинство их выступлений было посвящено патриотическому воспитанию. С этой целью они предлагали такие формы работы, как музейное дело, где дети выступают в роли хранителей, экскурсоводов и гостей; кадетское движение; библиотечное чтение; детский комплекс ГТО и др.

Таким образом, сопоставление количественных данных контент-анализа позволяет обнаружить векторы основных направлений исследовательской и практической работы с детьми в настоящее время — это совершенствование образовательной

работы, развитие разных моделей воспитательной работы в русле патриотического воспитания, обеспечение условий для жизни и воспитания детей в семье и привития ценностей семейственности, родительства, детства, искоренение детских девиаций. Однако расшифровка и интерпретация вербальной информации значительно расширяют взгляд на современное детство. Ученые и практики находятся в поиске характеристик счастливого и благополучного детства, а политики — условий их формирования.

Об авторах:

Бесчасная Альбина Ахметовна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, доцент; ORCID 0000-0002-9432-043X; aabes@inbox.ru

Тюрина Юлия Александровна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, доцент; Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-5165-2418; jultur2005@yandex.ru

About the avtors:

Albina Ah. Beschasnaya, Professor of the Chair of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology), docent; ORCID 0000-0002-9432-043X; aabes@inbox.ru

Yulia A. Tyurina, Professor of the Chair of State and Municipal of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); Doctor of Science (Sociology), docent; ORCID: 0000-0002-5165-2418; jultur2005@yandex.ru

Академик В. Л. Квинт награжден юбилейной медалью «300 лет Российской академии наук»

Российская академия наук 8 февраля 2024 г. торжественно отметила свое 300-летие. Академия — это три века великих имен и открытий, вписанных в мировую историю. В этот праздничный для российской науки и всей страны день глава государства Владимир Владимирович Путин и президент РАН Геннадий Яковлевич Красников отметили наградами ученых, которые содействовали развитию отечественной науки и росту ее авторитета.

За большой вклад в становление и развитие отечественной науки, подготовку кадров, многолетнюю плодотворную научно-исследовательскую и организационную деятельность и в связи с 300-летием Российской академии наук юбилейной медалью «300 лет Российской академии наук», учрежденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 874, были награждены академики, члены-корреспонденты и профессора РАН. Редакция журнала поздравляет с этой наградой председателя международного редакционного совета журнала «Управленческое консультирование», иностранного члена РАН, доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ Владимира Львовича Квинта.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

5–8 июня 2024 года

**Тема: «Основа многополярного мира —
формирование новых точек роста»**

8 июня 2024 года завершил свою работу Петербургский международный экономический форум. В 27-й раз он собрал на своей площадке лидеров крупнейших российских и иностранных компаний, представителей государственных структур, политического и научного сообщества для того, чтобы установить деловые контакты, найти новых партнеров, обсудить перспективные проекты, обменяться мнениями по актуальным тенденциям в политике и экономике на глобальных и региональных рынках.

Престиж форума как одного из самых значимых деловых событий в мире продолжает неуклонно расти. ПМЭФ — это пространство для диалога и развития деловых связей, не имеющее аналогов. Это возможность найти партнеров для развития бизнеса в России и за ее пределами, расширить круг заказчиков и поставщиков, выйти на контакт с лицами, напрямую принимающими решения, привлечь внимание потенциальных инвесторов и ведущих СМИ.

«На мой взгляд, ПМЭФ уже давно перерос рамки исключительно „экономического“ мероприятия. Сегодня мы говорим о Петербургском международном экономическом форуме не просто как о ключевом событии в деловой жизни страны, а как об одной из ведущих международных площадок формирования контуров новой мирополитической системы. Во многом именно этим объясняется большой интерес к форуму среди наших зарубежных партнеров, которые понимают, что на его полях будут заданы основные векторы дальнейшего совместного движения. И, что самое ценное, попасть на это событие — значит, быть услышанным и принять участие в формировании этих самых векторов, ведь главная цель ПМЭФ — это создание условия для равноправного и свободного диалога в интересах всеобщего процветания», — сказал директор Президентской академии в Санкт-Петербурге А. Д. Хлутков.

*Рабочая встреча директора СЗИУ РАНХиГС
А. Д. Хлуткова (второй слева) на ПМЭФ*

НЕВСКИЙ ФОРУМ

20–21 июня 2024 года

**Тема: «Единство системы публичной власти,
бизнеса и общества
в эпоху геополитических противоречий»**

В Петербурге специалисты в сфере государственного управления — ученые, представители министерств и ведомств различных уровней, коммерческих корпораций — обсудили задачи власти в условиях продолжающегося мирового геополитического кризиса.

Организатором масштабного мероприятия, которое ежегодно собирает более тысячи российских и иностранных участников, а в 2024 году проходит уже в восьмой раз, выступает Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

«Президентская академия — это не только учебное заведение, это серьезный экспертный центр и центр компетенций по анализу управленческих практик, динамики социально-экономического развития, территориального планирования, — отметил директор Президентской академии в Санкт-Петербурге Андрей Драгомирович Хлутков. — В этом году мы решили поговорить о роли системы публичной власти, консолидации общества, бизнеса, науки, образования в условиях повышенной турбулентности, обсудить новые подходы к решению и поиску эффективных управленческих решений».

*Выступление с трибуны Мариинского дворца
директора СЗИУ РАНХиГС
А. Д. Хлуткова*

*Директор СЗИУ РАНХиГС А. Д. Хлутков
и председатель Совета государственной
службы Республики Союз Мьянма
У Аунг То*

Деловая программа форума была разделена на четыре трека: «Инвестиции в науку», «Человеческий капитал», «Цифровая трансформация» и «Международное сотрудничество», в рамках которых состоялись 22 тематические сессии, а также конференции с международным и всероссийским участием, спецсессии и открытые лекции.

Одним из важных вопросов, который обсуждался как на официальных мероприятиях, так и на полях форума стал вопрос о привлечении молодежи, формировании надежного кадрового резерва для всех сфер экономики — от государственного управления и бизнеса до науки и образования. Поэтому в этом году в рамках форума проходит Первый съезд председателей, кураторов и лидеров студенческих научных обществ РАНХиГС: знакомство с инициативами, проектами и мероприятиями Десятилетия науки и технологий России, научные треки и мастер-классы, обсуждение актуальных направлений работы СНО.

В работе форума приняли участие делегаты из 30 стран мира, в том числе СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Одну из наиболее представительных миссий в Петербург направила Сербия. Кроме того, к работе форума проявляют значительный интерес гости из Верхней и Нижней Мьянмы.

В президиуме научный руководитель СЗИУ РАНХиГС В.А. Шамахов и первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи С.М. Боярский во время обсуждения вопросов привлечения молодежи к научной работе

2024. № 3(183)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 13.06.2024.

Подписано к печати 30.06.2024.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,25. Тираж 50 экз.

Заказ № 3/24.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72